

*"ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ ДРУГ,
ТОВАРИЩ
И БРАТ",*

*(из "Морального Кодекса",
принятого в моей стране в конце
двадцатого века.)*

ЮЛИЙ ВОЙНАРОВИЧ

БУКЕТ ПОЛЕВЫХ ЦВЕТОВ

(рассказы о людях хороших)

Донецк 2011

ББК 84.4 (Укр = Рос) 6

В 65

Войнарович Ю.Б. Букет полевых цветов (Рассказы о людях хороших) /
Войнарович Ю.Б. – Донецк: Норд-Пресс, 2011. – 133 с.

ОТ АВТОРА

По профессии и призванию я – географ.

В жизни мне выпало счастье много путешествовать по родной стране, встречаться с интересными людьми, знакомиться с удивительными человеческими судьбами. За многие годы в памяти накопилось множество фактов, событий, образов. Весь этот материал, пропущенный через горячее сердце и пылкое воображение, вошел в сюжеты моих рассказов.

Все персонажи представленных в сборнике произведений – реальные люди, с которыми мне довелось встречаться, жить рядом и работать, или о которых мне поведали мои друзья и знакомые. Их жизненные ценности и душевные качества были созвучны моим, и я собрал рассказы о них в «Букет полевых цветов» и дарю его читателям с надеждой, что эта книга поможет им в формировании собственной личности.

ISBN966-7051 99-2

© Юлий Болеславович Войнарович, 2011

БУКЕТ ПОЛЕВЫХ ЦВЕТОВ

/рассказ/

Каждый раз, когда я смотрю на букет полевых цветов, я вспоминаю о событиях давно минувших дней, связанных с другим букетом, в судьбе которого я принимал самое активное участие...

До отправления скорого поезда оставались считанные минуты, когда в дверях вокзала появился старик-казах с большим красивым букетом горных цветов в руках и самодельным рюкзаком за плечами. Тяжело дыша, он торопливо засеменил к поезду, и в это время наш состав тронулся с места. Старик что-то закричал и, прижимая букет к груди, побежал вдоль медленно плывущих вагонов.

Люди на перроне и пассажиры, стоявшие в тамбурах и высунувшиеся из окон поезда, хором давали старику советы, достойные конкурса юмористов, требовали выбросить букет и хвататься за поручни, но он только крепче прижимал цветы к себе, и по щекам его катились слезы. Не в силах больше бежать, старик остановился и тоскливо смотрел на проходящие мимо вагоны, прижимая к груди цветы родных гор.

Я уже хотел сорвать стоп-кран, как вдруг два молодых проводника из последнего вагона ловко подхватили старика за лямки рюкзака и втянули в вагон.

Я лег на свою вторую полку и стал смотреть в окно на уходящие назад могучие вершины Заилийского Алатау и расположенный у подножья гор белый город, утопающий в яблоневых садах. Эти сады постепенно переходили в яблоневые леса, растущие в нижнем поясе гор. Сейчас город благоухал ароматом цветущих яблонь, а через два месяца он станет настоящим царством огромных, необычайно вкусных яблок. Эти яблоки и дали имя городу: «Яблочный».

Два моих спутника, усевшись за столик у окна, стали с наслаждением уменьшать запасы взятых в дорогу продуктов.

Четвертое место нашего купе – верхняя полка напротив моей – оставалось пустым. Все мое внимание было приковано к горным пейзажам за окном, и я не сразу заметил появление четвертого пассажира. Это был тот самый старик-казах с букетом цветов альпийских лугов Тянь-Шаня – джайляу.

Старик бережно положил свой букет на пустую полку, раскрыл рюкзачок, достал из него казахский кумган и вышел с ним из купе.

Вскоре он вернулся, неся наполненный водой кувшин. Развязав букет, старик принялся опускать в воду каждый цветок по одному, что-то ласково нашептывая на своем языке.

Оба моих спутника, прервав свое занятие, с удивлением смотрели на старика и с неприкрытой иронией стали комментировать его действия. Старик на это никак не реагировал. Закончив работу, он бережно поставил кумган с цветами на свою полку. А сам примостился на нижней полке в ногах у одного из молодых людей.

Поезд покинул прохладу Тяньшаньских предгорий и погрузился в раскаленное марево полупустыни. В вагоне стало невыносимо душно. Я спустился вниз, мои молодые спутники достали из сумки игральные карты.

А странный старик все так же сидел в ногах у одного из нас и, казалось, дремал. Время от времени он поднимался, брал кумган и уходил менять воду на более прохладную, и снова замирал в уголке, закрыв глаза.

Проходил час за часом, жара в вагоне все возрастала. Букет альпийских весенних цветов стал умирать у нас на глазах. Первыми не выдержали нежные анемоны. Глядя, как скручиваются лепестки и бессильно опускаются головки цветов, старый казах беззвучно заплакал.

Я не выдержал и подсел к старику:

-Далеко едешь, Ата?

Старик поднял на меня взгляд переполненных слезами глаз:

-В Москву, сынок, - и снова закрыл глаза.

- А цветы кому везешь? Не доедут они до Москвы, пропадут совсем.

Я посмотрел на букет. Вслед за анемонами стали вянуть дикие тюльпаны, лютики, маки, крокусы.

- Цветы дочке везу. Очень больная она, в больнице лежит. Помереть может. А цветы увидит - жить будет. Любит она их шибко. - Старик поднялся и пошел менять воду.

-Ребята, надо что-то предпринимать, - сказал я моим присмирившим спутникам.

Мы пошли к нашему проводнику. Узнав, для кого предназначены цветы старика-казаха, проводник, подумав, сказал:

-Есть в нашем поезде два вагона с принудительным охлаждением воздуха. Только сами понимаете, какие люди в этих вагонах ездят. Старику туда не попасть. А цветам в них было бы получше, чем у нас.

Мы решили пойти поагитировать пассажиров тех вагонов поменяться местом со стариком, но проводники спецвагонов нас к себе даже не пустили.

Вскоре по поезду разошелся слух об удивительном старике и букете цветов для его умирающей дочери. К нам в купе стали приходиться пассажиры из других вагонов, давать советы, как сохранить цветы, или просто узнать о состоянии букета.

А букет редел все больше и больше. Было очевидно, что до завтрашнего дня он не доживет.

Чтобы отвлечь старика, я снова подсел к нему и стал расспрашивать о дочке. И вдруг с удивлением узнал, что дочь старого казаха зовут Таней, и что она старику вовсе не дочка, а местная учительница и врач одновременно. Тана русская, родом из казахской столицы. Родители у нее - видные ученые, могла бы после института остаться дома, а она выбрала заброшенный в горах поселок и поехала туда лечить людей.

- Аил наш маленький, далеко от города в горах стоит, на коне только можно доехать. Больницы нет, школы нет, а детей лечить и учить надо, - рассказывал старик. - Учитель к нам никогда не приезжал. А два доктора, из наших казахов, приезжали. Пожили у нас месяц, на охоту сходили и обратно домой ускакали. А Таня осталась жить с нами. Сперва людей лечила, и больших, и малых. Она же на врача выучилась. А потом детей стала учить читать и писать. Поначалу по-русски учила, а когда наш язык понимать стала, по-казахски обучать начала. Люди наши ее шибко полюбили, старики дочкой называли. А малые за ней ходили, как птенцы кеклика за маткой своей. Отец ее приезжал, уговаривал домой вернуться. А она ему говорит: «У меня тут столько родных живет, как я их брошу?». И не поехала с отцом. Мы Тане всем аилом дом построили. Только она в нем школу и больницу открыла, а сама в моем доме жить осталась.

А весной беда у нас случилась: с ледника ночью вода большая пошла прямо на

дома наши. Дом, что на краю стоял, вода совсем разбила, а в нем детей семь человек маленьких. Таня первая спасать их бросилась, потом ей наши люди помогать стали. А вода ледяная, куски льда несет, камни, деревья большие. Вот и побило сильно нашу девочку, да и простыла она очень от такой воды. Лечили мы ее, как умели. А потом отец на вертолете прилетел, домой увез. Врачи наши ее вылечить не сумели, в Москву отправили. А три дня назад геологи нам телеграмму привезли. Умирает в больнице дочка наша, вот такая телеграмма. А старики наши говорят мне: «Езжай, аксакал, в Москву, возьми цветы с нашего джайляу. Таня рукой их потрогает и поправится».

Старик замолчал и отвернулся, чтобы мы слез его не видели. Неожиданно приходит к нам один пассажир из тех самых вагонов и предлагает для спасения букета поменяться со стариком местом. Мы так рады были, и старик повеселел. А букету на новом месте лучше стало: совсем увядшие цветы стали поднимать свои головки. Значит, поживут еще. Но впереди три дня пути, из них один по пустыне ехать. Каково будет цветам эти три дня пережить?

К середине следующего дня букет снова начал вянуть. И глаза старого казаха опять наполнились болью.

И тут приходит к нам в купе молодой майор, летчик, и говорит:

- Я могу помочь вашему старику быстрее доставить цветы дочке в Москву. Через два часа поезд будет проходить совсем близко от расположения нашей авиабазы. А там я смогу отправить аксакала в Москву самолетом. Четыре часа полета – и букет у дочки. Только поезд в том месте не останавливается. Если мы уговорим машиниста притормозить на минуту, то дальше все по плану пойдет.

И мы вчетвером отправились в кабину машиниста. Сначала машинист даже слушать не стал, но когда узнал историю старого казаха и предназначение его букета, согласился.

Мы договорились с майором, что если он добьется разрешения начальства самому доставить старика до ближайшего гражданского аэродрома на военном самолете, то он пролетит над нашим поездом и помашет крыльями, подтверждая, что все идет хорошо. Майор был уверен в своем успехе, и мы все надеялись, что завтра к вечеру Таня будет любоваться букетом полевых цветов, выпитывая его живительную

силу.

Последние полчаса старик-казах вместе со мной и майором провели в кабине машиниста. Майор безошибочно определил место остановки, и впервые за время существования здесь железной дороги скорый поезд остановился среди подступивших к самому полотну песчаных холмов. Все пассажиры прильнули к окнам, толпились в открытых дверях вагонов, желая старику и майору успеха.

Поезд тронулся с места и быстро стал набирать скорость. А мы еще долго видели между песчаных барханов две фигурки, упорно идущие по сыпучему песку к белеющим на горизонте домикам авиабазы.

Прошло часа четыре, как старый казах с майором покинули поезд. Жизнь в вагонах снова потекла привычно: однообразно и скучно.

Внезапно это однообразие было взорвано гулом самолетных двигателей. Все от мала до велика бросились к окнам и дверям вагонов. Даже машинист уменьшил скорость поезда, передал управление помощнику и высунулся в окно кабины тепловоза.

А гул все нарастал, и вот уже на раскаленном добела небосводе появилась темная точка.

Небольшой транспортный военный самолет с красным крестом на борту пролетел над самым поездом и дважды покачал крыльями. Затем быстро взмыл вверх и растаял в белесом небе.

ПИСЬМА

/рассказ/

*Светлой памяти моей мамы
- Аллы Евгеньевны Войнарович*

Сереза давно уже считал себя взрослым.

Правда, соседка тетя Настя, приходя к ним в гости, усаживала его на колени и, глядя по голове, тихо говорила: «Маленький ты мой», - и глаза ее заполняли слезы. Наверно, Сереза напоминал тете Насте сына, который много лет назад

погиб под колесами автомобиля. А больше у тети Насти никого в мире не было.

Сереза не обижался на тетю Настю за эти слова. Ведь нельзя обижаться на тех, кто тебя очень любит. Так писал в письмах Серезе папа.

Папу своего Сереза никогда не видел. Серезин папа работал геологом где-то в далеких южных горах, и работа у него была такая, что он не мог приехать к ним даже на один день. И фотографий папы в доме не было: он не любил фотографироваться. Так говорила Серезе мама.

Письма от папы приходили редко. Но что это были за письма!

В них папа писал о своей работе, полной невзгод и приключений, об удивительных людях – геологах, которым приходится все время бороться с трудностями, проявлять мужество, смелость и выносливость, сотрудничая с прекрасной и суровой природой

И, конечно, Сереза хотел стать геологом, как его папа.

Он рано начал готовиться к этой профессии, и папины письма помогали ему в этом. Сереза научился просыпаться до восхода солнца, не ленился делать зарядку, не боялся обливаться холодной водой по утрам и вечерам.

Его любознательности не было предела. Как приготовить те или иные блюда, отстирать запачканную одежду, шить и штопать его научила мама, она же под диктовку Серези писала ответные письма папе, пока мальчик научился сам писать. Только адрес на конверте всегда подписывала мама. И опускала письма в почтовый ящик тоже мама.

Однажды Сереза попробовал сделать это сам, но его письмо через два месяца почему-то вернулось обратно с пометкой: «Укажите точный адрес». Сереза, конечно, очень огорчился, но виноватым считал свой почерк, который не поняли почтовые работники.

Так жили они вдвоем с мамой, весело и дружно, любя друг друга.

Мама Серези работала секретарем-машинисткой, часто задерживалась на службе, иногда брала работу на дом, и тогда сидела долго по ночам над рукописями, книгами и журналами. А Сереза, как мог, старался освободить маму от части домашних дел. Но он был еще маленьким, и не всегда у него получалось все, как надо.

Папу своего Сережа любил так же сильно, как и маму, и очень гордился им. Ребята из его двора и школьные товарищи всегда с удовольствием слушали рассказы Сережи о работе и приключениях его папы, втайне завидуя Сергею.

Но однажды, когда Сережа пересказывал ребятам содержание очередного папиного письма, Костя из соседнего дома вдруг перебил его:

-Хватит врать. Нет у тебя никакого отца-геолога! То, о чем ты сейчас рассказывал, напечатано в прошлом номере журнала «Огонек».

Сережа даже задохнулся от обиды.

-Ты... Ты... - сумел только вымолвить он и кинулся с кулаками на Костю. Когда мама открыла дверь и увидела Сережу в разорванной рубашке и с большим синяком под глазом, она очень удивилась и огорчилась.

-Что случилось, сынок? - спросила она. - Ты, ведь, раньше никогда не дрался. Надеюсь, ты защищал справедливость?

В ответ Сережа прижался к маминой груди и, рыдая, поведал ей о причинах драки.

- Глупенький ты мой, ну и что же, что напечатано в журнале? Разве не мог узнать об этом корреспондент и написать статью? Приведи себя в порядок и пойдем ужинать, - сказала мама и быстро ушла на кухню.

Когда Сережа сел за стол, он вдруг заметил, что глаза у мамы покраснели, а веки припухли.

- Мамочка, ты плакала? Да? Я тебя сильно огорчил? - спросил Сережа, обнимая маму за плечи.

- Ну, что ты, Ежик, это я лук резала, крепкий оказался. - мама провела ладонью по лицу и улыбнулась.

В этот вечер Сережа лег спать рано и быстро заснул. Разбудили его среди ночи странные звуки, доносившиеся из комнаты, где спала мама.

- Что ты, сынок? - спросила мама, когда Сережа приоткрыл дверь в ее комнату.

Ты не спишь? Можно к тебе? - и, не дождавшись ответа, мальчик юркнул под мамино одеяло и прижался к ее лицу. Оно было мокрым от слез.

-Ты плачешь, мамочка? Ты скучаешь без папы? Ты очень любишь его? Да? -

Сереза выстреливал вопросы, целуя маму и не сдерживая своих слез.

Они вдвоем немного поплакали, затем долго шептались, и заснули крепким предутренним сном.

После тех событий Сереза написал отцу письмо, где рассказал обо всем, что произошло, и попросил при следующем приезде к ним корреспондента сфотографироваться и прислать им свою фотокарточку. «Я знаю, что ты не любишь фотографироваться, но все равно, сделай это для нас, - писал Сереза. - я тебя еще не видел и не представляю, какой ты у меня. Но больше всего твой снимок нужен для мамы. Ей очень трудно без тебя. А так ты будешь всегда рядом с нами». Но приходили одно за другим письма от папы, в которых он о фотографии не вспоминал.

Сереза в каждом ответном письме повторял свою просьбу. И настал день, когда просьба его была выполнена. Из письма мама достала фотографию размером почтовой открытки и протянула сыну. Сереза торопливо взял снимок и уединился в своей комнате.

С фотографии на него смотрел широкоплечий, высокий мужчина с загорелым обветренным лицом. Одет он был в штормовой брезентовый костюм, из-под куртки видна была клетчатая рубашка, а за плечами находится выдавший виды большой рюкзак. Прямые, светлые волосы были зачесаны назад. В руках он держал геологический молоток с длинной рукояткой. За спиной просматривались причудливые скалы и дальние вершины, покрытые снегом.

Сереза вышел в прихожую, стал перед зеркалом и принялся рассматривать свое лицо и лицо мужчины на снимке. Он не заметил, как сзади подошла мама:

- Что, Ежик?

Сереза повернул к ней растерянное и огорченное лицо:

- Мамочка, я совсем не похож на папу. Ну, нисколечко, - Сереза готов был вот - вот расплакаться.

- Что ты, сынок, - сказала мама и нежно обняла Серезу за плечи, - ты очень похож на своего папу. Характером, своими делами, поступками, тем, что ты ценишь и любишь в жизни. Ну а то, что ты внешне не похож на папу, в том виновата природа: уж так устроено, что мальчики больше бывают похожи на маму, а девочки - на папу. Мы

ведь с тобой очень похожи. Тебя это сильно огорчает?

-Нет, нет, мамочка, я тебя очень-очень люблю, - Сережа притянул маму к себе, прижался к ее уху и шепотом добавил: - и папу тоже.

По просьбе Сережи мама заказала в фотоателье увеличенный портрет папиной фотографии, и он повесил его над своей кроватью. А маленькую фотографию в рамке под стеклом мама поставила на своем письменном столе.

И снова мир и радость воцарились в их доме...

...Инженер-геолог Гаранин не был в отпуске много лет. И когда его, наконец-то, отправили в отпуск, перед традиционной поездкой к теплому южному морю, Гаранин решил заглянуть в свой родной город, где находилась его маленькая однокомнатная квартира, в которой Гаранина никто не ждал,

На вокзале Гаранин сел в трамвай, идущий в центр города. Стоя в переполненном вагоне, он с жадностью смотрел то в одно, то в другое окно, отмечая перемены, происшедшие в городе за время его долгого отсутствия.

Отвыкший в горах от многолюдности и сутолоки, Гаранин решил остальной путь к дому пройти пешком. Он вышел на ближайшей остановке и легким, размашистым шагом землепроходца зашагал по улице. На перекрестке Гаранин остановился, пропуская проходящий транспорт.

- Папа, папа, подожди! - отчаянный детский крик заставил его обернуться. К перекрестку, размахивая руками, что есть силы бежал светловолосый мальчишка.

- Это Вас? - спросил стоящий рядом пожилой мужчина.

Гаранин не успел ответить: с разбегу мальчик подпрыгнул, обхватил его руками за шею и стал целовать, заливаясь слезами и приговаривая:

- Папа, папа, наконец ты приехал, ты приехал...

Буря незнакомых ранее чувств нахлынула на Гаранина. Ошеломленный, ничего не понимая, он неуклюже поддерживал висящего на нем мальчишку, не в силах что-нибудь предпринять. Вокруг стала собираться толпа любопытных. Наконец, Гаранин пришел в себя. Он бережно отвел руки мальчика, поставил его на тротуар.

-Ты ошибся, малыш, - нагнувшись, проговорил Гаранин и погладил светлые волосы мальчугана.

-Ты не узнал меня, папа? Конечно, ты не узнал. Я был тогда совсем маленьким. Смотри: это же я - твой Сережа! - глаза мальчика глядели на Гаранина с мольбой и радостью.

- До чего мы дожили! - громко воскликнула стоящая рядом старуха, - Отец родного сына не признает!

Гаранин смутился, покраснел и растерянно обвел взглядом толпу. Десятки осуждающих глаз уставились на него.

- Пойдем отсюда! - Гаранин взял мальчика за руку и потянул в сторону перехода.

-Ну, папка, ты совсем все забыл! - лицо мальчишки выражало крайнее удивление, - Наш дом совершенно в другую сторону.

Сережа крепко взял Гаранина за руку, и они пошли по незнакомой улице. Мальчик шел вприпрыжку, весело напевая, то и дело, поглядывая на Гаранина, и лицо его просто сияло от счастья. Маленькая ладошка Сережи нежно прижималась к огрубевшей ладони Гаранина, излучая какое-то особенное тепло, от которого у Гаранина кружилась голова. Он шел, как во сне, ничего не замечая и не соображая. Очнулся только, когда услышал какой-то грохот. Они стояли перед дверью незнакомой квартиры, и мальчик неистово стучал в нее, выкрикивая:

- Мама, мама, скорее открывай! Папа приехал! Папа приехал!

Дверь открыла хрупкая, светловолосая женщина с глазами, как у Сережи. Глянув на Гаранина, она охнула, отступила назад и закрыла лицо руками.

Но через мгновение она решительно шагнула вперед, обняла Гаранина за плечи и прижалась лицом к его груди. Аромат и нежное касание женских волос совершенно лишило Гаранина сил. Он не мог ни сдвинуться с места, ни что-либо сказать или спросить. А Сережа тем временем втолкнул их обоих в квартиру и захлопнул дверь.

Они стояли посреди небольшой комнаты и смотрели друг на друга. И Гаранин увидел во взгляде женщины такую мольбу о чем-то, что понял: он должен сейчас сделать для этой женщины что-то очень важное в ее жизни.

- Сережа, папа с дороги, а у нас нет совсем хлеба, - женщина засуетилась, протягивая мальчику сумку и деньги

- Ну, мама... - Сережа умоляюще смотрел на женщину, - в магазине сейчас перерыв.

- А ты сбегай в центральный гастроном, - женщина нежно взъерошила светлый ежик волос мальчика, - Неужели ты заставишь папу обедать без хлеба, сынок?

- Хорошо! - Сережа схватил сумку и деньги и бросился к двери. Внезапно он остановился, повернулся к Гаранину:

- Папа, а ты сейчас не уедешь в свои горы?

- Ну, что ты... сынок! - Гаранин произнес последнее слово и удивился, как легко он его вымолвил, словно этот светловолосый мальчонка был действительно его родным сыном.

Когда за мальчиком захлопнулась дверь, и затихли его торопливые шаги по лестнице, женщина устало опустилась на диван и закрыла глаза. Гаранин тоже присел на краешек стула. Так они сидели и молчали некоторое время.

- Простите меня, - женщина поднялась и нервно заходила по комнате. - Понимаете, отец Сережи ушел к другой женщине, не дождавшись рождения сына. А мальчик рос, ему так не хватало отца, родного мужчины, чтобы стать настоящим человеком. И тогда я придумала Вас...

- Меня? - Гаранин даже привстал от удивления. - Конечно, не вас конкретно, - смутилась женщина, - просто отца, который работает геологом в очень далеких горах и не может к нам приехать. Я даже письма от его имени пишу сыну. Только очень трудно писать о жизни геологов. Почти ничего не пишут о вас в книгах и журналах.

- Это точно, - подтвердил Гаранин, - не балуют вниманием нашего брата писатели и поэты. Только как Сережа узнал во мне этого выдуманного отца?

- А Ваш портрет висит у него над кроватью, - улыбнулась женщина, приглашая жестом пройти в соседнюю комнату.

На стене над маленькой кроватью Гаранин увидел большой фотопортрет, в котором узнал себя. И в памяти всплыл тот день, когда к ним добрался корреспондент столичного журнала. Он долго упрашивал Гаранина сделать снимок для обложки, обещал прислать фотографию, но снимка Гаранин так и не получил.

- Где Вы его взяли? - спросил Гаранин, критически разглядывая свой фотообраз.

- Нашла на обложке журнала «Огонек», - женщина присела на край детской кровати. - Мне его перефотографировали в ателье. Сын очень хотел увидеть своего отца

- Вы сильно рисковали, - Гаранин поднялся и подошел к женщине. - Ведь мальчик мог увидеть журнал, и обман раскрылся бы.

- Сядьте, пожалуйста, и выслушайте меня. - взгляд женщины снова выражал мольбу и отчаяние. - Теперь Вы все знаете, и я Вас очень прошу: побудьте здесь с Сережей до вечера, пока он не уснет. А потом уходите, уезжайте и никогда больше не появляйтесь в нашем районе. Сыну я как-то объясню Ваш отъезд. Он, конечно, будет сильно переживать, но что делать? А сегодня подарите ему эти полдня. Вы вправе меня осудить, но для Сережи это так важно. Сыграйте роль отца, а потом уходите... навсегда. Кстати, у Вас есть дети?

- Я никогда не был женат, - тихо выдохнул Гаранин, у которого от волнения пропал вдруг голос. В дверь нетерпеливо затарабанили детские кулачки.

- Папа, ты здесь, ты не уехал? - Сережа вихрем ворвался в комнату. - Я знал, что ты не уедешь.

После обеда Гаранин с Сережей уединились в его комнате. Сережа все говорил, говорил, а Гаранин внимательно слушал и удивлялся. Его поразила маленькая, но тщательно оформленная мальчиком коллекция минералов и горных пород, Гаранин был буквально потрясен знаниями Сережи в области геологии. Среди детских книг его библиотеки он увидел и свою любимую книгу академика Ферсмана «Воспоминание о камне», которая в давнее время сделала Гаранина геологом. Слушая мальчика, Гаранин все больше проникался уважением к этой хрупкой женщине, сумевшей от имени придуманного отца вырастить в сыне интересного, настоящего человека.

После приготовления Сережей уроков они вышли во двор прогуляться.

- Познакомьтесь, это мой папа, - с гордостью говорил Сережа обступившим их дворовым друзьям. И Гаранин крепко пожимал руки мальчишкам и девчонкам, и это делать ему было почему-то очень приятно.

- А Вы действительно работаете геологом? - спросил Гаранина смуглый паренек, который назвался Костей. Гаранин кивнул головой.

-Ой, как интересно! - воскликнула голубоглазая девчушка с большим бантом на голове. – Расскажите что-нибудь о себе.

Они уселись в беседке, и Гаранин долго рассказывал им о жизни и работе геологов, о прекрасном мире камней, о красоте природы тех мест, где он работал. Когда мама позвала их ужинать, к Сереже подошел Костя и, переминаясь с ноги на ногу, заикаясь, сказал:

-Серега, ты... того... прости меня за ту драку. У тебя действительно замечательный отец... Мне бы такого...

После ужина Сережа и Гаранин снова уединились в маленькой комнате, открывая друг другу тайники своей души. А мама села стучать на машинке.

Когда совсем стемнело, она заглянула к ним в комнату.

- Сережа, тебе пора ложиться спать, - мама взглядом указала на часы, стоящие на Сережином столе.

- Мамочка, можно мы с папой еще немного поговорим!?- мальчик умоляюще смотрел на мать.

- Нет, Ежик, тебе пора спать, а то завтра ты будешь вялым на уроках. - Не огорчай маму, - неожиданно для себя вмешался в разговор Гаранин. - Помнишь, я просил тебя об этом ... в письмах. Мы поговорим с тобой завтра.

-А ты не уедешь завтра? - глаза мальчика со страхом и надеждой смотрели на Гаранина, и в ответ он только кивнул головой, потому что обмануть Сережу словами у него не было сил

Женщина усадила Гаранина на диван, достала из книжного шкафа фотоальбом и протянула его Гаранину:

-Это чтобы Вам было не скучно ждать. Я думаю, Вам будет интересно, - и она снова села за пишущую машинку.

В начале альбома были детские и юношеские фотографии хозяйки дома. Гаранин долго не мог оторвать взгляд от последнего снимка, на котором Сережина мама была не иначе, как студентка-выпускница. С непонятым волнением он вглядывался в черты милого девичьего лица и вдруг поймал себя на том, что сравнивает и ищет сходство с другим лицом.

- «Нет, только не это», - подумал Гаранин и решительно перевернул

альбомный лист. Дальше шла настоящая фотолетопись Сережи от рождения до недавних дней. Этот светлый мир детства целиком поглотил Гаранина, и он совсем отключился от всего окружающего.

Вернуло Гаранина в действительность легкое прикосновение женской руки к его плечу.

- Вам пора уходить, - шепотом сказала женщина. - Сережик уже заснул. Вы прекрасно справились с ролью отца. Я Вам так благодарна за это.

- Да, Вы правы, - так же шепотом сказал Гаранин, - мне пора идти. И Гаранин нехотя поднялся с дивана. В прихожей он остановился у двери. Уходить ему совсем не хотелось.

- Ну, что же Вы? - в голосе женщины слышались упрек и удивление. - А ведь мы с Вами так и не познакомились. - Гаранин попытался улыбнуться - Я даже не знаю, как вас зовут.

- А зачем? - женщина недоуменно смотрела в глаза Гаранину.

- Да так, для порядка. Так положено у людей, - тихо проговорил Гаранин.

- Ну, разве уж для порядка, - улыбнулась женщина. - Меня зовут Лида, - и она протянула Гаранину маленькую руку с проступающими через тонкую кожу голубыми жилками.

Названное женщиной имя острым кинжалом резануло по зарубцевавшейся уже в памяти ране, и сердце Гаранина отозвалось резкой болью на это. Он отшатнулся, ухватился за ручку двери, чтобы не рухнуть на пол.

- Что с Вами? Вам плохо? - испуганная женщина удивленно смотрела на Гаранина. - На Вас лица нет.

- Ничего, ничего, это сейчас пройдет. Дайте воды, если можно. Женщина поспешила на кухню, а Гаранин стоял, прислонившись к стене, и память прокручивала перед его глазами те страшные дни шестибального землетрясения в отрогах Гиссарского хребта. «Лида, Лида, - мысли теснились в голове Гаранина, давя друг друга, - Неужели ты вернулась ко мне из небытия, из которого никто еще не возвращался?»

- Вам лучше? Давайте я потру Вам виски, - женщина нежно погладила лоб Гаранина.

-Уже все в порядке. - Гаранин решительно отвел руку женщины - Я ухожу, прощайте.

-Прощайте, - прошептала женщина, - Надеюсь. Вы выполните мои условия?

-Какие условия? Ах, да... - вспомнил Гаранин, - можете не волноваться. Я завтра же уеду к теплому морю, а потом к себе в горы.

На улице моросил холодный дождь. Гаранин медленно брел по мокрому асфальту, ничего не замечая вокруг. В голове и на душе у него образовалась какая-то гнетущая пустота. В свою необжитую квартиру он добрался уже после полуночи, весь промокший и продрогший.

-Переждали бы на вокзале, - сказала соседка-старушка, отдавая Гаранину ключ, - чай, никто тебя здесь не ждет, чтобы торопиться.

-Спасибо, Степановна, мы завтра с тобой поговорим. А сегодня я устал и хочу спать.

Не раздеваясь и не зажигая света, Гаранин прилег на диван и закрыл глаза, но сон не шел к нему. Он лежал с закрытыми глазами и думал о своей жизни. Жизни одинокого бродяги, считавшего себя до сих пор счастливым человеком. Порой ему остро чего-то не хватало, и он не знал – чего. И только сегодня он понял, что в жизни ему не хватало вот этого светловолосого мальчишки, с которым судьба так внезапно свела его. Как он будет теперь жить без него, не слыша его голоса, не ощущая тепла его маленькой руки в своей ладони?

Вдруг Гаранин представил: Сережа утром проснется, а его нет. «Что будет с мальчиком? Ведь я его обманул. Как мог я уйти от него?» - в голове Гаранина мысли роились осами и жалили в самое сердце. - «Надо идти, пока Ежик не проснулся». Гаранин вскочил с дивана и быстро направился к двери, но затем вернулся обратно. «Я же обещал его маме» - болью пронеслось у него в голове.

Гаранин снова прилег на диван. А за окном уже начинался рассвет. На кухне через плохо прикрытый кран капала вода, и падающие капли, казалось, настойчиво требовали: «И-ди! И-ди!».

И Гаранин пошел. Он бежал что есть силы по пустынным еще улицам, вызывая удивление и сочувствие у одиноких дворников, умывающих тротуары перед рабочим днем. Вот и знакомый подъезд, дверь теперь родной ему квартиры.

-Папа, папа, ты вернулся! А мама сказала, что ты, наверное, уехал, - сияющий Сережка снова повис на шее Гаранина.

- Нет, нет, - крепко прижимая к себе мальчика, сказал Гаранин, - я только вышел купить сигареты. А потом Гаранин провожал Сережу в школу.

-Познакомьтесь, это мой папа, - сказал Сережа пожилой учительнице, встречающей у порога школы учеников.

-Твой папа? - брови учительницы удивленно взметнулись вверх, - Очень приятно. Ты беги в класс, готовься к уроку, а мы побеседуем.

Когда Сережа скрылся в школьном коридоре, учительница повернулась к Гаранину:

-Давайте знакомиться: Ирина Сергеевна, классный руководитель Вашего Сережи, - и она протянула Гаранину руку.

-Гаранин Владимир Алексеевич, - сказал он в ответ, и, видя, как еще выше взметнулись удивленные брови учительницы, сообразил, что его фамилия и имя не соответствуют фамилии и отчеству Сережи, которых он до сих пор не узнал. Но Ирина Сергеевна не стала ничего спрашивать у Гаранина, она только улыбнулась и сказала:

-Знаете, Ваш Сережа растет замечательным Человеком. В этом большая заслуга Ваших писем. Только, конечно, письма не заменят живого общения.

И вдруг спохватилась:

-Что это мы с вами тут стоим? Пойдемте в учительскую. - Ирина Сергеевна взяла под руку Гаранина, и они, лавируя между спешащими на урок ребятами, поднялись на второй этаж.

-Знакомьтесь, это папа нашего Сережи Александрова, - сказала Ирина Сергеевна, когда они вошли в учительскую. Учителя обступили их и наперебой стали расхваливать Сережу как ученика и человека.

Слушая учителей, Гаранин краснел и смущался, потому что ко всем заслугам Сережи он не имел никакого отношения. Таким воспитывала сына женщина удивительной души - Сережина мама. Но сказать им об этом Гаранин не мог.

- Хочу поблагодарить Вас за сына и за ту замечательную коллекцию минералов, что Вы нам подарили, - сказала Гаранину учительница географии,

вошедшая позже остальных.

-Какую коллекцию, - удивился Гаранин, и тут же осекся, - Ах, эту, ну что Вы, какие пустяки.

-Для Вас, может, и пустяки, а для нас это целое сокровище. Так что еще раз огромное спасибо Вам.

-Так это Вы - таинственный папа Сережи Александрова? - спросила завуч по воспитательной работе, входя в учительскую, - и Вы, действительно, работаете геологом?

И когда Гаранин подтвердил, она продолжила:

-Знаете, у нас сегодня заседание школьного «Клуба интересных встреч». Не могли бы Вы перед ребятами выступить, рассказать о себе, о своей работе, в общем, обо всем, о чем Вы писали Сереже?

-Ну, что Вы, у меня не получится, - еще больше смутился Гаранин.

-Получится, получится, - убедительно воскликнула завуч, - А потом

Вы не вправе отказываться, Вы так редко у нас бываете, все больше мама, так что выполняйте свой отцовский долг перед школой.

И Гаранин больше двух часов выступал перед мальчишками и девчонками, потом еще долго отвечал на многочисленные вопросы обступивших его ребят. А Сережа стоял рядом, крепко держал Гаранина за руку и время от времени дополнял его ответы только ему известными фактами.

А когда мама Сережи пришла с работы, они втроем отправились в фотоателье фотографироваться – так настоял Сережа.

Вечером они вместе пили чай, и в гостях у них была соседка тетя Настя. Тетя Настя, не торопясь, отхлебывала чай из блюдца и то и дело бросала изучающие взгляды в сторону Гаранина, от чего он краснел и опускал глаза. А мама Сережи все время молчала, и в глазах ее Гаранин видел укор и грусть. Когда Сережа уснул, Гаранин заторопился уходить и, не надеясь на согласие, попросил:

-Знаете, Лида, мне бы очень хотелось прочитать письма... те, что Вы писали для Сережи, и его ответные тоже.

Женщина внимательно посмотрела в глаза Гаранина, потом сказала:

-Хорошо. Но я смогу дать Вам только Сережины письма, а Ваши... - она

смугилась, - в общем, от отца, Сережа хранит у себя.

С верхней полки кладовки Лида достала небольшой сверток и отдала его Гаранину.

- Возьмите их себе на память, - с грустью сказала Лида. - Мне бы не хотелось, чтобы когда-нибудь Ежик нашел их у меня.

Половину ночи Гаранин читал Сережины письма, потом лежал и думал. А со стены, с портрета, смотрели на него грустные глаза другой Лиды - его несостоявшейся любви.

«Нет, хватит! - Гаранин решительно поднялся. - Если я не уеду сегодня, то я уже не смогу уехать вообще». Он достал свой издававший виды рюкзак, подошел к книжному шкафу, снял с полок лежащие там камни и положил в рюкзак. Туда же спрятал и геологический молоток, висевший на стене. Бросил прощальный взгляд на портрет Лиды и захлопнул дверь квартиры.

На вокзале Гаранин дождался открытия кассы, взял билет на сегодняшний поезд.

- Я сегодня уезжаю, - сказал Гаранин Сереже, - ты отпросись у Ирины Сергеевны с двух последних уроков, чтобы проводить меня.

- Ты уезжаешь? Сегодня? Почему? - глаза Сережи начали наполняться слезами.

- Понимаешь, надо быть на работе. - и, видя, что мальчик вот-вот разрыдается, Гаранин бодрым голосом пропел:

- «Держись, геолог, крепись, геолог, ты - ветра и солнца брат». И пел он не только для Сережки, но и для себя...

Гаранин достал из рюкзака камни и геологический молоток и положил их на стол.

- Это тебе, сынок, на память. Сверкающая радуга минералов вернула мальчику радостную улыбку, и перестали быть печальными красивые глаза Сережиной мамы.

Перед отъездом Гаранин зашел попрощаться к соседке тете Насте.

- Ты, смотри, не обижай Лидушку, - глаза тети Насти строго смотрели на Гаранина, - Она хорошая баба, только несчастливая.

- Что Вы, тетя Настя, Лида - счастливый человек, ведь у нее такой сын, - возразил Гаранин.

-Поверьте: она и Сережа стали мне очень дороги. А больше у меня никого нет.

-Да хранит Вас бог, - старая женщина несколько раз перекрестила Гаранина, - удачи тебе в дороге.

Перед самым отходом поезда Гаранин протянул Сереже листок из блокнота со своим адресом.

-Возьми, будешь писать мне письма.

Мальчик пробежал глазами по тексту и удивленно посмотрел на Гаранина.

-А мы с мамой писали тебе совсем по другому адресу.

-Геологи не сидят на одном месте, - нашелся Гаранин, - В одном районе закончим трудиться, переходим в другой. Такая у нас работа...

...Досрочное возвращение Гаранина из отпуска вызвало недоумение у всех сотрудников геологической партии.

-Что так быстро? - спросил начальник партии, когда Гаранин доложил ему о готовности приступить к работе. - Или море уже стало сильно холодным?

-Угадал, Егорыч, - сказал Гаранин, - только не ездил я к этому морю.

-Не ездил, так не ездил. Давай, окунайся в камералку, ее у нас невпроворот.

И Гаранин целиком отдался камеральной работе, просиживая над схемами и таблицами до самой ночи. Полевой сезон в партии уже закончился, поэтому жизнь в поселке геологов текла скучно и однообразно. Только на буровых шла активная работа. Но однажды это однообразие жизни в поселке было буквально взорвано. В этот день завхоз партии привез с базы очередную почту. Не раздавая писем, он почти вбежал в кабинет начальника.

-Сенсация, Егорыч, - с места в карьер выпалил завхоз. - Гаранину пришло письмо.

-Кому? - начальник даже привстал из-за стола.

В ответ завхоз протянул ему почтовый конверт. Это действительно было сенсацией, потому что за долгие годы работы в партии Гаранин никогда не получал писем. В кабинет ввалилась целая толпа. Каждый старался лично удостовериться, что письмо адресовано именно Гаранину, знатоки даже определили, что конверт подписан ребенком. Это вызвало еще большее удивление.

Гаранин в этот день посещал дальние буровые. Когда он вечером зашел к

начальнику в кабинет, там было много народа.

- Что случилось? - взволнованно спросил Гаранин

- А ты спляши сначала, а потом скажем, - весело крикнул завхоз.

- Ладно уж, - начальник выхватил из рук завхоза конверт и протянул Гаранину.

Тот быстро схватил письмо, глянул на обратный адрес и торопливо спрятал конверт в карман.

- От кого письмо хоть? - поинтересовался Егорыч.

- От сына, - сказал Гаранин и направился к выходу из кабинета.

- От кого-о-о? - хором грянули все присутствующие в комнате.

- От сына, Сережки, - спокойно повторил Гаранин.

В комнате воцарилась тишина. Все отлично знали, что у Гаранина нет никого на белом свете. Тишину нарушил местный балагур и весельчак, механик буровой установки Петренко:

- Ну, ты и даешь, Володька! Это ж надо уметь: съездил на недельку в отпуск, и вот тебе, пожалуйста, сразу сын появился, и письма уже пишет. Ты поделись опытом, Гаранин!

- У тебя не получится, Петренко, - серьезно сказал Гаранин и вышел в коридор.

Вскоре в поселке привыкли к письмам, подписанным детским почерком, приходящим регулярно инженеру-геологу Гаранину. Но пришел день, когда поселок был снова взбудоражен сенсационным событием: конверт очередного письма Гаранину, по определению знатоков, был подписан уже не детским, а женским почерком Гаранин, прочитав письмо, долго ходил взад-вперед по камеральной комнате, затем сел писать и несколько раз рвал написанное. Потом вскочил и стремительно вошел в кабинет начальника партии.

- Тебе что? - спросил начальник, отрываясь от бумаг.

- Гаранин молча положил перед ним бумажный лист. Начальник пробежал глазами написанный текст, потом перечитал его медленно и взорвался:

- Ты что, Гаранин, - с ума сошел? Я тебя уже отправлял в отпуск, а ты вернулся из него через неделю. Теперь ты требуешь опять отпуск. А ты подумал, кто работать будет? Михайлов повез жену в роддом, Сашок Андреев уехал на сессию, теперь и ты собираешься смотаться. Не пущу, и все!

-Но ведь мне положен отпуск за много лет, - возразил Гаранин, - понимаешь. Егорыч, мне очень надо. Решается вопрос всей моей дальнейшей жизни.

-Что, бабу встретил? - устало спросил Егорыч. - Женщину, - поправил его Гаранин, и лицо его осветила радостная улыбка.

-Красивая хоть? - тоже улыбаясь, спросил начальник.

-Не то слово, вот, смотри! - и Гаранин вынул из записной книжки фотоснимок и протянул Егорычу.

- Красивая! - восхищенно выдохнул начальник.

- И сынок хорош. Точная копия твоя. Ради такой женщины отпущу на месяц.

И вот Гаранин снова идет улицами родного города. Знакомый дом, квартира, звонок. Гаранин позвонил, дверь распахнулась, в дверях стояла хрупкая женщина с красивыми большими глазами.

- Это Вы? Вы приехали! Я верила, что Вы приедете. И ждала. Женщина шагнула навстречу Гаранину, крепко обняла его и прижалась лицом к мужской груди. А из глубины квартиры уже летел радостный детский крик.

- Папка, папка, ты приехал! - Сережа с разгону повис на шее у Гаранина, покрывая его лицо поцелуями.

Внезапно мальчик соскользнул на пол и дрожащим голосом спросил:

- Папка, а ты опять завтра уедешь на свою работу?

-Это, как решит мама. - неуверенно произнес Гаранин.

И оба мужчины, большой и маленький, с надеждой заглянули в глаза хрупкой женщины.

-Идемте обедать, - весело сказала мама, - борщ, наверное, уже совсем холодный.

СТРОГИЙ ВЫГОВОР КАПИТАНУ НЕМО

/рассказ/

Холодный осенний дождь неустанно барабанил по мокрому асфальту тускло освещенных улиц большого города. Дождь то стихал, то припускал с новой силой, сочиняя на ходу свою заунывную песню.

Внезапно в тоскливую мелодию дождя ворвались чарующие звуки скрипки. Они

выплывали из черного грота подземного перехода и волшебными волнами разливались над промокшим и озябшим миром.

Мелодия была мне незнакома, но она мгновенно овладела всем моим существом, и я спешно вошел в подземный переход

Коридор перехода освещали окна нескольких киосков, уже не работавших из-за позднего времени. Возле одного из них стояла невысокая девушка, и в ее тонких руках пела скрипка. А на замызганном полу у ее ног стояла картонная коробка, на дне которой поблескивало несколько мелких монет.

Я выгреб из кармана всю имеющуюся там мелочь и опустил на дно коробки. Девушка благодарно улыбнулась и, прервав прежнюю мелодию, заиграла вдруг мой любимый «Полонез Огинского».

Я был потрясен способностью девушки к ясновидению и мастерством исполнения музыки. Струны моей души пели вместе со струнами скрипки, и я не сразу заметил, что песня внезапно оборвалась. Возле девушки стоял модно одетый парень и что-то грубо требовал от нее. Девушка виновато оправдывалась, а парень бесцеремонно обшарил карманы ее тонкого плаща, затем поднял с пола коробку и высыпал ее содержимое в карман своего модного пальто.

-Ты опять мало собрала! - парень крепко схватил девушку за плечи и притянул к себе. - Смотри мне, а то снова позову своих дружков...

-Я постараюсь, - всхлипывая, простонала девушка, пытаюсь вырваться из цепких рук парня, - погода сегодня плохая... мало людей ходит...

-Послушайте, молодой человек, оставьте девушку в покое. - Я с ненавистью смотрел в наглые глаза молодого щеголя, сознавая, что силы у нас неравные.

-Иди, иди, старик, своей дорогой, - парень смерил меня с ног до головы презрительным взглядом, затем сильным толчком бросил девушку на грязный пол, перешагнув через нее и направился к выходу.

Я помог девушке подняться. Она прислонилась к стене и зарыдала.

- За что он Вас так? И вообще, кто он такой? Он что - нищий?

- Нищие не ездят на «Мерседесах», - все еще всхлипывая, произнесла девушка.

- Он сын хозяина этих киосков, да не только этих. Каждый день он ездит и собирает «дань» с киоскеров и даже с нищих старушек, что просят милостыню на его

территории.

- А Вы смените место, - посоветовал я, помогая девушке уложить скрипку в футляр.

- Пробовала... - девушка горько усмехнулась. - Была сильно избита его друзьями.

А если совсем перестану играть, обещал поломать скрипку. А это единственное, что осталось у меня от дедушки.

-И что, нет никого, кто смог бы Вас защитить? - я с надеждой ждал ответ.

-У меня все погибли, я одна чудом осталась жить, - девушка отвернулась, смахивая слезы. - Пойдемте, сейчас должен подойти мой автобус.

Остановка находилась недалеко от подземного перехода. Вдали уже светились фары. Я вынул из кошелька последнюю десятку, оставшуюся от пенсии, и протянул девушке:

- Это вам за волшебную музыку, за "Полонез Огинского".

- Ну, что Вы, не нужно, - девушка растерянно смотрела на меня.

- Берите, берите! И будьте хоть немножко счастливы сегодня! Девушка уехала, а я сидел на лавочке и думал о несправедливости судьбы и жестокости сегодняшнего мира. И вдруг в памяти всплыла история, происшедшая больше десяти лет назад в небольшом провинциальном городке, выросшем вокруг крупного машиностроительного завода.

...Началась эта история с появлением матери Володи Ковалева в школе. Она вихрем влетела в кабинет директора и, не поздоровавшись, с возмущением воскликнула:

- Нет, Вы мне скажите, что это за безобразия творятся в Вашей школе? Директриса, пожилая женщина, увидев, кто перед ней, мгновенно поднялась навстречу:

- Здравствуйте, Элеонора Степановна! Вы садитесь и спокойно поведаете мне, что Вас так разволновало.

- Нет, я садиться не буду. Скорее вы все сядете! - Элеонора Степановна полыхала гневом. - В школе действует бандитская группа, а Вы призываете к спокойствию, уважаемая Елена Митрофановна.

«Господи, мне этого только не хватало». - промелькнула мысль в голове у директрисы. – «Школа считается лучшей не только в городе, но и во всей области, в

ней учатся дети городской элиты, и вдруг - бандитская группа!»

-С чего Вы это взяли? - Елена Митрофановна вышла из-за стола и насильно усадила разгневанную мамашу в кресло.

-А Вы прочитайте вот это, - Володина мать протянула директрисе смятый клочок бумаги. - Это я нашла в кармане у сына.

Елена Митрофановна разгладила листок, надела очки и прочитала вслух: «Володька, ты приходи в 19 часов по известному адресу. Обсудим детали проведения нашей операции с капитаном Немо».

-Так ведь это детская игра, - директриса облегченно улыбнулась.

-Какая детская игра? - мамаша даже привстала с кресла от возмущения.

-Вы забываете, что мой сын через два месяца оканчивает вашу школу. Это - не игра, это очень серьезно. Володя последние полгода ежедневно поздно приходит домой, говорит, что занимается в двух школьных секциях: шахматной и баскетбольной. Я навела справки: шахматной секции в школе вообще нет, а в баскетбольной Володя не записан. Где он пропадает допоздна? И кто такой этот «капитан Немо»? Вы знаете? И я не знаю.

- Ну это мы сейчас узнаем, - директриса подняла трубку телефона: «Наташа, позовите ко мне, пожалуйста, Володю Ковалева из десятого «А».

Когда Володя увидел в кабинете мать, он отшатнулся и повернулся, чтобы выйти.

-Проходи, Володя, проходи, садись... - Елена Митрофановна старательно изображала радостную улыбку на лице. - Вот тут нас с мамой волнует содержание этой записки. Ты можешь объяснить нам его? - директриса положила на стол перед Володей смятую бумагу. Володя узнал клочок бумаги: это была записка, которую ему принесла давным-давно Костина сестра. Он тогда сунул записку в карман брюк и забыл о ней

-Что за дурная привычка шарить по чужим карманам? Это никак не вяжется с твоей интеллигентностью, - Володя с презрением смотрел на мать.

-Не надо ссориться, - Елена Митрофановна подошла к Володе и обняла его за плечи. - Сейчас главное - это спасти тебя. Ты ведь знаешь, что твой папа - самый уважаемый человек в нашем городе. Каково ему будет, если дело дойдет до суда?

-Я не понимаю, о чем Вы говорите, - Володя недоуменно смотрел на директора школы.

-Не понимаешь? Тогда скажи мне, кто такой «капитан Немо»? - взгляд Елены Митрофановны выражал настойчивость и мольбу.

-Неужели вы не читали Жюль Верна, уважаемая Елена Митрофановна? - Володя иронически смотрел на директрису.

-Того капитана Немо я знаю. А кто этот? - улыбка исчезла с лица директора школы, и оно стало суровым и злым.

-А другого я не знаю, - рассмеялся Володя.

-Не знаешь или не хочешь сказать? - директриса уже не скрывала своего раздражения. - Думайте, как Вам этого хочется, - ответил Володя.- А больше мне нечего Вам сказать.

-Вы идите домой, - обратилась Елена Митрофановна к матери Володи. - Я Вам потом позвоню по телефону. А ты, Володя, останься, мы с тобой еще поговорим.

Не добившись ничего от беседы с Володей с глазу на глаз, Елена Митрофановна с горечью произнесла:

-Я пыталась тебе помочь, Володя, но ты этого сам не захотел. И прежде, чем передать дело в милицию, мы продолжим разговор сегодня после уроков на классном собрании

...И вот Володя стоит перед коллективом своего класса и слушает гневные обвинения своих товарищей и учителей, в мыслях давая на них ответы.

«Да, он действительно стал хуже учиться, что позорит, прежде всего, его самого. Но что поделать, если теперь у него для учебы осталось совсем мало времени? И ничего изменить нельзя, да он и не хочет. Да, он виноват, что заснул на уроке истории. Но он тогда накануне не спал всю ночь, проводя математические вычисления по чертежам Кости.

Да, он часто бывает груб с товарищами, в чем себя совсем не оправдывает».

Но когда Елена Митрофановна все это связала с участием Кости в делах «Капитана Немо», Володя перестал слушать вопросы и выступления, отвернулся к окну и молча стоял, вызывая раздражение у присутствующих. Потому что сказать правду товарищам он не мог, как бы они его не просили.

А за окном зарождалась ранняя весна, последняя школьная весна Володи. Она пленила его, овладела всеми его чувствами, и Володя погрузился в состояние, похожее на сон. Из этого «сна» Володю вывел скрип двери. В приоткрытую дверь протиснулось маленькое личико с веселыми конопушками и громким шепотом спросило:

-Тася, ты скоро? Ужасно есть хочется!

- Закройте дверь! - раздался с задней парты возглас директора школы, и личико мгновенно исчезло.

С первой парты поднялась миловидная девушка с бледным лицом, большими темными глазами и длинной старомодной косой

-Можно мне выйти? - тихо спросила она у стоящей неподалеку классной руководительницы. - Там сестренка моя...

-Сядь, Таисья! - снова загремел сзади голос Елены Митрофановны. - У нас дело поважнее, чем у тебя. Сестренка потерпит.

Девушка покорно села и отвернулась к окну. Она полностью отключилась от всего происходящего в классе. Ее мысли были теперь только о сестренке, которая бродит сейчас по пустому школьному коридору, голодная и одинокая. После гибели обоих родителей она была для Светланки и старшей сестрой, и матерью.

А Володя вспомнил тот осенний, дождливый день, когда он впервые увидел эти конопушки, и не были они тогда такими веселыми, как сегодня. Стоя на одной ноге у входа в школу, девчушка выливали воду из старого резинового сапожка, и по ее конопушкам медленно стекали смешанные с дождевыми каплями слезы. Вот тогда-то у Володи впервые в жизни больно сжалось сердце.

... - то, что Володька связан с бандой – это несомненно. - услышал Володя выступление старосты класса. - ... Недавно еду я в трамвае, и на одной остановке в вагон вваливается группа парней бандитского вида. И вдруг среди них я увидела Володьку. Я его не сразу узнала, и глазам своим не поверила. Но это был он, точно он. И было видно, что он свой среди этих бандитов.

«Конечно, свой - мысленно усмехнулся Володя, - только насчет бандитов ты ошибаешься. Прекраснее людей и товарищей я еще не встречал в своей жизни. Да и вряд ли встречу...».

И в памяти Володи снова всплыл тот день, когда он познакомился с Костей и его друзьями.

Обходя места, где он мог встретиться с отцом, Володя пришел тогда в кабинет начальника заводского отдела кадров. Конечно, он мог попросить денег у отца. Отец наверняка бы его не понял, но деньги дал. Только Володя хотел сделать все сам. Поэтому он и пришел сюда.

У дверей кабинета толпилась группа взрослых ребят. Двери были закрыты, и в ожидании начальника парни весело проводили время, подшучивая друг над другом.

-Заходите, ребятки, - начальник отдела кадров широким жестом распахнул дверь кабинета. - Мы вас заждались. Павел Иванович каждый день о вас спрашивает, и говорит, что у вас золотые руки и сердце, а ваше умение ремонтировать и налаживать оборудование экономит заводу огромные средства.

Володя вошел в кабинет вместе с ребятами и прислонился к стене у двери.

-Так, значит вы теперь к нам на практику, - начальник, радостно улыбаясь, смотрел на ребят, - Но я оформлю вас, как и прежде, бригадой особого назначения. Не возражаете? А бригадиром, конечно, Костя Александров будет? Ну, что ж, соблюдем формальности: давайте свои документы.

И тут начальник отдела кадров заметил Володю.

-А это что за птенчик? Ваш? - начальник с удивлением посмотрел на ребят.

-Нет, он сам по себе, - сказал тот, кого звали Костей.

-Так, Вы сами по себе, и конечно желаете у нас работать? - начальник с интересом рассматривал Володю. - Ну, что ж, представьтесь.

Володя назвал свою фамилию, имя и отчество.

- А Вы, часом, не сын нашего директора? - начальник внимательно посмотрел на Володю.

- Ну, вот, и Вы тоже! - Володя усиленно изобразил крайнее возмущение. - Вечно меня путают с сыном вашего директора, а я просто однофамилец. Может я и внешне похож на вашего директора? - и Володя стал принимать позы «в фас» и «в профиль». - Знаете, что-то общее есть, - в словах начальника слышалась растерянность. - Ладно, давайте ваши документы. Вы кто? Студент? - Да, студент,

учусь на первом курсе нашего института, - без запинки выпалил Володя.

-А живете где? Небось на квартире, и платить нечем, вот и решили подработать? - начальник участливо улыбался Володе.

-Нет, я живу в общежитии, в комнате номер семнадцать, - Володя назвал первую, пришедшую в голову, цифру.

-В какой комнате? - удивленно спросил один из ребят.

- В комнате номер семнадцать, - бойко повторил Володя. Ребята переглянулись и внимательно посмотрели на Володю.

-Хорошо, давайте Ваши документы, приму Вас разнорабочим, если хотите. Начальник открыл лежащую на столе папку.

-Понимаете, я так торопился, что забыл документы на столе в комнате, - смутился Володя, - Я Вам завтра все принесу.

-Вот завтра и поговорим, а сегодня - до свидания! - и начальник спрягал папку в сейф. - А вас, ребятки, через сорок минут ждет у себя в кабинете Павел Иванович.

На улице ребята остановили Володю.

-Погоди-ка, парень! Вот мы вчетвером живем в комнате номер семнадцать студенческого общежития, но тебя там никогда не видели. По всему видно, что работать тебе очень нужно. Но ты что-то темнишь.

Мы ждем объяснения. В глазах парней Володя увидел не праздное любопытство, а нечто большее. И он рассказал им все.

Когда Володя окончил свой рассказ, ребята, потрясенные, некоторое время молчали, а затем Костя протянул Володе руку:

-У меня нет слов, чтобы сказать, какой ты человек! Настоящий человек! Вот тебе моя рука на дружбу.- и он крепко обнял Владимира.

Вслед за Костей ребята бросились обнимать Володю, а Саша, все еще не веря, переспросил:

-А ты точно сын директора завода? - и получив утвердительный ответ, долго держал Володькину руку в своей, приговаривая: «Кто бы мог подумать... Кто бы мог подумать...».

-Погодите, ребята, ведь Володе завтра идти к начальнику с документами нельзя, - Костя мучительно искал выход из положения. - Подождите меня здесь, - и он

быстро исчез в дверях здания заводоуправления.

Когда Костя снова появился перед ребятами, лицо его светилось радостной улыбкой:

- Победа! Володя будет работать в нашей бригаде! С Егорычем я все уладил.

Саша тронул Костю за плечо:

- Кость, пока ты ходил, мы тут обсудили и решили просить Володю взять всех нас в свое дело. Ты как думаешь?

- Ну и друзья у меня! Прямо ясновидящие и только, я как раз хотел сказать вам об этом.

- А я предлагаю для ускорения процесса не только перечислять в фонд Володи часть нашей зарплаты, а отдать сейчас все, что мы заработали на стройке летом, - Андрей обвел вопросительным взглядом товарищей - Возражений нет? Воздержавшихся тоже? Принято единогласно...

Воспоминания Володи прервала вновь распахнувшаяся дверь класса. С ведром и шваброй в комнату торжественно вплыла школьная техничка тетя Даша. Увидев собравшихся, старушка смутилась, извинилась, и так же торжественно стала пятиться в коридор. Уже в коридоре, прежде чем закрыть дверь, она подмигнула Володе, и подняв правую руку со сжатым кулаком, сделала жест испанских республиканцев: «но-пасаран» - «они не пройдут!».

Володя улыбнулся, что вызвало новый приступ гневного красноречия его товарищей. А он снова отключился, и в памяти возник тот день, когда он подружился с тетей Дашей.

Накануне Костя поручил Володе выяснить размеры одежды. Вооружившись мерной лентой и убежав с урока, Володя, улучив момент, пробрался в ту часть школьного гардероба, где раздевались младшие классы, нашел нужное пальтишко и уже собрался делать замеры, как его заметила тетя Даша.

- Ты что же делаешь, негодник? Шаришь по карманам? Да еще у малышей! - тетя Даша схватила Володю за руку и потащила к выходу.

- Тише, тетя Даша! Как Вы могли подумать такое? Я Вам сейчас все объясню, только давайте пройдем в Вашу' комнату, - Володя решил рассказать всю правду, у него не было другого выхода. К тому же он надеялся на помощь тети Даши. Тетя

Даша жила при школе в небольшой комнате, которую ей выделила Елена Митрофановна. Рассказ Володи сильно растрогал пожилую, одинокую женщину. Она даже всплакнула, и, вытирая слезы, тихо проговорила:

- Ты уж прости меня, старую, что не по заслугам тебя обидела. А делу твоему я пособлю. Святое оно – это твое дело.

Володины воспоминания были прерваны резкой трелью школьного звонка, возвестившего конец восьмого урока. Володя посмотрел на часы: до начала рабочей смены оставалось немногим больше часа. Он тоскливо огляделся по сторонам. Этот Володин жест заметила восседавшая за последней партой директриса:

- Я вижу, ты торопишься, Володя. Мы все тоже жаждем разойтись по домам.

Не упрямясь, расскажи нам всем, в какие грязные дела тебя втянул «Капитан Немо», и мы решим, как тебе помочь.

Володя молча пожал плечами и снова отвернулся к окну. Он вспомнил тот воскресный день, когда, после многочасовой поездки по магазинам города, они собрались вечером в комнате общежития.

- Ну, что, друзья, - торжественно произнес Костя, - куплено все по списку тети Даши, остаток денег приложим к вещам. Только вот вопрос: как все это мы будем вручать? Просто так нельзя - не возьмут. Нужно придумать какую-то хитрость.

Ребята долго обсуждали различные варианты, спорили, но так ничего и не придумали. И вот тогда вдруг Саша воскликнул:

- А не пойти ли нам к Ивану Ивановичу! Он ведь большой мастер на всякие выдумки.

- Как я мог забыть об этом?! - Костя хлопнул себя по лбу. - Конечно, поехали скорее к старику.

Иван Иванович, старый актер единственного в городе драматического театра, встретил ребят с неподдельной радостью. После крепких объятий и рукопожатий он рассадил ребят в своей маленькой комнате и принес из кухни большой старинный самовар.

После того, как самовар опустел и ребята закончили рассказывать о себе, Костя поведал старому актеру о главной цели их визита. Когда Костя окончил рассказ, Иван Иванович встал, подошел к Володе, низко поклонился ему и

взволнованно, с пафосом воскликнул:

-А ведь не перевелись еще рыцари в нашем грешном мире! И вдруг глаза его стали печальными, и он с грустью сказал:

-А вы обидели меня крепко, ребята. Почему оставили в стороне от такого святого дела? Знаю, скажете: пенсионер и такое прочее. Но дело поправимое, - старый актер торопливо вышел из комнаты. Вскоре он вернулся и вручил Косте пачку денег.

-Это мой вклад в общее дело. А как вам вручить все подарки, так мы сейчас сообразим. - И старый актер картинно приставил указательный палец ко лбу. - Готово! Помните у Никулина: операция «Б!»? А мы назовем нашу совсем по другому. Вы, конечно, читали Жюль Верна «Таинственный остров»? Так кто тайно помогал все время островитянам? Правильно: капитан Немо. Так пусть и в нашем городе будет свой капитан

Немо! Костюмы и реквизит мы возьмем в театре, и сыграем в жизни волшебную, сказочную пьесу...

Володя отвлекся от воспоминаний и посмотрел на часы: до начала смены оставалось уже меньше часа. Этот жест Володи вызвал бурю негодования у ребят.

-Что мы с ним нянчимся?! - бушевала староста класса, - вопросы задаем, а он все молчит. Тоже мне «капитан Немо» выискался!

-Откуда узнала? - вспыхнул Володя, и тут же осекся, понял, что сказал лишнее.

Дружный хохот был ответом на Володькин вопрос. Этот хохот вернул в действительность девушку с первой парты, которая, как и Володя, почти не слышала, что говорилось до этого в классе, размышляя о чем-то своем. Последние слова старосты класса дошли до ее сознания.

-«Володька - капитан Немо? - мысли роем закружились в голове девушки - Тот самый капитан Немо, которого я ищу уже второй месяц?».

Тая устремила взгляд своих темных очей на Володю, от чего он смутился, покраснел и поспешно отвернулся. «Нет, не может этого быть!» - и Тая вспомнила тот день, когда она впервые услышала от Светланки о таинственном капитане Немо.

...Тогда их надолго задержали в школе после уроков, и Тая вернулась домой

очень усталая и голодная. Поэтому она не заметила, что сестренка сильно возбуждена и взволнована. Тая стала разогревать обед, а Светланка все вертелась вокруг нее и заглядывала в глаза, и вдруг решилась и выпалила:

-Тась, а бог есть?

-Не знаю, - устало сказала Тая.

-Наверное, есть. Только мы потом поговорим об этом.

-А кто такой капитан Немо? - Светланка с мольбой глядела на сестру.

-Это выдуманный герой одной приключенческой книжки, - Тая с интересом смотрела на сестренку.- А откуда ты узнала о нем? Тебе кто-то рассказал?

-Никто мне не рассказывал, он сам приезжал к нам сегодня; - с обидой прошептала Светлана.

-Кто приезжал? Капитан Немо? - Тая укоризненно покачала головой.

-Знаешь, Светик, ты, конечно, большая фантазерка, но должен быть какой-то предел твоим выдумкам.

-А вот и не выдумки! Если бы ты видела, Тася, какой он красивый! Ты бы точно в него влюбилась! - глаза Светланки сияли от сильнейшего восхищения.

- А ну-ка выкладывай все по порядку, что здесь произошло. - Тая только сейчас поняла, что какое-то событие сильно взволновало ее Светлячка.

- Ой, что было! Ты садись на диван, а то упадешь, когда все узнаешь. - Светлана усадила сестру, села рядом и, обняв ее, начала рассказывать.

-Пришла я из школы, только переоделась, слышу, к нашему подъезду автомобиль подъехал. Глянула я в окно, а это не автомобиль, а маленький автобус. Остановился он у самого подъезда нашего, первая дверца, что возле водителя, открывается, и из нее вышли, как ты думаешь, кто? - Света загадочно улыбаясь, смотрела на сестру. Тая молча пожала плечами.

-Вовек не угадаешь, - Два высоких негра...

-Откуда в нашем городе негры? - прервала сестренку Тая. - Не знаю, ты слушай дальше и не мешай рассказывать. Сейчас самое интересное будет. - Светланка даже глаза зажмурила от удовольствия -

...Так вот, негры расстелили длинную ковровую дорожку от средней двери автобуса до самого нашего подъезда. Потом распахнули дверцу и застыли в низком

поклоне. А из автобуса вышел он...

-Кто он? - снова перебила сестру Тая.

-Кто, кто, Принц индийский, Капитан Немо. Вот кто! Ой, красавчик такой! Ну, прямо из волшебной сказки. И направился Принц в наш подъезд, и слуги за ним.

-Так это телевизионщики, наверное, снимали какую-нибудь рекламу или фильм-сказку. - Тая облегченно вздохнула и улыбнулась.

-Я тоже так сначала подумала и стала искать человека с камерой, ой, забыла, как называется.

- Оператор, - подсказала Тая

- Вот-вот, оператор. Только оператора во дворе не было...

Тут в нашу дверь позвонили. Я открываю, а в дверях Принц стоит, смотрит на меня и улыбается. А за ним негры стоят и тоже улыбаются. Принц – красивый такой, лицо смуглое, глаза темные, над левой бровью маленький шрам, наверное, на войне получил. Одет в блестящий шелковый халат, украшенный драгоценностями, на ногах золотые туфли с длинными носиками, а на голове шапка, ну, такая, как ты из полотенца делаешь, когда голову помоешь.

- Чалма, - снова подсказала Тая.

-Ага, чалма. Принц меня спрашивает: «Здесь живет красивая девушка с длинной косой и с именем, как прекрасная песня – Тая?»».

Я головой кивнула. А он говорит: «А ты, наверное, ее сестра Светлана будешь?»».

-Сколько раз я тебя просила, чтобы ты в мое отсутствие никому двери не открывала и не вела разговоры с незнакомыми людьми, - с возмущением прервала сестренку Тая. - А ты продолжаешь так делать.

-Так ведь это же Принц был, - удивленно воскликнула Светланка.

-А разве под видом принца не мог быть грабитель или убийца? - Тая печально смотрела на сестру.

-Ну, что ты, Тася, Принц не ограбить нас пришел, а совсем наоборот.

-Как это наоборот? - удивилась Тая.

-А вот слушай дальше. Принц вошел к нам в комнату, сел в наше кресло и что-

то сказал неграм на своем языке. Негры вышли и через несколько минут вернулись, и внесли в комнату большой сундук, старый такой, как на картинках в сказке про Али-Бабу и сорок разбойников. А Принц говорит: "Это вам с Таей подарок от меня - индийского Принца - капитана Немо". Потом поклонился мне, поцеловал руку и торжественно ушел.

-Ну, молодец, сестричка, быть тебе писателем-фантастом! А теперь пошли кушать, суп наш совсем уже остыл. - Тая поднялась и направилась к дверям кухни.

-Ты мне не веришь, Тася? - со слезами в голосе воскликнула Светлана, - тогда посмотри сюда, - и она раздвинула штору, скрывающую нишу, где находились кладовки. В нише стоял большой старинный сундук из потемневшего от времени дерева, окованный таким же потемневшим металлом.

-Что это? - с испугом отшатнулась Тая.

-Это подарок Капитана Немо нам с тобой, я же тебе только что говорила. - Светлана подошла к сундуку и нежно погладила его крышку.

-Так все это правда? - Тая с опаской подошла к сундуку, разглядывая его.

-А ты только посмотри, что в нем! - захлебываясь от восторга, воскликнула Света и откинула крышку сундука. Сундук был до верха заполнен женской одеждой, зимней и летней, маленьких и больших размеров.

Тая опустилась на пол у сундука, ничего не понимая и не зная, как поступить со всем этим добром. Некоторое время она сидела с закрытыми глазами, затем решительно поднялась:

-Ты сиди дома. Светлячок, и никому не открывай двери. А я пошла в милицию, пусть они разберутся во всем этом.

-Таечка, родненькая, не надо в милицию, они все это заберут себе. - схватив за руки сестру и заливаясь слезами, воскликнула Света. - Ты посмотри, какие чудные зимние сапожки и как раз на меня! А мои старые, мне уже тесны. В чем я буду зимой ходить? А вот кофточка, как раз для тебя. А вот... ой, какая красотища! Смотри, Тася, это тебе. - Светлана вынула из сундука красивое белоснежное платье для выпускного бала.

При виде такой красоты высохли слезы на глазах у Таи, и лицо ее озарила радостная улыбка. Она не удержалась и примерила выпускное платье.

-Ой, Тася, какая ты красивая! Настоящая Принцесса из сказки. Жаль, что тебя не

видит сейчас капитан Немо!

- И хорошо, что не видит. А то бы влюбился в меня, что бы мы тогда делали? - Тая вынимала одну за другой вещи из сундука и удивлялась, что все подходило по размеру ей и Светланке.

На дне сундука она обнаружила большой пакет с деньгами и в нем записку. Старинным, витиеватым почерком в записке было написано: «Тая и Светланка, носите все это и будьте счастливы. Это вам подарок от чистого сердца и доброй души. Любящий Вас, капитан Немо».

Тая несколько раз перечитала записку, все еще не веря в происшедшее. Потом она решила пойти к тете Даше, которая после гибели родителей стала для нее и Светлячка родным человеком, и посоветоваться, как ей поступить с таким дорогим подарком совершенно незнакомого человека.

Выслушав рассказ Таи и прочитав записку Капитана Немо, тетя Даша перекрестилась и торжественно произнесла:

- Слава Богу, есть еще у нас добрые люди. Видно, хороший человек этот Капитан Немо. Так что пользуйтесь всем, что он вам подарил, и ни о чем плохом не думай. Да хранит Вас Господь!

Тая так и поступила. И радость поселилась в их квартире. Только одна мысль не давала покоя девушке: кто он, этот человек, назвавшийся Капитаном Немо? Она мечтала о встрече с ним, надеялась, что когда-нибудь он снова придет к ним. Капитан Немо вошел в ее девичьи грезы и сновиденья.

И вдруг это имя пересеклось с непонятным поступком ее одноклассника Володьки Ковалева. «Володька и Капитан Немо - просто смешно», - думала Тая. - «Сын директора завода, из элитной, богатой семьи – нет, это невозможно».

Тая внимательно стала разглядывать стоящего недалеко Володю, и вдруг заметила над его левой бровью едва заметный шрам. Вспомнила слова сестренки: «Красивый такой: лицо смуглое, глаза темные, над левой бровью маленький шрам, наверное, на войне получил». Тая охнула и закрыла лицо руками. Мысли одна другой страшнее рождались в ее голове. «Неужели и вправду Володька связался с бандитами? Значит, его подарок...»

«И не думай ни о чем плохом» - явно услышала Тая голос тети Даши.

«А почему он все время прячет руки в карманах? Чего он боится?».

И вдруг догадка осенила ее. Тая медленно поднялась с парты и шагнула к Володе:

-Володенька, миленький, покажи мне свои руки, - голос девушки дрожал от волнения. - Ну, пожалуйста, покажи мне свои руки.

Володя вздрогнул, отпрянул в сторону и еще глубже засунул руки в карманы спортивной куртки.

-Сядь, Таисья, - загремел голос директрисы. - Опять ты говоришь и делаешь все невпопад.

-Руки, пусть он покажет свои руки. Ну, пожалуйста, Володя, прошу тебя, это так важно для меня. - девушка едва сдерживала слезы.

-Покажи ей свои руки, Ковалев. Пусть она успокоится. А то закатит еще истерику. - директриса уже не скрывала своего раздражения.

Володя посмотрел на Таю, повернулся спиной к сидящим в классе, медленно вынул руки из карманов и повернул их ладонями к глазам Таи. И она увидела перед собой руки человека, давно работающего с металлической пылью. Такие руки были у ее отца.

-Так это ты? Ты? - Тая, вытянув руки вперед, сделала несколько шагов в сторону Володи с явным намерением обнять и расцеловать юношу, но вдруг закрыла лицо руками и, рыдая, выбежала из класса.

В классе поднялся страшный переполох, две девчонки с первых парт бросились вслед за Таей. За ними попытались покинуть классную комнату еще несколько парней и девчат. Но классная руководительница своим массивным телом загородила дверь, а громовой голос Елены Митрофановны за несколько минут восстановил порядок.

-Я вижу, что мы от тебя, Володя, так ничего и не добьемся. - директриса вышла к учительскому столу. - Какие у кого будут предложения?

-Выгнать его из школы, - слышались робкие голоса девчонок.

-Ну, что вы. Это слишком суровое наказание. - Елена Митрофановна, в отличие от ребят, все время помнила, чей сын Володя Ковалев. - Мы запишем ему строгий выговор, а дело о «Капитане Немо» передадим в прокуратуру.

В раздевалке к Володе подошла тетя Даша.

-Ну, как дела, Капитан?

-Полный порядок, тетя Даша. Записали мне строгий выговор и грозятся прокуратурой. Только Митрофановна заявлять не станет, ведь это повлияет на престиж школы, - весело отрапортовал Володя, спешно всовывая руки в рукава.

-Успеешь-то на смену? - участливо спросила тетя Даша.

-Если поймаю такси, то успею. Не могу же я подвести Костю и ребят. - И Володя стремительно выбежал из школы.

А в школьном дворе весеннее солнце растопило зимний снег, и он побежал говорливыми ручьями, возвещая приход тепла и цветения.

У школьных ворот трудился маленький Человек, строя из остатков снега плотину. Время от времени он с опаской поглядывал по сторонам, потому что один из ручейков уперся в снежную стенку и разлился голубым морем, перекрывая путь в большой мир. Маленький Человек представлял себя Великим Капитаном, и его корабль готов был отплыть в неведомые страны.

Но тут из школьных дверей выскочил Большой Человек и помчался к разлившемуся морю. Маленький Человек собрался было уже дать деру, но Володя подхватил его на руки и поднял высоко к небу:

-Приветствую тебя, великий Капитан! Счастливого плавания тебе в жизни! И пусть в трудную минуту к тебе всегда приходит капитан Немо!

Володя несколько раз подбросил малыша в золотистые волны Пятого океана, по которому медленно плыли алые паруса облаков. Затем поставил его на землю, поправил шапку и побежал по улице ловить такси.

А маленький Человек стоял, радостно улыбаясь, смотрел вслед Большому Человеку и думал: «Странные люди эти взрослые».

Над миром сгущались синие сумерки.

Школа опустела, притихла, отдыхая от дневной усталости.

Только на втором этаже ярко светились окна в кабинете директора. Тетя Даша закончила уборку школьных коридоров, погасила везде свет и пошла в свою комнату. Она долго плескалась под краном, затем надела свое любимое выходное платье, тщательно причесалась и поднялась на второй этаж, где сквозь неплотно прикрытую дверь из кабинета директора школы пробивалась яркая полоса света.

ПОРТРЕТ С НАТУРЫ

/рассказ/

Шестиклассники всегда с нетерпением ждали урок рисования.

И не потому, что на этом уроке можно было расслабиться и отдохнуть от трудных школьных предметов. Уроки рисования здесь были совершенно не похожи ни на какие другие занятия. И в этом повинен был учитель Владимир Кондратьевич Художник-профессионал, он решил в конце жизни посвятить себя детям, щедро даря им частицы своей прекрасной души.

Преклонный возраст, большое мастерство, безграничная любовь учащихся к этому человеку и его такие же чувства к ученикам, позволяло руководству школы не замечать некоторые вольности в его работе. Это и нежелание работать по министерским программам, и собственная методика ведения урока, и полное отсутствие дисциплины во время занятий.

Владимир Кондратьевич учил детей рисовать с натуры. Ребята рисовали в основном портреты своих одноклассниц, потому что старый учитель считал женщину эталоном прекрасного на нашей планете. Он сумел убедить в этом всех учеников, и в школе установился культ красоты. И как каждый культ, он имел свои положительные и отрицательные стороны.

Урок рисования проходил по строго определенной схеме. После традиционного приветствия, Владимир Кондратьевич ставил свой стул на учительский стол, вызывал к доске очередную девочку-модель, помогал ей занять место на стуле, вынимал из своего старомодного портфеля необходимые для рисования принадлежности, садился за парту на освободившееся место и погружался в процесс творчества наряду с учениками. Ребятам разрешалось ходить по классу, советоваться друг с другом, стоять за спиной учителя, наблюдая, как он рисует, перенимая приемы и методы. После звонка с урока все сдавали свои рисунки на оценку, которая заносилась в классный журнал. Свой рисунок преподаватель дарил девочке-модели.

Девчонки охотно позировали своим одноклассникам и не обижались, если у кого-то из ребят рисунок получался мало похожим на оригинал. Мальчишки были ослеплены красотой своих «принцесс», относились к ним по-рыцарски преданно.

Только, к сожалению, далеко не все одноклассницы были для мальчишек «принцессами».

Такой «не принцессой» в шестом «А» классе была Оксанка.

Худенькая, угловатая, с «хвостиком» огненно-рыжих волос и такими же конопушками, обильно усеявшими ее бледное лицо, большими зелеными глазами – она сама считала себя дурнушкой. Девочки класса ее презирали, а мальчики просто не замечали. Оксанка смирилась с таким своим положением в коллективе и старалась держаться «в тени», тихо страдая.

В этот день урок рисования в шестом «А» начался, как всегда. Уже стоял стул на учительском столе, и очередная «модель» критически осматривала себя в маленькое зеркальце, ожидая вызова к доске. В классе ее считали самой красивой «принцессой», и она была уверена в правильности своих расчетов. Но палец Владимира Кондратьевича, скользивший по листу классного журнала, почему-то миновал ее фамилию и стал двигаться к низу страницы, затем опять пошел кверху и остановился, снова минуя фамилию претендентки.

- Сегодня мы будем рисовать портрет... - учитель поверх очков посмотрел на ребят и назвал фамилию Оксанки.

Шестиклассники замерли в изумлении, думая, что старый художник просто ошибся. Как можно рисовать эту дурнушку, когда в классе столько красивых девочек?

- Что же ты, Оксана, я ведь тебя вызвал? - повторил Владимир Кондратьевич и строго глянул на девочку.

Оксанка, растерянно озираясь, медленно поднялась из-за парты и двинулась к учительскому столу, вобрав голову в плечи. Класс ахнул и возмущенно загудел. Не обращая никакого внимания на всеобщий шум, Владимир Кондратьевич галантно подал руку девочке и помог ей разместиться на стуле. Затем вынул из своего прабабушкиного портфеля листок картона и набор цветных мелков, сел на Оксанкино место и стал готовиться к рисованию.

Некоторое время он задумчиво смотрел на сидящую перед ним девочку, потом встал и подошел к Оксанке:

- Ты разрешишь мне немного поправить твою прическу?

Девочка молча кивнула головой. Выставленная напоказ всему классу, она не знала, куда деваться, где спрятаться от этих презрительно смотрящих на нее глаз соучеников. Лицо и тонкие руки ее покрылись красными пятнами, а рыжие конопушки пылали десятками солнц.

- Ничего, Оксанка, потерпи. Все будет хорошо, - еле слышно прошептал старый художник и ловким движением рук развязал ленточку, связывающую рыжий «хвостик». Огненные лучи рассыпались по худеньким плечикам девочки, обрамляя ее лицо солнечной короной.

Учитель вернулся на место Оксанки и принялся рисовать. А класс все гудел, не соглашаясь с такой несправедливостью любимого преподавателя. Никто и не думал рисовать портрет дурнушки.

А время летело вперед неумолимо. Это заметил, наконец, рослый, красивый мальчик – кумир всех девчонок не только шестого «А», но даже многих семиклассниц. Он посмотрел на часы и, перебивая шум, воскликнул:

- Ребята, до конца урока осталось пятнадцать минут, давайте рисовать, а то получим плохие оценки! Шум сразу стих, ученики разошлись по своим местам, где лежали не тронутые карандашами белые бумажные листы. Но не рисовалось.

Тогда дети сгрудились за спиной учителя и оторопели. С листа картона на них смотрела своими огромными зелеными очами дурнушка – она и не она. Такой они никогда ее не видели. А может быть, просто не желали видеть.

Это открытие потрясло мальчишек и девчонок, но они никак не хотели признаться себе в этом. И только сейчас они заметили, что старый художник впервые рисовал портрет в цвете.

В полной тишине ребята созерцали работу учителя, сравнивая рисунок с оригиналом. И, к своему изумлению, стали находить в лице Оксанки те черты, какие они видели на портрете. Задыхаясь от переполнявших грудь эмоций, рослый, красивый мальчик, предмет обожания всех девчонок класса, вдруг выдохнул:

- Так она ведь красивая!

И ребят прорвало: они наперебой ехали выражать полное согласие со своим одноклассником, к большому огорчению некоторых «красавиц-принцесс».

Оксанка с большим удивлением слушала восклицания своих товарищей и

подруг, все еще не веря в происходящее.

Что-то очень важное менялось в ее душе, а что – она не могла понять. Только Владимир Кондратьевич невозмутимо наносил последние штрихи на лист картона. Закончив работу, он помог Оксанке сойти вниз и протянул ей свой рисунок.

-Ой, неужели это я? - радостно улыбаясь, воскликнула девочка, разглядывая портрет.

-Нет, это только твое отражение. В жизни ты еще лучше, - громко сказал старый учитель. - Можешь идти на свое место.

И Оксанка пошла, легко, почти не касаясь пола, какой-то новой, летящей походкой. А ее одноклассники стояли возле своих парт, виновато опустив головы. На партах перед ними белели чистые листы бумаги.

Владимир Кондратьевич посмотрел на стоящих учеников, сдержал улыбку и строго сказал:

- Разрешаю вам закончить рисунки дома и принести на следующий урок... для оценки. Все сразу радостно загалдели и, собрав портфели, выбежали из класса.

Оксанка шла домой, напевая песенку из любимого мультфильма, и каждый, кто видел ее сияющие очи, понимал: перед ним - очень счастливый человек.

Услышав за спиной топот, девочка оглянулась: долговязый Костя, эталон мужской красоты в их классе, стремительно бежал за ней Оксанка испугалась и бросилась наутек.

-Ксюша, подожди, не бойся! - задыхаясь на бегу, прокричал мальчик.

«Ксюша» - так называла ее только мама, и девочка остановилась. Тяжело дыша, Костя подбежал к Оксанке. Он стоял перед девочкой и, рассматривая носки своих сандалий, молча переминался с ноги на ногу.

- Чего тебе? - тихо спросила Оксанка, подозрительно глядя на стоящего перед ней мальчика.

-Понимаешь... ты того... не бойся... - Костя заикался от сильного волнения. - Я хочу тебе сказать... В общем, давай дружить! - вдруг решительно выпалил мальчик и с надеждой посмотрел на Оксанку. Глаза девочки засияли яркими зелеными звездочками. Она протянула навстречу Косте обе ладони и радостно улыбнулась.

Дети взялись за руки и легко зашагали по залитой солнцем дороге.

ДЕВОЧКА С УЛИЦЫ СВЕТЛОЙ

/рассказ/

Анатолия Станиславовича, бывшего учителя физкультуры, я встретил случайно на автовокзале областного центра через три года после того, как его выгнали из школы, в которой мы с ним вместе работали.

Толя сразу узнал меня и очень обрадовался, я тоже был рад нашей встрече, поскольку полюбил этого прекрасного человека с первых дней его появления в школе и чувству своему не изменил.

Мы заняли столик в летнем кафе, заказали бутылку сухого вина и стали задавать друг другу вопросы. А вопросов у меня к Анатолию было много.

- Как жил ты эти три года, Толик? Чем занимаешься сейчас? Счастлив или нет в жизни? - первые мои вопросы были обычными для встречи после долгой разлуки.

- Всякое было, - подумав, ответил Анатолий, - В школу я больше не пошел, сам понимаешь почему. Но с детьми заниматься не перестал. Сейчас работаю в Центре Детского Творчества районного города, где я живу, учу ребят игре на гитаре, даже ансамбль юных гитаристов создал, и, вопреки мнению других, считаю себя очень счастливым человеком.

- Рад за тебя, дружище! - я хлопнул его по плечу, - Рад, что ты не сломался после всего того, что тебе пришлось испытать. Поэтому свой первый тост я поднимаю за тебя.

Потом наступил черед моего рассказа. Когда я закончил говорить о себе, Анатолий поднялся с бокалом в руке, намереваясь посвятить мне свой тост, но я опередил его:

- Давай выпьем за Вареньку, Толик, за ее здоровье и счастье! Кстати, ты не знаешь, как сложилась ее жизнь после всего этого?

- Хорошо сложилась, - лицо Анатолия озарилось радостной улыбкой. - Нашей дочурке Настеньке второй годик уже пошел.

- Так вы поженились? - изумленно воскликнул я, - Вы все-таки поженились! Какие же вы молодцы! Утерли нос всей этой своре!

- Да, мы стали мужем и женой, только не назло этой банде, а потому что любим друг друга. Я подождал годик, пока она доросла до совершеннолетия, и мы сыграли свадьбу. Этот год Варенька жила у моей мамы, так что у нее было все хорошо. Мы и сейчас живем с мамой, она переехала в наш город. А год назад Варя подарила мне Настеньку. Мы так боялись, что у дочурки будет что-нибудь со зрением, но Бог миловал. - Толик рассказывал, а я смотрел на него и думал: «Какое счастье, что они встретили друг друга и не потеряли, несмотря на усиленные старания большинства окружающих людей».

- А что, у Вареньки зрение так и не вернулось? - осторожно задал я вопрос. - Нет, и никогда не вернется. - с грустью вымолвил Анатолий. - Врачи подписали ей приговор. Но Варя уже привыкла к тому, что видит окружающий мир нашими глазами. И не считает себя несчастной.

- Ну, а спорт ты не забросил? - спросил я, не подумав.

- О спорте пришлось забыть, - в голосе Толи я не услышал сожаления. - Варенька хоть и научилась многое делать сама, но остается беспомощной. Моей зарплаты, Вариной и маминой пенсий на жизнь не хватает, приходится подрабатывать грузчиком. Да и вся тяжелая работа по дому на мне. Спорт требует полной самоотдачи, ему надо принадлежать целиком. А я полностью посвятил себя Варе, теперь еще и Настеньке.

Мы допили вино, и Анатолий стал прощаться:

- Извини, мне пора. Варенька уже меня заждалась, не хочу ее волновать. Приезжай к нам, адрес тебе известен. Варя будет рада встрече с тобой, она тебя очень уважает, и мама будет счастлива познакомиться с единственным защитником сына в том деле. Анатолий уехал, а я сидел еще долго на лавочке в привокзальном сквере, вспоминая события тех лет. Вспомнилось, как лихорадило нашу школу и весь наш маленький шахтерский городок из-за попытки покончить с жизнью бывшей ученицы, несовершеннолетней Вари Петровой, в чем родители и школьная администрация обвиняла учителя физкультуры Анатолия Станиславовича Балашова...

На работу в нашу школу Анатолий Станиславович приехал в начале учебного года взамен ушедшего на пенсию преподавателя. Поселился он в частном доме на улице Светлой, сняв комнату у женщины, жившей вдвоем со слепой дочерью. И очень скоро

Анатолий Станиславович восстановил против себя почти весь учительский коллектив своими делами. А дела его были направлены на подрыв главных школьных традиций и ценностей.

До приезда молодого физкультурника школа жила тихой, спокойной, сонной жизнью, строго следуя указам Министерства просвещения, приказам областного Отдела образования, распоряжениям и рекомендациям городских властей.

Анатолий Станиславович все это разрушил в одно мгновение. Ему мало было уроков физкультуры, за которые он получал жалкую зарплату, так он стал обучать школьников игре на гитаре бесплатно, и вскоре по всей школе и городу зазвучали песни Визбора, Окуджавы, Высоцкого и других бардов.

Но ему и этого было мало. Он создал в школе неофициальный Клуб любителей поэзии, на заседания которого стали приходить даже взрослые жители города, родители учеников. С помощью мальчишек и девчонок Анатолий Станиславович начал собирать этнографический и исторический материал, мечтая об открытии Музея истории города. А по выходным и праздничным дням он водил ребят в туристские походы по ближним и дальним городским окрестностям.

Все это, по мнению коллег, подрывало авторитет большинства преподавателей, ведь учитель физкультуры занимался общественной работой, которую должны были проводить преподаватели литературы, истории, географии и музыки.

Не имея возможности официально запретить физкультурнику заниматься такой работой, директор школы и обиженные учителя стали искать повод, который бы помог им избавиться от преподавателя физкультуры на законном основании и тем самым вернуть школе былую спокойную жизнь. И вскоре этот повод им представился.

Анатолий Станиславович сразу заметил необычайную, тихую красоту дочери своей квартирной хозяйки, семнадцатилетней Вари. О ее слепоте ему рассказали его ученики. Варя училась вместе с ними до девятого класса. А летом с ней случился трагический случай, в результате которого она ослепла. Пьяный оболтус, сын высокопоставленных родителей, катая на отцовской машине своих подвыпивших дружков, сбил Варю, нанеся ей сильную черепно-мозговую травму. Уголовное дело замяли, отец виновника оплатил сложную нейрохирургическую операцию. Жизнь девушки была спасена, но она навсегда ослепла. Так Варя лишилась привычного мира,

перестала ходить в школу, стала инвалидом на пороге взрослой жизни.

Прервавшееся общение со сверстниками привело к тому, что девушка замкнулась в себе, стала молчаливой и безразличной ко всему. Спрятав под бабушкиным платком свою остриженную во время операции голову, Варя часами сидела на лавочке возле калитки, устремив невидящий взгляд в одну точку и, казалось, дремала, что делало ее похожей на древнюю старуху. А ведь ей было всего лишь неполных семнадцать лет.

При виде всего этого у молодого физкультурника сжималось от боли сердце. И Анатолий Станиславович развернул решительную борьбу с преждевременным старением Вари Петровой.

Заметив, что девушка каждый раз, когда он начинал играть на гитаре у себя в комнате, открывала окно, садилась возле него и с упоением слушала, он предложил Варе научить ее играть на гитаре. Вспышка большой радости оживила на миг до этого каменное лицо девушки и тут же погасла. Варя, опустив голову, тихо сказала: «Маманя не позволит».

К счастью, приближалась дата дня рождения Вари. Анатолий съездил в областной город, купил там замечательную гитару и модный женский беретик радостной расцветки. Гитару Варе подарил ее одноклассник Дима, влюбленный в нее еще с пятого класса. А беретик вручили подруги по классу.

Теперь у Вари появилась необходимость научиться играть на гитаре, и ей удалось уговорить мать разрешить ей посещать школу юных гитаристов в местном клубе. Ходила Варя и на все занятия Клуба любителей поэзии.

И вскоре девушка начала писать превосходные стихи и сочинять на них музыку. Ее песни понравились руководству Дворца Культуры, и теперь на всех праздничных концертах неизменно выступала местный бард Варя Петрова. И, как правило, повсюду слепую девушку сопровождал учитель физкультуры средней школы Анатолий Станиславович Балашов. Для многих это не было удивительным: ведь Балашов жил в одном доме с Варей... Но недруги Анатолия Станиславовича взяли этот факт на вооружение.

По городу поползли липкие слухи о любовном романе учителя физкультуры и слепой несовершеннолетней ученицы. Анатолий Станиславович был вызван на беседу в кабинет директора школы, где ему попытались объяснить аморальность его отношений

с несовершеннолетней ученицей, к тому же еще инвалидом по зрению. Но физкультурник добрых советов слушать не стал, а просто хлопнул дверью и ушел. Тогда обиженные коллеги решили передать дело о несоответствии занимаемой должности учителя физкультуры Балашова А. С. на рассмотрение в городской Отдел образования.

Мать Вари тоже провела с дочерью соответствующую беседу, после которой на лице и теле девушки появились кровоподтеки и синяки. Выходить из дома Варе было строжайше запрещено, а когда мать уходила на суточную рабочую смену, она просто запирала дочь на замок.

Учителю физкультуры было предложено покинуть комнату в доме матери Вари, и Анатолий Станиславович переселился в полуразвалившуюся хибару с протекающей крышей и земляным полом, где доживала свой век девяностолетняя старуха. Но видеться с Варенькой и помогать ей он не передумал.

В день, когда у него не было уроков, а мать девушки была на работе, Анатолий помог Варе вылезти через окно из запертого дома. Они пошли в заброшенный городской парк и гуляли там целый день. Учитель собрал букет из примул, диких тюльпанов, пролесков и других первоцветов и подарил своей ученице, а она, спрятав лицо в весеннем разноцветье, слушала его стихи о весне, представляя знакомые с детства картины пробуждающейся природы. И стала эта прогулка для обоих настоящим праздником.

Только слишком заметны они были на улицах города. Сердобольные горожане сообщили матери, и праздник для Вареньки завершился побоями. Окна комнаты, где обитала девушка, были заколочены досками, а в дверь врезан дополнительный замок. Анатолия Станиславовича вызвали в городскую прокуратуру, где сообщили, что на него заведено уголовное дело о растлении несовершеннолетней. Под стражу брать его не стали, но взяли подписку о невыезде. В тот же день Балашов был уволен из школы, как не соответствующий занимаемой должности.

Влюбленный одноклассник Дима, дождавшись следующего ухода Вариной матери на работу, отодрал доски с одного из окон комнаты, где томилась Варя, выставил стекло и помог девушке бежать из родного дома. Варя попросила мальчика отвезти ее в областной город, и он, взломав замок гаража, взял отцовский мотоцикл. Они

благополучно доехали до здания редакции областной газеты, и он больше часа ждал ее у входа в редакцию, не зная, что их уже ищет милиция. Они были схвачены у дома тетки мальчика, куда он повез Варю после посещения редакции. Беглецов доставили в родной город, где девушку поместили в больницу, а одноклассника взяли на учет в Службе по делам несовершеннолетних, и его жестоко избил отец.

А ночью в городе случилось ЧП: по неизвестным причинам загорелся дом старухи, где квартировал Анатолий Станиславович. Старуху спасти не удалось, а Балашов отделался ожогами второй степени, не угрожающими его жизни. Сгорели только все его вещи, и не было у него теперь ни денег, ни крыши над головой. И я предложил Анатолию поселиться в моей комнате в учительском доме, что сразу вызвало острую неприязнь ко мне среди его жильцов, а в школьном учительском коллективе меня зачислили в «черный список».

На следующий день, когда я был на уроках в школе и, к счастью, большинство обитателей дома тоже, произошла последняя встреча Анатолия с Варей.

Анатолий долго не реагировал на требовательные звонки в дверь и только открыл ее, когда звонки сменились отчаянным стуком. На пороге стояла Варенька. Балашов не сразу узнал девушку: в застиранном больничном халате и в замызганных тапочках она была похожа на маленькую попрошайку, каких развелось сейчас видимо-невидимо. И только по стриженной голове и застывшему взгляду он понял, что это Варя. Голова девушки заставила его ужаснуться: ежик ее коротких волос был совершенно седым. «Хорошо, хоть она этого не видит» - мелькнула мысль.

- Варенька, милая моя девочка, что они сделали с тобой? - сердце Анатолия бешено колотилось от негодования.

- Они отобрали всю мою одежду... - заикаясь, тихо вымолвила девушка, - Они обвиняют Вас, что Вы насильно лишили меня невинности ... Даже провели экспертизу, чтобы доказать это ... Но у них ничего не вышло... Мне очень страшно ... Они на все пойдут ... Я боюсь, что они силой отберут мою девичью честь... А я берегу ее для Вас, мой единственный, любимый мой, родной человек...

Варя сделала шаг вперед, вытянув руки в поисках Анатолия.

- Так возьмите меня сейчас ... - Варенька в отчаянии рванула поясok и сбросила халатик на пол. Под халатиком у девушки больше ничего не было.

Анатолий несколько мгновений любовался женской красотой Вари, но тут же спохватился, сорвал со стола скатерть и обернул ею девушку. Варенька прижалась к его плечу и дала волю слезам. А Балашов гладил ежик ее волос и шептал на ухо:

- Ну, что ты, Варенька? Что ты? Я очень тебя люблю, ты самый дорогой для меня человек на этой земле. Только всему свое время. Потерпи, родная моя, один годик, и тогда никто и ничто нас не разлучит.

Анатолий почувствовал, что девушка успокоилась, дыхание ее стало равномерным. Она спала. Балашов бережно взял Варю на руки, отнес на диван, укрыл одеялом. А сам сел у изголовья и задумался: «Вправе ли он любить эту замечательную девушку, навсегда вошедшую в его сердце? Ведь он – учитель, а она – ученица. А что, учитель – не человек? К тому же он всего лишь на шесть лет старше Вареньки. И у них столько общего. Варя любит его так же сильно, как и он ее. Это не девчоночье увлечение, это зрелое, настоящее чувство. Нет, он не отступит, он будет бороться за их любовь, за Варино счастье».

Когда я вернулся с работы, Толя рассказал мне обо всем, и мы с ним долго обсуждали, как помочь девушке. Было решено, что лучше всего отвезти Варю к маме Анатолия в дальнее село в соседней области.

Перед вечером Варенька проснулась, и мы сели пить чай. Вдруг в дверь настойчиво позвонили. Не успел я открыть дверь, как в нее, сбив меня с ног, ворвались два дюжих молодца в милицейской форме. Они бросились к поднявшемуся из-за стола Толе, повалили на пол и заломили руки за спину. Щелкнули замки наручников, и тут же в квартиру вошли начальник милиции и городской прокурор.

- Балашов Анатолий Станиславович, Вы арестованы по обвинению в многократном изнасиловании несовершеннолетней Варвары Петровой, - важно произнес прокурор, - Поднимайтесь и следуйте за нами.

- Это неправда! - дрожащим голосом воскликнула Варенька, все еще не понимая, что происходит.

- Ага, и ты здесь! - обрадовано произнес прокурор, только теперь заметив девушку. - Значит, к обвинению добавим еще похищение потерпевшей из больницы и удерживание насильно в чужом доме. Ох, и загремите же вы, Анатолий Станиславович, на всю катушку!

- Это неправда! - едва сдерживая слезы, громко сказала Варенька. - Никто меня не похищал, я сама ушла из больницы. И я невинна, это доказала экспертиза, доктор подтвердит вам это.

- Доктор подтверждает как раз наоборот. - прокурор раскрыл кожаную папку, - Вот справка, подписанная врачом, в которой говорится, что ты изнасилована.

- Доктор подписал такую справку? - Варя охнула, схватилась за сердце и стала медленно оседать на пол. Дюжие парни подхватили ее под руки и вопросительно уставились на своего начальника, ожидая дальнейших приказов.

- Везите ее побыстрее в больницу, и пусть там побеспокоятся, чтобы она вновь от них не удрала. А потом возвращайтесь сюда за арестованным. - выдохнул начальник милиции.

- И за этим тоже, - воскликнул прокурор, указывая на меня. - Вы арестованы, как соучастник преступления по обвинению в укрывании преступника и похищенной им девушки.

Варю увезли в бессознательном состоянии в городскую больницу, а мы с Анатолием попали за решетку.

А nasledующий день утром Варенька, разбив стекло, выбросилась из окна четвертого этажа больницы.

Жизнь девушки спас Дима, ее одноклассник, преданно любящий Варю. В тот роковой миг он стоял под окнами больницы, размышляя, как в очередной раз вызволить Варю. Дима сумел подхватить Вареньку у самой земли, и принял удар на себя. С переломанными руками и сотрясением мозга юноша был тут же госпитализирован. А Варю, потерявшую дар речи, в тяжелом психическом состоянии увезли в областную психоневрологическую больницу.

Отчаянный поступок Вареньки, потерявшей веру в справедливость, усугубил положение Анатолия Балашова: он как бы подтверждал все выдвинутые против него обвинения, к которым приплюсовали еще одно – доведение до самоубийства. Теперь Толе грозила высшая мера наказания.

А через два часа, после случившегося, в город приехала редактор областной газеты, у которой три дня назад побывала Варенька. С ней прибыл старший следователь областной прокуратуры. Оказывается, врач-психиатр областной

больницы обнаружил прибинтованную к руке девушки записку. В ней Варя написала правду о той травле, которой подверглась она и ее любимый учитель Анатолий Станиславович Балашов, называла имена всех участников этих грязных дел.

Меня сразу же выпустили из камеры предварительного заключения за неимением улик. А следствие по делу Анатолия Станиславовича Балашова велось еще два месяца. В результате с него были сняты все обвинения, ему вернули доброе имя, опубликовав статью в областной и местной газетах, восстановили на работе в прежней должности. Но Толя в городе оставаться не захотел, тем более работать в школе, где он пережил столько боли. Да и любимой Вареньки в городе не было: после выписки из областной больницы мать увезла дочку в дальний монастырь, находящийся где-то в предгорьях Карпат.

В городе состоялся показательный суд над участниками жестокой травли двух влюбленных. Директор и завуч школы, заведующий городским Отделом образования, главный врач городской больницы, начальник милиции и прокурор города по решению суда были уволены с занимаемых должностей. Но все они, к сожалению, были осуждены условно.

Анатолий уехал к матери в село. Где находится Варя, никому не было известно. Я тоже переехал в другой город и потерял всякую связь с молодыми людьми. И вот теперь случайная встреча с Толей Балашовым на автовокзале поведала мне, что в жизни слепой девушки Вари наступили счастливые дни.

Потом я был гостем семьи Балашовых, и мама Анатолия рассказала мне, как произошла встреча ее сына с любимой Варенькой после тех страшных событий...

Выйдя из психиатрической клиники, Варенька по воле матери оказалась в стенах старинного монастыря среди карпатских горных лесов.

Отрешенная от прежнего мира, безразличная ко всему, девушка днями бесцельно бродила по зданию монастыря, стуча палкой по древним каменным плитам.

Одинокая фигура слепой девушки вызывала жалость и сострадание у монахинь, а они молились за Варю сообща и каждая в отдельности в своих комнатках, призывая Господа исцелить душу и тело незрячей послушницы.

Сама же Варя к Богу не обращалась и не молилась, но ей это прощали.

Настоятельнице монастыря, мудрой, старой женщине, удалось вызвать Варю на

откровенный разговор. После Вариной исповеди она долго размышляла над услышанным, потом молилась, обращаясь к Господу с просьбой надоумить ее: как поступить с юной слепой послушницей. И верное решение пришло.

Она связалась со священником областного города той области, где проживала мать Анатолия Балашова, и священник разыскал его и привез в монастырь.

После продолжительного разговора с Анатолием настоятельница вызвала к себе Варю и сказала ей: «Слушай, девочка, я поняла, что ты больше создана Господом для мирской жизни, чем для духовной. Ты никогда не сможешь отдать всю силу своей любви только Господу, потому что так же сильно будешь любить своего избранника. Я познакомилась с ним и увидела в нем достойного человека. Я преклоняюсь перед Вашей Любовью. Вы не сможете жить друг без друга. Поэтому я отпускаю тебя к нему в мирскую жизнь. Да хранит Вас Господь, и весь род Ваш».

Так Варенька и Анатолий встретились вновь, чтобы больше никогда не разлучаться.

За прошедшие три года Варенька сильно изменилась: повзрослела, похорошела, превратилась в стройную, красивую женщину. Густые каштановые волосы заменили седой ежик, обрамляя нежное лицо. От прежней Вареньки осталась только неподвижность ее прекрасных голубых глаз, не воспринимающих свет и цвета окружающего мира. Но этот мир девушка видела своим любящим сердцем, одаривая его душевным светом и теплом.

В древности грузинскую царицу Тамар люди называли Солнцеликой. Так вот, Варенька была такой Солнцеликой. Все, кто находился рядом с ней, испытывали чувство большой радости, счастья, умиротворения. Даже комнатные цветы, растущие в ее квартире на окнах, обращенных на север, буйно цвели круглый год в знак благодарности за тот свет и тепло, какие постоянно излучала Варенька. Наверное, не зря она родилась и выросла на улице Светлой.

В большой комнате квартиры Балашовых на стене рядом с фотографиями Толиной мамы в молодости, детскими снимками Вари и Толи я увидел фотопортрет юноши, в котором узнал Диму. Видя мой удивленный взгляд, Анатолий сказал:

- Это друг нашей семьи, спаситель Вареньки. После школы он работает в геологической экспедиции и учится заочно на геологоразведчика.

Каждый год Дима приезжает к нам в День рождения Вареньки с огромным букетом ее любимых гладиолусов. Для всех нас он родной человек.

Вечером мы все вместе смотрели телевизор. Шел французский фильм по мотивам романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери».

Толя и Варя сидели в старинном бабушкином кресле, держась за руки. Рядом с креслом на коврикe играла с котенком маленькая Настенька. А мы с Толиной мамой разместились на диване.

Варя устремила взгляд незрячих очей в сторону экрана, слушая звучание телевизора. Анатолий время от времени, наклоняясь к Вареньке, комментировал происходящее на экране, но сам больше глядел на Варю, чем на экран телевизора. И лицо его выражало восхищение.

А я смотрел на Варю и Толю и думал: «Нет, не только во времена романов Виктора Гюго, но и в наши дни люди способны на Великую Любовь».

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

/рассказ /

Друг моего друга - не мой друг.

Их было трое неразлучных друзей: Виталий, Оля и Саша.

Оля и Саша учились в университете на последнем курсе геофака, а Виталий заканчивал политехнический институт.

Оля любила Виталия, Виталий любил Олю, а Саша любил их обоих. Но был еще один человек -обаятельная девушка Наташа, которую Саша любил больше, чем Виталия и Олю. С Наташей у Александра было много общего: вместе учились на географическом факультете, оба любили горы и камни, вместе прошли более тысячи километров по ледникам Кавказа в научных экспедициях, даже материал для дипломной работы они собирали в одном горном районе.

Только Наташа никак не могла решить: любит ли она Сашу.

Так они жили, пока в один солнечный январский день в их жизнь пришла беда...

Студенческие зимние каникулы подходили к завершению, когда это случилось. Оля достала путевку на горнолыжную базу в Приэльбрусье и уехала туда еще в начале каникул. У нее был второй разряд по горным лыжам. Виталий отправился проведывать своих родителей. А Саша никуда не поехал. Навещать ему было некого, а зимних гор он почему-то не любил.

Когда пришла телеграмма о несчастье, Саша, заняв деньги у товарищей по общежитию, вылетел в Приэльбрусье. Там ему рассказали, что случилось с Олей...

...В тот день Оле разрешили выйти на главную горнолыжную трассу, и она начала скоростной спуск. Мелодично пел снег под летящими лыжами, звонкий ветер свистел в ушах, и облако снежной пыли пыталось догнать девушку. Все шло хорошо, и вдруг из бокового ущелья на главную трассу выпорхнула наперез Оле юная лыжница, по всем признакам новичок в этом виде спорта.

На раздумье у Оли не было времени: еще полминуты, и она собьет эту хрупкую девчушку, и та полетит вниз со скоростью около ста километров в час на скалы. Решение пришло мгновенно: резкий рывок в сторону, и страшная сила сорвала Олю со склона и швырнула на лежащие поверх снега каменные глыбы.

Оля осталась живой только потому, что на эти камни побросали свои теплые куртки катающиеся по соседству с трассой туристы. Эти куртки смягчили удар, но результатом его стали многочисленные переломы костей и нижней части позвоночника.

Из Приэльбрусья девушку доставили самолетом в город, где она училась, поместили в областную больницу.

Неподвижная, безучастная ко всему, с потухшими глазами и переполненным болью телом, Оля лежала одна в палате, молча перенося страдания.

Саша навещал ее каждый день, раздобыв белый медицинский халат и выдавая себя за работника больницы. Он садился у изголовья, рассказывал Оле придуманные им смешные истории из жизни факультета, тихо напевал веселые туристские и студенческие песни и кормил ее с ложечки, отправляя погулять пришедшую нянечку.

Так проходил день за днем. Олю посещали подруги по факультету. Не приходил

только один Виталий. А Оля так ждала его и все спрашивала Сашу о нем. Пришлось соврать, что Виталий еще не вернулся из дому почему-то.

Несколько раз Саша ездил к нему на квартиру, где он жил с тетей, но двери никто не открывал. Тогда Саша установил дежурство у входа в политехнический институт, и ему удалось перехватить Виталия у дверей.

- Ты что же забыл нас совсем? Тебе известно, что случилось с Олей? - Саша крепко держал Виталия за плечи, глядя в упор ему в глаза.

- А, это ты, Саша, давно тебя не видел. Как живешь? - Виталий попытался радостно улыбнуться, но из этого ничего не вышло. - Пойдем, посидим, поговорим.

Они сели в сквере на скамейку. Виталий долго молчал, рассматривая свои ботинки, а потом решительно выдохнул:

Знаешь, скажу откровенно: мне лучше с Ольгой не встречаться. Ты пойми меня правильно. Ольга теперь не сможет выйти за меня замуж, тем более, родить ребенка. А я хочу иметь полноценную семью. А Ольга останется неподвижной до конца жизни, я консультировался у профессора. В сиделки я совсем не гожусь, да и работа моя будущая не позволит. Так что Ольке лучше забыть меня, и чем скорее, тем лучше для нас обоих.

- Виталька, ты ли это? Что ты мелешь? - Саша, потрясенный, не верил своим ушам. - Ты ведь любил Олю!

- Я и сейчас люблю, но какой толк теперь от этой любви?! - Виталий решительно поднялся со скамейки. - Пока, дружище! Ты заглядывай как-нибудь при случае.

- Ты предатель! - крикнул Саша вслед уходящему Виталию, - Ты предатель! Ты предал не только Олю! Ты предал самого себя! Предал свое счастье!..

Оля, как всегда, встретила Сашу вопросом:

- Ну, что, Виталик еще не приехал? Саша отрицательно покачал головой.

- А ты сообщил ему о моей... - Оля запнулась и закрыла глаза.

- Да, я посылал ему телеграмму. - Саша наклонился над девушкой и тихо сказал:

- Раз он не приехал сразу, то не приедет совсем, да выбрось ты его из головы, Оленек!

- Из головы можно, а вот из сердца... - сдерживая слезы, прошептала Оля. - Ты иди, Саша, уходи. Я никого не хочу видеть.

После этого разговора душевное и физическое состояние Ольги резко ухудшилось, она отказывалась принимать лекарства и пищу, целыми днями лежала, делая вид, что спит, или устремив невидящий взгляд в потолок.

И тогда Саша пошел к лечащему врачу Ольги и стал убеждать его перевести девушку из больницы в студенческое общежитие.

-Вы с ума сошли! - возмущенно воскликнул врач, выслушав Сашу, - Ей же нужен уход, как за младенцем. Уж если переводить, то лучше домой, к маме. Только мать сможет обеспечить ей нужный уход на долгие годы.

-Домой нельзя, ни в коем случае! - Саша решительно замахал руками. - Маме мы не сообщали о случившемся: у нее больное сердце. А в общежитии Оля будет все время среди товарищей и подруг, в привычной обстановке. Да и над дипломной работой ей будет легче трудиться.

-О каком дипломе вы говорите?¹ - горестно всплеснул руками врач.

-А Павка Корчагин? А Маресьев? - перебил его Саша - Поймите, девушку сможет вернуть к жизни только работа, работа и еще раз работа.

Сашины аргументы в пользу общежития убедили доктора. Потом им долго пришлось уговаривать главного врача больницы сделать для Оли исключение.

И вот Оля снова в родной комнате общежития, среди своих однокурсников. В честь возвращения Ольга девчата устроили маленький семейный праздник, и на изможденном лице девушки впервые за много дней появилась радостная улыбка.

Но вскоре эта улыбка снова погасла. Подруги уходили на занятия, а Ольга оставалась в комнате одна со своими тягостными мыслями. Радовал ее каждый приход Саши, в глазах которого девушка ни разу не увидела жалости к себе. Но больше всего Оля ждала, что вот откроется дверь, и войдет ее Виталька. Только он не приходил, и на душе у девушки поселялась гнетущая пустота...

-Как ты считаешь, Оленек, не пора ли нам заняться написанием дипломной работы? - весело спросил Саша через несколько дней, присаживаясь на краешек Олиной постели. -Ведь защита уже не за горами.

-Ну, и пиши, -безразлично ответила девушка, - кто тебе мешает? Перестань ходить ко мне ежедневно, вот и будет у тебя время для дипломной работы.

-Я ведь, кажется, сказал «нам», а не «мне»! - воскликнул Саша.

-Ты считаешь, что у меня может что-то получиться? - Оля даже приподнялась на локте от волнения.

-Уверен! - твердо сказал Саша - Только тебе придется хорошенько вспомнить, как писал свою книгу о Павке Корчагине Николай Островский.

И началась коллективная работа над Ольгиным дипломом.

Саша сделал специальную подставку-столик, чтобы Оля могла писать лежа на спине. Рискую быть пойманным, он тайно выносил из читального зала научной библиотеки необходимую литературу, и так же тайно возвращал ее обратно. Олины подруги создали в общежитии специальную бригаду, которая вычерчивала картосхемы, графики и диаграммы для дипломной работы Ольги.

Но большую часть труда выполняла сама Оля. Она с головой ушла в свой любимый мир: край высоких гор, вечных снегов и ледников, который она изучала в преддипломной экспедиции, и забыла о своей болезни и беспомощности.

Когда с Оли полностью сняли гипс, лечащий врач сказал Саше:

-Вы добились удивительных результатов - возродили духовную жизнь девушки. Теперь вам надо научить ее ходить.

-Мне кажется, что ты уже достаточно налегала в кровати, - сказал Саша, входя после разговора с доктором в комнату Оли. - С сегодняшнего дня мы с тобой будем учиться ходить. А то ты, наверное, совсем забыла, как это делается.

-Ходить? - девушка подняла испуганный взгляд на Сашу. - Нет, нет! Я не могу! У меня ничего не получится.

-Еще как получится! - Саша решительно подошел к Оле. - Ну-ка, попробуй опустить ноги на пол, Оленек. Не бойся, я тебе помогу. Он осторожно, стараясь не причинить лишнюю боль, опустил обе ноги девушки, надел на них домашние тапочки.

-А теперь попробуй встать. - Саша опустился на колени, чтобы помочь Оле, - Ты опирайся на мои плечи и вставай.

Девушка изо всех сил старалась вдохнуть жизнь в непослушные ноги, и ей удалось постоять всего лишь пять секунд: на большее не хватило сил.

Несколько дней Саша учил Ольгу стоять на ногах. Затем они начали передвигаться по комнате, через неделю они вышли в коридор общежития, а затем и во двор. И вскоре жильцы общежития и прохожие перестали обращать внимание на

странную пару, совершавшую ежедневно непонятную прогулку: девушка, повиснув на плечах у юноши, с большим трудом переставляла ноги, а парень в это время вел счет ее шагам, и количество шагов увеличивалось с каждым днем.

Однажды, вернувшись с такой «прогулки», Саша застал в комнате всех ребят своего курса. На столе стояла распечатанная бутылка вина, лежала скромная студенческая закуска.

-Ну, вот, и главный виновник торжества появился, - поднялся один из сокурсников, уступая Саше место за столом. - А мы собрались тут, чтобы поздравить тебя, ты у нас первый в этом деле.

-Что-то я не понял, - устало сказал Саша, - с чем поздравить?

-Как с чем?! Конечно с женитьбой. - однокурсник похлопал Сашу по плечу. - Ты у нас молодец!

-Погодите, ребята, с какой женитьбой? - Саша удивленно смотрел на товарищей - На ком вы меня жените?

-Как на ком? Конечно же на твоей Ольке! - в хоре парней звучало возмущение.

-Вы что, с ума сошли? Вы же знаете, что Оля любит своего Витальку и выйдет замуж только за него. - Саша решительно поднялся из-за стола. Так что праздника не будет.

-Ты не собираешься жениться на Ольке? Так зачем же ты так ее обхаживаешь? Диплом ей пишешь, на ноги поставил, день и ночь у нее в комнате торчишь? Ради чего все это? - перебивая друг друга, задавали вопросы ребята.

- А такое понятие, как дружба, вам известно? - с негодованием воскликнул Саша. - Мы с Олей друзья, разве я могу поступить иначе?

-Странный ты парень, однако, - сказал один из ребят. - Пошли отсюда, хлопцы...

А через несколько дней на улице Сашу остановила Наташа:

-Я очень рада за тебя и от души поздравляю. Ты молодец, все правильно решил. Желаю тебе с Олей большого-большого счастья!

-Эх, Наталка, и ты ничего не поняла! - с горечью воскликнул Саша. - С Олей мы друзья. А ты ведь хорошо знаешь, что тебя я люблю больше, чем друга.

-Нет, нет, не обманывай себя. Я тебе просто нравлюсь, а Олю ты любишь по-настоящему, это всем видно. - Наташа помолчала несколько минут, а потом вдруг сказала: - Знаешь, Саша, я ведь тоже выхожу замуж. Так что пожелай и ты мне большого счастья.

-Ты? Замуж? - слезы душили Сашу, и он ничего больше сказать не смог... Незаметно подошло время защиты диплома.

Бледная, взволнованная, Оля сидела в зале в мягком кресле, принесенном из деканата, и подсказывала Саше, где и как развешивать ее карты и графики. Когда вошел Председатель государственной комиссии столичный профессор Попов, Саша обратился к нему с просьбой разрешить дипломнице отвечать сидя, а ему находиться рядом с ней. Профессор удивленно посмотрел на Сашу, но декан геофака шепотом объяснил ему все, и Попов кивнул головой.

Саша помог Оле подняться на возвышение, где стоял стол комиссии, поднял на него кресло, усадил девушку.

-Теперь можно начинать защиту, - сказал столичный профессор и устремил на Ольгу любопытный взгляд.

Сначала Оля говорила тихо, дрожащим голосом. А потом голос ее окреп, она бойко отвечала на каверзные вопросы председателя и членов комиссии, уверенно высказывала свое мнение, выявляя хорошее знание фактического материала.

-Молодчинка! - взволновано воскликнул профессор Попов, когда Оля закончила свое выступление. - Я ставлю вам высший бал за ваш доклад и думаю, что члены комиссии меня поддержат в этом. И еще я рекомендую поместить сообщение о ваших открытиях в очередном выпуске журнала нашего Географического Общества.

Председатель комиссии подошел к Ольге и церемонно поцеловал ее руку. Весь зал встал и, стоя, долго аплодировал плачущей от счастья девушке, сидящей в кресле на возвышении.

-Пойдем вниз, Оленек! - Саша обнял за плечи Олю, помог ей подняться с кресла. В этот миг они увидели в дверях Витальку в шикарном элегантном костюме, с огромным букетом алых роз в руках.

-Виталька? - неуверенно воскликнула Оля и схватила Сашу за руку, чтобы не

упасть. - Виталик! - уже радостно закричала она и, забыв обо всем, отпустив Сашину руку, устремилась вперед, навстречу своей любви, смеясь и плача одновременно.

Виталька бросился к Оле, подхватил на руки и понес по дорожке из рассыпавшихся роз к выходу из зала под бурные овации все еще стоящих людей.

Не аплодировал один Саша. Потрясенный, он некоторое время стоял неподвижно, ничего не видя и не слыша, а затем, очнувшись, стал снимать с доски Олины таблицы, графики и карты.

В коридоре к нему подошел Виталий, протянул руку:

-Ну, здравствуй, Сашок! Спасибо тебе за все, что ты сделал для моей Оли! Чем только я тебя отблагодарю за это?

Саша на рукопожатие не ответил: его руки были заняты рулонами графиков и карт. Он остановился, глянул в глаза бывшего друга.

-Чем отблагодаришь? - Саша на мгновение задумался, а потом выпалил:

-Только тем, что больше никогда в жизни не предашь Олю!

В этот день Саша впервые в жизни крепко напился и долго бродил по коридору и двору маршрутами его прогулок с Оленькой.

А через несколько дней Оля пришла к Саше в общежитие.

-Ты знаешь, мы с Виталиком подали заявление в ЗАГС. - глаза у девушки сияли от счастья. - Через месяц поженимся и уедем в город, где живут его родители. Виталька там уже устроился на завод, а я возьму свободный диплом. Виталик обещает мне работу в школе, где он учился. А как у тебя дела?

-У меня все замечательно, - усмехнулся Саша. - Вчера подписал направление в сельскую школу. Буду учить ребятишек своей любимой географии.

-В школу? В село? - Оля удивленно смотрела на Сашу. - Ты же собирался на Тянь-Шань, на географическую научную станцию?

-На Тянь-Шань, в горы... Я передумал. Понимаешь, Оленек, на Тянь-Шане я буду одинок, не с кем будет поделиться радостью от общения с горами. А в школе я буду все время в кругу мальчишек и девчонок, буду передавать им свою любовь к горам, к Тянь-Шаню, ко всей природе нашей Земли. В этом мое призвание, мое счастье...

-А как у тебя с Наташей? - осторожно спросила Оля.

-А никак! - голос Саши задрожал. - Она выходит замуж... не за меня, конечно.

-Это я, это я во всем виновата! - Оля обняла Сашу за плечи и зарыдала.

-Причем здесь ты, Оленек? Ну, перестань, успокойся, прошу тебя, - Саша нежно гладил светлые волосы девушки. - Ты же помнишь, как поется в нашей любимой песне: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло?»

Оля подняла на Сашу заплаканные глаза:

-А как же ты, Саша? Как же ты будешь жить... без меня?

Саша вздрогнул и отвернулся, чтобы девушка не увидела его глаза. Он почувствовал, что нет в мире ему роднее человека, чем Оля, любимый его Оленек. А Оля прижалась к его груди и, как безумная, повторяла:

-Я же знаю, что ты любишь меня. Я знаю это. Я чувствую.

-Перестань, Оленек! - Саша решительно отстранил Олю. - Перестань, а то я сейчас заплачу. А мужчинам плакать не положено. Они могут только огорчаться.

-Ты же любишь меня. Я знаю, ты же любишь меня. - все еще всхлипывая, повторяла Оля.

-Ну, конечно же, люблю, давно и крепко, люблю, как друга, как сестру. - Саша губами вытирал слезы на лице девушки.

-Нет, нет, ты любишь меня так, как я люблю своего Виталика. Поэтому, прости, я не могу ответить на твою любовь. - Оля взяла Сашу за руки. - Мы останемся друзьями? Я буду писать тебе часто-часто!

-Нет, Оленек, ты пиши мне только тогда, когда тебе очень понадобится помощь. - Саша протянул девушке листок бумаги. - Вот адрес. Пиши на сельскую школу, а там меня найдут.

И они расстались... Саша уехал в село, стал любимым учителем у ребят. Прошел год, и вдруг почтальон вручил Саше конверт, подписанный знакомым Олиным почерком.

Не заходя в дом, Саша, волнуясь, распечатал конверт. В нем оказалась фотография симпатичного малыша и короткая записка:

«Спешу поделиться с тобой своим счастьем - у меня родилась дочечка Светланка, маленький Светлячок в моей жизни. Твой Оленек».

Саша зашел в комнату, положил фотографию маленькой Светланки под настольное стекло и поднял глаза на картину, висящую над письменным столом.

На картине красавец олень стоял на окраине леса на фоне далеких гор, а рядом с ним, растопырив тонкие ножки, маленький олененок удивительно смотрел на окружающий мир.

-Ну, вот, теперь все в порядке, - сказал сам себе Саша и поспешил в соседнее большое село на почту отправлять поздравительную телеграмму.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

/рассказ /

Среди минералов и горных пород моей коллекции особое место занимают камни, подаренные мне друзьями, знакомыми и совсем незнакомыми людьми. Эта часть коллекции поселилась в книжном шкафу среди книг, авторы которых шли за горизонт, открывая новые земли и называя их именами любимых.

Камни до сих пор излучают тепло рук замечательных людей, и в каждом из них хранится тайна удивительных историй и судеб.

На полке рядом с книгами по альпинизму обитает камень, похожий на неприступную горную вершину. Я привез его с далекого Тянь-Шаня, он поведал мне о большой любви и верности долгу, о мужестве слабых и предательстве сильных, о неистребимом стремлении человека к счастью...

Эту историю я услышал на берегу озера Иссык - драгоценного изумруда в оправе хребтов Заилийского Алатау, поросших такими же сине-зелеными тянь-шаньскими елями.

Стояла поздняя осень. Туристский сезон уже окончился, и на турбазе "Иссык" собирались теперь только большие почитатели неповторимой красоты озера. Мы сидели у вечернего костра и обсуждали недавнее трагическое событие, взволновавшее всю страну: при восхождении на высшую вершину Тянь-Шаня погибла команда сильнейших альпинистов. Погибла по-глупому, из-за малодушия в экстремальной обстановке. В живых остался самый слабый физически, но оказавшийся самым сильным духом альпинист. И мы спорили о том, что важнее в

критических обстоятельствах: физическая сила или сила духа? Мнения разделились, и мы так и не пришли к единому выводу.

В споре не участвовала единственная женщина в нашей компании. Она подошла к озеру, когда мы уже сидели у костра. Несмотря на хрупкость и миниатюрность, в облике ее угадывалась бывалая путешественница.

Женщина молча слушала наш спор, время от времени отпивая из кружки дымящийся ароматный чай. И это ее молчание взорвало одного из нас. В категоричной форме нашей спутнице было предложено высказать свое мнение по спорным вопросам. Женщина некоторое время молча смотрела на пляшущие языки пламени костра, а потом сказала:

- Я расскажу вам одну историю, связанную с этими горами, в ней вы найдете ответ на свои вопросы... И женщина начала свой рассказ.

«Начало истории относится к тридцатым годам двадцатого века. Здесь, на Центральном Тянь-Шане, у самой границы с Китаем, работал небольшой отряд геологов под руководством молодого инженера Сергея Васильева. Время было беспокойное. Гражданская война в этом районе еще не окончилась. По диким ущельям сновали банды басмачей. Но молодой Республике нужны были редкие полезные ископаемые. Найти их и поручили группе геолога Васильева.

Во время одного из маршрутов Сергей Васильев открывает горную вершину, которой не было еще на карте. Своей изумительной красотой вершина пленила Сергея, и он влюбляется в нее, как можно влюбиться только в красивую женщину. Вершина стала его мечтой, его богиней, его счастливой звездой. В душе Сергея родилось страстное желание покорить неприступную красавицу, но на это у него не было свободного времени. Отряд трудился без выходных и прерывал главную свою работу только для отражения нападений басмачей.

В конце полевого сезона Васильев решил дать отдых своему отряду. Лагерь геологов расположился неподалеку от предмета любви Сергея, и он собирался совершить восхождение на свою любимую вершину.

Утро выходного дня выдалось солнечным и безветренным, хорошая погода обещала продержаться весь день, и Васильев с товарищем по отряду стали быстро подниматься по скальному ребру, уходящему к вершине. Они уже прошли ребро и готовились к штурму

круто падающей каменной плиты. И тут Сергей заметил далеко внизу быстро движущееся облако пыли. Большая группа всадников мчалась по направлению к палаткам лагеря.

- Басмачи! - воскликнул Сергей, - быстро вниз, в лагерь! Перекидывая веревку через выступы скал, они скользили на помощь товарищам, обжигая ладони через брезентовые рукавицы.

Бой с басмачами длился до рассвета следующего дня. Выгодное расположение лагеря среди скал позволило геологам победить. Остаток банды умчался через перевал в соседнее ущелье.

А через день в горы пришла зима. Начались снегопады, по склонам зашуршали лавины, сильно похолодало. Нужно было срочно уходить вниз, к людям.

В последующие годы инженер-геолог Васильев работал в разных уголках страны, далеко от любимой вершины. Он занялся наукой, защитил диссертацию, сначала кандидатскую, потом докторскую. Преподавал геологические дисциплины в столичном университете.

Город, в котором жил Сергей, упирался своими улицами в могучий хребет Северного Тянь-Шаня, и он имел возможность часто бывать в царстве скальных вершин и могучих ледников, занимаясь высотным альпинизмом. Но каждую покоренную вершину Сергей сравнивал с той далекой горной красавицей и продолжал мечтать о восхождении на нее.

В июне 1941 года Сергей Васильев стал готовить альпинистскую экспедицию в район любимой вершины. 21 июня все было готово к отъезду в горы. Но на следующий день Сергей отправился не на свидание с любимой вершиной, а на призывной пункт военкомата. Он уходит добровольцем на фронт, принимает участие в десятках сражений, оставаясь невредимым. Но в самом конце Великой Отечественной войны, уже в Берлине, Сергей Васильев получает тяжелое ранение, в результате которого полностью слепнет.

После многочисленных операций и госпиталей Сергей возвращается в родной город. Сопровождавшая его медицинская сестра становится верным другом и женой Сергея, дарит ему замечательного сына.

Васильев находит в себе силы вернуться к любимой преподавательской работе в университете. Окруженный любовью и заботой жены, сына, коллег и студентов, Сергей почувствовал себя полноценным, счастливым человеком.

Но временами он впадал в сильнейшую депрессию. Это случилось после того, как Сергей доставал из заветной папки фотографии своей любимой вершины, перебирал их по одной, подолгу задерживая каждую в руках. И его незрячие глаза заполнялись скупыми мужскими слезами. Родные и друзья понимали, что гнетет душу Сергея: осознание того, что он никогда больше не увидит свою любимую вершину, не сможет совершить восхождение на нее. Но чем они могли помочь Сергею?

Проходили годы. Сын Сергея - Володя - окончил школу и пошел по стопам отца: поступил на геологический факультет университета. Видя, как радуется отец его увлечению геологией, Володя задумал осуществить то, что не сделал и никогда уже не сделает его отец: покорить любимую отцовскую вершину, расположенную в самом сердце Тянь-Шаньских гор. Для этого Володя осваивает технику горвосхождений в альпинистских лагерях Кавказа и Тянь-Шаня.

После окончания третьего курса университета, на летних каникулах Володя решает организовать задуманную экспедицию и сообщает об этом отцу.

Сергей с огромной радостью включился в подготовку экспедиции сына. И все, кто его знал, увидели в нем прежнего геолога Васильева – жизнерадостного, энергичного и счастливого человека.

Наконец, все было готово к выезду в горы. Ждали прибытия из Москвы еще одного участника экспедиции: Бориса – самого сильного и умелого из них. Володя познакомился с Борисом в одном из Кавказских альпинистских лагерей, поднимался с ним на сложную вершину. И когда задумал свою экспедицию, решил, что без Бориса им не обойтись.

Борис приехал не один. С ним вышла из вагона тоненькая, хрупкая, маленького роста девушка. Рядом с широкоплечим, атлетически сложенным Борисом она выглядела еще более миниатюрной.

-Это моя Люська, - представил девушку Борис, и тоном, не терпящим возражений, добавил: - Она пойдет с нами.

Володя скептически оглядел девушку, и это не ускользнуло от внимания Бориса. Он обнял девушку за плечи и сказал:

-Ты не смотри, что она такая хлипкая. Это очень выносливый чертенок.

И «выносливый чертенок» был зачислен в состав экспедиционного отряда.

Через два дня Володя с друзьями были уже у подножья вершины и начали восхождение. Следующие два дня они преодолевали самый сложный скально-ледовый участок маршрута. И вот до вершины остался один день подъема.

Вечерело... Отряд Володи расположился в палатках Здарского на каменной стене, готовясь к ночлегу. Палатка Здарского – это одновременно и спальный мешок, который вешается на крючья, забитые в отвесную скальную стену. В него влезают, и в таком вертикальном положении коротают ночь. Солнце садилось, окрашивая в фантастические тона вершины и редкие облака над ними Гигантский ледник, сползающий с противоположного склона вершины, постепенно растворялся в густой синеве ночи, которая уже господствовала внизу. А в лагере Володи день еще только начал угасать. Поэтому восходители торопились закончить все свои дела до наступления темноты этой почти пяти тысячной высоты. Тихо урчал альпинистский примус на скальной полочке возле Саши. Расположившаяся рядом Люся хлопотала над ужином. Володя записывал в блокнот впечатления прошедшего дня. Борис просто созерцал красоту предвечерних гор. Исмаил торопливо заканчивал работу над очередным рисунком, Фарид перематывал снятую фотопленку, а Куан, закрыв глаза, напевал вполголоса казахскую народную песенку.

И вдруг Саша, глянув в сторону засыпающего ледника, воскликнул: - Смотрите, там, на леднике, огонек! Все повернули головы в сторону ледника. Далеко внизу, среди хаоса ледяных скал и трещин, тусклой звездочкой вспыхнул и погас слабый свет. Снова вспыхнул, и снова погас, и вдруг быстро замерцал длинными и короткими вспышками.

- Так ведь это же Азбука Морзе, - воскликнул Володя и лихорадочно стал заносить в блокнот точки и тире, соответствующие вспышкам света.

Мигающая звездочка на леднике вскоре погасла, и мир, там, внизу, снова растворился в черноте ночи.

- Володя, что это было? Кто нам сигналил? О чем? - все наперебой задавали вопросы.

- Не знаю, друзья, я Азбуку Морзе не учил. Вот только начальные сигналы могу расшифровать: три точки, три тире, три точки - это Международный сигнал «СОС», просьба о помощи. Кто-то там, внизу, терпит бедствие и просит помочь,

только как узнать, что дальше сказано в тексте? Кто из вас знает Азбуку Морзе?

Тягостное молчание было ответом на вопрос Володи. - Дайте мне, - несмело нарушила тишину Люся, - я попробую расшифровать. Я учусь на географическом факультете педагогического института, и во время педпрактики немного познакомилась с Азбукой Морзе.

Пока девушка колдовала над записью в блокноте Володи, подсвечивая себе фонариком, ребята пытались отгадать, кто мог терпеть бедствие в этом диком уголке гор. И пришли к выводу, что это могли быть только самодеятельные туристы.

- У меня готово, - сказала Люся и начала читать: «Самолет санитарной авиации сделал вынужденную посадку на ледник...».

И тут все сразу вспомнили, как утром, когда они поднимались по вертикальной стене, почти на уровне с ними пролетел «кукурузник» с красным крестом на фюзеляже. Самолет был так близко, что они видели летчика, который, улыбаясь, помахал им рукой.

«... на борту пилот и врач, - продолжила чтение девушка, - взлететь не сможем, нет теплой одежды и продуктов».

- Ну, что же, - сказал Володя, - как только начнет светать, будем спускаться вниз.

- Как вниз? - возмущенно воскликнул Борис. - А вершина? До нее ведь рукой подать. Нет, так нельзя. - Пойдем вниз на помощь, - твердо повторил Володя, - Разве ты не знаешь закона гор: бросать все дела и спешить по первому зову к тем, кто попал в беду?

- А ты подумал, как плохо будет твоему отцу, если мы не покорим вершину? - парировал Борис. Володя промолчал. Только сейчас он задумался над этим.

- А зачем нам всем спускаться вниз? - вдруг воскликнул Саша - Нас семь человек, четверо, как раз две связки, пойдут на вершину, а трое спустятся на ледник и помогут терпящим бедствие.

- Какой ты молодец, Саня! Так здорово придумал. - с радостью воскликнул Борис. - Как жаль, что я не дотянусь до тебя, а то пожал бы тебе крепко руку.

- Над этим стоит подумать, - колеблясь, произнес Володя. - Только кто пойдет вниз?

- Я пойду, - твердо сказал Саша

-Ты? - в голосе Володи зазвучали нотки неуверенности. – А ты все взвесил? Хорошо подумал?

-Ты же меня знаешь, Володя, - с обидой тихо сказал Саша. - Я не подведу.

-Хорошо. Ну, а кто еще пойдет вниз?

Над лагерем повисла гнетущая тишина. Конечно, всем хотелось взойти на вершину.

-Что же вы, мальчики? - Люся едва сдерживала слезы. - Там люди гибнут, ждут нашей помощи, а вы... Я иду вниз!

- И я тоже! - с пафосом воскликнул Борис.

-Вот и отлично! - радостно сказал Володя. - А мы быстро сбегаете на вершину и спустимся к вам на помощь.

И когда небо над высокими пиками начало бледнеть, четверо ребят стали готовиться к последнему штурму вершины, а Саша, Борис и Люся спускаться вниз на ледник.

Они спускались быстро, скользя дюльфером по веревкам, под перезвон забиваемых в скалы крючьев там, на вершине. К полудню все трое были уже на леднике. Но погода внезапно испортилась: небо заволокли белесые тучи, подул резкий ветер, посыпал мелкий, колючий снег. Вершину окутали плотные облака тумана, и уже не видны были четыре темных точки на ее ребре. Только глухие удары скальных молотков по металлу сообщали, что ребята продолжают подъем.

Густой туман опустился на ледник, затрудняя и без того тяжелое продвижение вниз. «Тройка» вошла в зону поперечных трещин, которые приходилось то и дело обходить или навешивать веревочные переправы через них. Ширина и глубина трещин становилась все больше. Путь усложнял глубокий, сыпучий снег, в который они без конца проваливались.

Борис шел первым, прощупывая перед каждым шагом снег ледорубом: не скрывается ли под снежным покрывалом бездонная трещина? Внезапно на их пути встала непреодолимая преграда: огромная ледяная пропасть. Противоположный склон и края трещины скрывались в плотном тумане, уходя в бесконечность.

-Ну, вот, пришли! - Борис со злостью воткнул ледоруб в глубокий снег. - Дальше пути нет!

-Надо найти место, где можно обойти ее или перепрыгнуть через нее, - сказал Саша, сбрасывая тяжелый рюкзак на снег. - Ты пройди вправо вдоль трещины, а я - влево, разведем дальнейший путь. Первым вернулся из разведки Борис.

-Я же говорил, что нет дальше пути. - сказал он Люсе в ответ на ее немой вопрос, - трещина бездонна и бесконечна.

Они долго ждали возвращения Саши. Он подошел к ним, улыбаясь.

-Я нашел одно место, где сохранились остатки снежного моста через трещину. Там наверняка можно перепрыгнуть на ту сторону.

Когда они подошли к найденному Сашей месту, Борис критически осмотрел висящую над пустотой снежную доску, перекрывающую до середины ледовую трещину. Вторая половина доски уже обрушилась в пропасть.

-Прыгать здесь - это самоубийство. Я сам не буду и вам не позволю - твердо отчеканил Борис.

-Понимаешь, нужно идти дальше, ведь нас там очень ждут. - Саша с надеждой смотрел в глаза Бориса. - Мы должны идти вперед, должны!

-Никому ничего я не должен, - раздраженно воскликнул Борис. - Ну, какая польза будет, если мы загнемся все здесь? Да и никто нас там не ждет, их давно уже нет в живых. Ты как хочешь, а я с Люськой уйду назад

И Борис стал выбрасывать из своего рюкзака ледовые и скальные крючья, веревки, продукты, взятые для тех, в самолете.

-Идем, Люська, - Борис грубо схватил девушку за руку и потащил за собой, выкрикивая:

-Идем! Скорее идем! Я приехал сюда покорять вершину, а не кончать жизнь самоубийством в пропастях проклятого ледника!

Саша некоторое время стоял в оцепенении, а потом решительно подошел к разбросанным Борисом вещам, втиснул их в свой рюкзак и направился к снежному мосту через трещину. Проверив еще раз крепость снежной доски, Саша разбежался и с силой бросил рюкзак вперед, рюкзак перелетел через пропасть и упал на самом краю ее на той стороне. Саша оглянулся: две фигуры, большая и маленькая, стояли вдалеке и вероятно спорили. Он отошел подальше от трещины, постоял несколько мгновений, а затем стремительно побежал к снежному мосту, с силой оттолкнулся

от снежной доски, перелетел через пропасть и упал рядом со своим рюкзаком.

Отдышавшись, Саша поднялся, одел рюкзак и тяжело зашагал по леднику. Его остановил слабый крик Люси:

-Саша, подожди, я с тобой! Он обернулся и увидел маленькую девичью фигурку, стремительно бежавшую к ледниковой трещине. Саша сбросил рюкзак на снег и побежал навстречу девушке.

-Ты не бойся, Люсенька, только как можно сильнее оттолкнись от мостика, а я тебя здесь поймаю. - говорил Саша девушке, перебросившей рюкзак и нерешительно остановившейся перед трещиной.

И Люся решилась. Она отошла от трещины, разбежалась и с силой оттолкнулась от снежной доски. И в этот момент снежный пласт под ее ногами рухнул в пропасть. Слабая упругая сила все же перебросила девушку через трещину. Ей удалось схватиться руками за острые ледяные края и повиснуть над обрывом.

-Держись, Люсенька, держись, родная, - хрипел Саша, медленно подползая к девушке. Он схватил ее за воротник штормовой куртки и рывком вытянул на снег. Они долго лежали на снегу, жадно глотая разреженный воздух. Затем молча поднялись и побрели по леднику, лавируя между ледяными глыбами и трещинами.

Шли, пока не стемнело. Мороз крепчал. У высокой ледяной глыбы, защищавшей от ветра, решили коротать ночь.

А холод все усиливался.

«Главное, не заснуть, - думал Саша, - иначе не проснешься». Он окликнул девушку:

-Замерзла, Люся? Подвигайся ко мне, будем вместе греться. Девушка покорно села рядом с Сашей и прижились к нему. Тепло девичьего тела убаюкивало, и Саша почувствовал, что засыпает.

- Нет, только не спать, - громко сказал сам себе Саша, решительно поднимаясь и тормоша девушку:

-Люся, просыпайся, пойдем! Просыпайся-ка! Надо идти, иначе погибнем! И они пошли в кромешной темноте, скользя и падая, поднимались и снова шли.

Рассвет застал их на краю широкого и длинного ледяного оврага. Лед здесь был

такой крепкий, что у Саши не хватило сил забить для страховки ледовый крюк.

- Я пойду первым, а ты будешь страховать меня, - сказал Саша, передавая Люсе конец страховочной веревки. Он начал спускаться по оврагу. Для надежности страховки Люся спустилась назад, ниже перегиба склона, перекинув через него веревку. Сашу она уже не видела – заступал склон. Только медленно ползущая по снегу веревка свидетельствовала, что с ним все в порядке.

А красное солнце уже всходило над лиловыми хребтами, окрашивая нетронутые снега в золотистые и алые тона. Такую красоту Люся видела впервые. Залюбовавшись, она на мгновение отвлеклась от веревки, и вдруг с ужасом заметила, что веревка уже не ползет, а набирая скорость, мчится вверх по склону.

«Саша сорвался!» - эта мысль острой болью резанула по сердцу.

Люся с силой воткнула ледоруб в снег, перекинула через него веревку и всем своим хрупким телом навалилась сверху, не давая ледорубу выскользнуть из снега.

Веревка дернулась и остановилась, натянутая, как струна.

Судорожно хватая воздух ртом, Люся что есть силы побежала вверх вдоль веревки. Вот и перегиб склона, натянутая веревка уходила вниз по дну оврага и внезапно обрывалась на снегу. Саши нигде видно не было.

Люся легла на снег и, держась за веревку, соскользнула вниз. Конец веревки опускался с обрыва в глубокую трещину, и на нем висело безжизненное тело Саши. Глотая слезы, Люся долго поднимала Сашу из трещины, все еще не веря в его смерть.

И вот, Саша лежит на снегу недвижим, с белым, как снег, лицом.

- Саша, Сашенька, родной мой, не уходи, не оставляй меня здесь одну!

Люся, рыдая, склонилась над Сашей, осыпая его лицо поцелуями. И Саша открыл глаза. Сознание медленно возвращалось к нему.

- Ты живой! Живой! Какое счастье! - девушка плакала и смеялась, помогая Саше подняться и сесть.

- Ты не волнуйся, Люся, я посижу немного, и мы пойдем дальше. - Саша гладил девушку по голове, как ребенка. - Просто сердце вдруг придавило, вот я и упал.

- Сердце? - Люся удивленно посмотрела на Сашу. - Конечно, ты же очень устал, перегрузил свой рюкзак из-за этого ... - лицо девушки скривилось в гримасе, словно она

прикоснулась к чему-то омерзительному. - Я заберу у тебя часть груза, и не возражай.

Люся развязала свой рюкзак, вытряхнула на снег его содержимое, отобрала самые необходимые вещи, положила их обратно и заполнила рюкзак до верху «железками», взятыми из Сашиного рюкзака. Потом еще раз перебрала разбросанные на снегу вещи, нашла небольшой мешочек, развязала его.

На снег посыпались красивые камни, разной величины и окраски. Эти камни дарили Люсе ребята во время восхождения на вершину, узнав о большой любви девушки к минералам и горным породам.

Люся задумчиво перебирала камни, как бы прощаясь с ними. Затем нашла один из камней и положила его во внутренний карман куртки.

Саша узнал тот камень: два дня назад он отколол его от скальной глыбы для Люси.

- Ты сможешь идти? - спросила девушка у Саши, и получив утвердительный ответ, сказала: - Помоги мне одеть рюкзак, я его сама не подниму.

Они прошли всего метров сто, как вдруг Саша сердито воскликнул:

- Вот растяпа я! - Что случилось, Саша? - Люся остановилась и с испугом глянула на Сашу.

- Понимаешь, я забыл там возле трещины скальный молоток, а нам без него нельзя. Ты посиди, . отдохни, а я схожу за ним.

Люся не возражала. Силы ее были на исходе. Девушка села на рюкзак и уткнула лицо в колени. Если бы она смотрела на уходящего Сашу, она увидела бы много интересного: ветер раздувал полы Сашиной куртки, обнажая висящий на поясе скальный молоток. Но Люся этого не видела.

Заслышав скрип снега, девушка подняла голову:

- Нашел, Саша?

- Вот он, родимый, - Саша распахнул полы куртка, показывая висящий на поясе молоток. - Теперь можно идти дальше.

Часа через два они увидели самолет, он лежал, уткнувшись носом в снежный склон. Это сразу придало им силы, и они побежали к самолету, не разбирая дороги.

Кабина самолета была пуста, на припорошенном снегом сиденье пилота лежал клочок бумаги. «Становится невыносимо холодно, решили уходить, чтобы не

замерзнуть навеки. За перевалом есть база геологов». - прочитал шепотом Саша.

То, что их помощь не понадобилась, сразу лишило последних сил. Саша и Люся рухнули на снег у самолета и забылись в глубоком сне ...

Когда Саша очнулся, он не сразу понял, где находится. Над ним низко нависли закопченные бревна потолка, внизу за деревянным столом, освещенным керосиновой лампой, сидели четверо бородатых мужчин и тихо беседовали.

Саша понял, что лежит на верхних нарах, и попытался слезть вниз. Услышав возню наверху, из-за стола встал один из бородачей, подошел к Саше.

- Очнулся, герой? - бородач приветливо улыбался. - Ну и задали вы нам хлопот!

- Люся жива? - с тревогой в голосе тихо спросил Саша.

- Жива, жива твоя красавица! Немного подморозилась, но это ничего, до свадьбы заживет. Она там с девчатами нашими в их комнате отсыпается.

- А летчик и врач живы? - Саша со страхом ждал ответ.

- Если б не они, лежать вам сейчас там, у самолета, бездыханными ледышками. Мы их на перевале встретили едва живыми, а они чуть отошли и сразу нас за вами послали. «Ребята обязательно придут к самолету, - говорят, - они не могут не прийти». Вот мы вовремя и подоспели...

Люся и Саша вернулись в город к Володе. Вершину ребятам покорить не удалось - помешала непогода. Борис тоже вернулся с ледника целым и невредимым. И сразу же уехал к себе в Москву.

Наступил день отъезда Люси домой. Володя с друзьями провожали ее на вокзале. Не было среди них только Саши, он почему-то задерживался.

Был конец августа, и город благоухал ароматом яблок, ведь не зря он носил имя: «Яблочный». Крупные, вкусные яблоки были богатством и символом города. Поэтому и родился у горожан обычай: в конце лета дарить вместо цветов ароматные яблоки. Этот обычай строго соблюдали все провожающие. Не стали исключением Люсины друзья. Девушка просто завалила сумками с яблоками свое купе, вызывая шутливое возмущение спутников по поездке.

Время неумолимо летело вперед, до отхода поезда оставались считанные минуты, а Саша все не приходил.

- Я не знаю, что случилось, - с волнением говорил Володя.

- Саша всегда такой точный был, а сегодня... Люся с тревогой глянула на часы:

- Ну, что ж, давайте прощаться.

И когда поезд медленно сдвинулся с места, на перроне появился Саша. Он успел подбежать к вагону и протянул стоящей на подножке девушке большую тяжелую сумку:

- Это тебе, Люсенька, на память.

- Что это? Яблоки? - девушка растерянно улыбалась. Саша в ответ кивнул головой. Поезд начал набирать скорость. Люся вошла в купе, держа в руках Сашину сумку. Трое молодых мужчин, спутников по купе, встретили ее восклицанием, полным поддельного ужаса:

- Что, опять яблоки? Это ужас какой-то! Не купе, а настоящий яблочный базар! А где мы спать будем, извольте спросить?

- Ну, до сна еще далеко, мы успеем уничтожить половину моего запаса, - смеясь, произнесла Люся. - Приступайте!

- Тогда мы начнем с той сумки, что у Вас в руках. Вы позволите? - один из молодых людей галантно поклонился девушке и взял сумку.

Люся принялась укладывать на багажную полку свои вещи и не сразу услышала изумленные возгласы своих попутчиков:

- Послушай, ты будешь есть эти яблоки? - спросил один из них другого. - Нет? И мне что-то не хочется.

Дружный хохот заставил Люсю обернуться: на столике вместо яблок лежали разноцветные камни, большие и маленькие, сверкающие солнечными кристаллами и матово блестящие лунным светом. Это были ее камни, оставленные на далеком, диком леднике в самом сердце Тянь-Шаньских гор.

Люся вскрикнула, бросилась к столику, обняла руками грудь камней и зарыдала. А трое молодых людей растерянно смотрели на девушку, не понимая, почему так горько плачет над какими-то булыжниками такая красивая незнакомка.

Наплакавшись, Люся решительно пошла в купе проводника. И когда поезд, идущий в Москву, остановился на ближайшей крупной станции, из него сошел только один пассажир. Это была хрупкая, тоненькая девушка с большим рюкзаком за плечами...».

- Вот такая история... - женщина замолчала и стала ворошить в костре угасающие угли. Мы тоже молчали. Говорить не хотелось.

- Спасибо вам за чай и терпение, - женщина поднялась, собираясь уходить. - Я завтра хочу сходить на Джурасай. Пойду отдыхать.

И она легкой походкой пошла по тропинке к домикам турбазы.

А в моей голове возникли вопросы, ответ на которые в рассказе женщины я не нашел. Поэтому я поспешил за ней. Женщину я догнал у самого домика, где она остановилась на ночлег.

- Погодите, я хочу у Вас спросить: какова дальнейшая судьба героев Вашего рассказа? Женщина остановилась, затем приблизилась ко мне и внимательно посмотрела в мои глаза. Потом с грустью сказала:

- Сашу я похоронила два года назад: сердце. Оно у него было больным с рождения. Вот теперь хожу по его любимым местам.

- Так Вы – та самая Люся? - от неожиданности у меня перехватило дыхание. В ответ женщина достала из внутреннего кармана штормовки небольшой камень и молча протянула его мне:

- Это камень с той вершины.

В свете электрических фонарей камень на моей ладони переливался всеми цветами радуги.

- Ой, красота какая! - с восхищением воскликнул я.

- Вы похвалили мою вещь. Теперь по обычаям горцев я должна подарить Вам камень. Но это подарок Саши, и я никогда не расстанусь с ним. Поэтому я подарю Вам другой камень, если Вы не против.

Женщина вошла в домик и вынесла мне камень, по форме напоминающий неприступную гору.

- Это тоже осколок той самой вершины. Пусть он будет напоминать Вам о нашей встрече.

- А что с вершиной? Удалось, в конце концов, взойти на нее? - спросил я, пряча подарок в карман.

- Нет, она так и осталась непокоренной. - Женщина грустно улыбнулась. - Но у Володи подрастает сын - внук Сергея Васильева. Быть может, ему удастся это сделать.

ВЫСОКИЙ ПЕРЕВАЛ

/рассказ /

С художником Юрасовым я познакомился в долине реки Аксаут на Кавказе. Недалеко от входа в Восточно-Каракайский «котел» стояла его одинокая палатка, а хозяин ее неподалеку заканчивал работу над очередным этюдом.

Я давно знаю и люблю картины Юрасова. Этот немолодой уже человек исходил весь Кавказ, воплощая свою любовь к горам в живописные полотна.

По горным маршрутам Юрасов всегда ходит в одиночку, воспевая почти нетронутые уголки горной природы. Поэтому он очень обрадовался встрече со мной. Мы договорились на следующий день вместе проникнуть в котловину Восточно-Каракайского «котла», где четыре диких ледника сползают к центру со склонов кольцевого хребта.

Вечером, когда мы сидели у костра, появились соседи: четверо молодых парней и одна девушка шумной ватагой спустились с перевала и расположили свою палатку недалеко от нашей. Костер они разжигать не стали, и к нашему не подошли, а сразу залезли в палатку и затихли.

Мы еще посидели немного у костра и собрались уже идти спать, как вдруг в палатке соседей началась какая-то возня, и девичий голос тихо воскликнул:

- «Мальчики, вы что? Перестаньте, прошу вас! Мы же друзья!». Возня на какое-то время прекратилась. И вдруг девушка вскрикнула, и ее жалобный голос поднял нас на ноги:

- «Руки. Убери руки, слышишь?» ... Ну, пожалуйста, уберите руки!».

- По-моему, самое время вмешаться, - Юрасов решительно направился к палатке соседей. Но вдруг раздался треск разрываемой материи, и из палатки выкатилась девушка. Она быстро подхватила с земли и побежала к нашему костру.

- «Дура! Палатку порвала! Вот...»- и отборная брань понеслась вслед девушке. Не в силах стоять, девушка опустилась на камни у нашего затухающего костра, из глаз ее тихо лились слезы. На легкой кофточке были оторваны все пуговицы. Тело девушки дрожало от холода и всего пережитого.

- Ну, вот что: идите к нам в палатку, там два спальных мешка, выбирайте любой и

отдыхайте, - сказал Юрасов, тронув девушку за плечо.

- И вы тоже! - девушка вскочила и устремила на Юрасова гневный взгляд, полный ненависти и презрения. - Как Вам не стыдно! За кого Вы меня принимаете?

- Мы принимаем Вас за человека, неудачно выбравшего себе попутчиков и волею судьбы оставшегося без крыши над головой - спокойно сказал Юрасов. - И поэтому предлагаем Вам эту самую крышу, или хотя бы вот это, - Юрасов снял с себя теплую куртку и бережно накинул на плечи девушки, а я поставил рядом с ее босыми ногами свои спортивные тапочки.

Глаза девушки потеплели:

- Простите меня, и спасибо вам. Только я хочу побыть здесь одна. Юрасов молча кивнул головой, подбросил в костер большую охапку сухих веток.

- Дров здесь хватит до самого утра. Ну, а если замерзнете, или в случае чего, приходите к нам, в палатке места всем хватит. - сказал Юрасов, и мы пошли в свой брезентовый дом. А девушка осталась сидеть у ярко пылающего огня.

Мы долго молча лежали в палатке, наблюдая через не закрытый вход, как танцуют языки пламени нашего костра.

- Да, нет больше благородных рыцарей на нашей земле, - нарушил тишину старый художник. И снова надолго замолчал.

Не спалось... Юрасов приподнялся на локте:

- Вы тоже не спите? Да, разве заснешь после такого... И вдруг Юрасов спросил:

- А Вы были на Высоком перевале? Он здесь недалеко, в верховьях Аксаута.

- К сожалению, на перевал я не поднимался, но знаком с ним по одноименной Вашей картине.

- Вы видели мою картину «Высокий перевал»? - голос старого художника задрожал от волнения. - И каково Ваше впечатление?

- Подлинник я не видел. Ко мне попала только репродукция, да еще и с типографским дефектом: в центре картины был содран верхний слой, и образовалось цветное пятно, мешающее восприятию пейзажа.

- Это не дефект, это главная деталь картины, - перебил меня Юрасов, - И в ней весь ее смысл.

- Простите, - смутился я, - репродукция была в «Каталоге картин» Вашей

выставки, размеры небольшие, трудно рассматривать. Но мне тогда показалось, что пятно по форме напоминает человека.

- Вы правы, - радостно воскликнул Юрасов, - это человек, милый мой человечек, с которым связаны у меня лучшие мгновения жизни...

Старый художник снова замолчал. Я понял, что он поднимает из глубин памяти давние события, и приготовился слушать... Вскоре Юрасов начал рассказывать:

«...В тот день я рисовал этюды вблизи Высокого перевала. Местность там дикая, погода хорошей бывает очень редко. Настоящий гнилой угол Кавказа. Но этот перевал привлек меня своей неповторимой, суровой красотой.

Я поставил палатку на границе леса, а сам направился к Высокому перевалу. Но рисовать сразу не стал: над перевалом было синее, безоблачное небо, яркие лучи солнца придавали ему какой-то праздничный вид, что было совсем не типично для этой местности.

Только после полудня погода испортилась: над перевалом поползли тяжелые свинцовые тучи, сильные порывы ветра гнали через седловину облака пыли. Я развернул этюдник и начал рисовать. А погода все ухудшалась. Пошел дождь. Я собрался уходить вниз, но, глянув на перевал, остановился, пораженный увиденным: по склону к седловине перевала медленно двигалось какое-то пестрое пятно. Среди мрачных, лилово-черных и серых тонов оно было чуждым и казалось совершенно неправдоподобным.

Я посмотрел в бинокль и не поверил своим глазам: наперекор дуящему ветру к седловине медленно продвигалась хрупкая девушка в легком пестром сарафанчике и босоножках на ногах.

- «Сумасшедшая, куда ты идешь!» - в сердцах воскликнул я, - «Сейчас там будет такое, что превратит тебя в маленькую сосульку!». Девушка, конечно, не слышала меня и продолжала упорно двигаться к седловине перевала. Порывы ветра то и дело сбивали ее с ног, но девушка поднималась и снова и снова карабкалась наверх.

Я сбросил с плеча этюдник и стремительно побежал к перевалу, проклиная всех отдыхающих, которые лезут в горы, совершенно не зная особенностей их природы.

Густые тучи внезапно опустились на седловину Высокого перевала, и в этом сером «молоке» я с трудом разыскал девушку. Она сидела, прислонившись к мокрой скале, закрыв глаза.

-Поднимайтесь и бегом вниз, а то окоченеете здесь! - воскликнул я, тормоша девушку. Она открыла глаза и слабо улыбнулась, попыталась подняться, но сил для этого у нее уже не было. Я поднял ее, поставил на ноги и, схватив за руку, потащил за собой.

Мы едва успели пройти крутой участок спуска, как страшный ливень обрушился на перевал. Косые струи дождя хлынули на нас. Оглушительный удар грома расколол небо. Девушка жадно ловила воздух маленьким ртом. Я чувствовал, что она поспевает за мной из последних сил. Тогда я подхватил ее на руки и, задыхаясь, побежал вниз по склону к скале, у которой стояла моя палатка.

А дождь неистовал. Сильные порывы ветра швыряли в лицо пригоршни ледяной крупы. Вся одежда обледенела и превратилась в негнувшийся металлический панцирь.

Вот и палатка. Я втолкнул девушку вовнутрь, а сам стал укреплять растяжки палатки, которую обезумевший ветер хотел сорвать и унести вниз.

Когда я влез в палатку, девушка сидела у входа на корточках, натянув на колени мокрый подол короткого сарафанчика. Этот сарафан и легкая кофточка промокли до нитки и обледенели, облепляя фигуру девушки, из-за чего она казалась выточенной из камня. Побелевшее лицо и мертвенно-бледные, почти серые, губы усиливали сходство с мраморным изваянием. Девушка обняла руками колени, пытаясь унять дрожь тела, но это ей не удавалось.

Я тоже промок, казалось, до самых костей. От нашей одежды на полу палатки образовалась большая лужа, а по внутренним стенам струями стекала вода. Единственной сухой вещью у меня оставался спальный мешок, который лежал у задней стенки палатки.

Я сбросил у входа обледеневшую куртку, еле стянул задубевшие ботинки и развернул спальный мешок.

-Ну, вот что, - сказал я девушке, - снимайте всю мокрую одежду и залазьте в спальный мешок, а то простудитесь.

Девушка испуганно посмотрела на меня и отрицательно замотала головой. Она подвинулась еще ближе к выходу и негнуцимися, окоченевшими пальчиками стала застегивать расстегнутую верхнюю пуговицу кофточки.

- Не хотите? Как хотите, - сказал я и, сняв одежду, забрался в сухой и теплый спальный мешок, повернулся спиной к девушке.

В палатке установилась тишина. Только ветер за брезентовыми стенами все свирепствовал, да ледяная крупа барабанила по крыше.

Я лежал и злился на непогоду, на эту сумасбродную девчонку, из-за которой вот так промок и зверски замерз, на ее упрямое нежелание согреться, на все на свете. И вдруг я услышал сдавленное рыдание. Я высунулся из мешка: девушка сидела на мокром полу палатки, уткнувшись лицом в подол сарафанчика. Смерзшиеся сосульками пряди ее длинных волос разметались по худеньким плечикам. А плечики эти вздрагивали, и сосульки как-то нехорошо позванивали. Мне стадо ужасно стыдно, я вылез из спального мешка, натянул скованную холодом одежду и подвинулся к девушке.

- Я уже согрелся, теперь Ваша очередь. Полезайте в мешок. Только снимите все мокрое, а то не согреетесь. Я отвернусь, и даю Вам честное мужское слово, что я Вас не обижу.

Я поменялся с девушкой местами и повернулся лицом ко входу в палатку. В нашем промокшем доме стоял полумрак. За моей спиной, судя по шороху, раздевалась девушка. И вдруг до меня донеслось ее тихое всхлипывание.

- Что там у Вас? - участливо спросил я.

- Ни-и-как не могу... сарафан...

- Сейчас попробую Вам помочь, - я в полумраке нащупал девичьи плечи. Задубевший сарафан долго не поддавался. Я чувствовал, как девушка дрожала всем телом, слышал беспокойное ее дыхание и взволнованный стук сердца. Наконец она забралась в спальный мешок, я надел ей на голову капюшон и затянул молнию.

- Теперь будет тепло. И постарайтесь уснуть, это Вам больше всего сейчас нужно.

- А как же Вы? - виноватым голосом спросила девушка. - Я к таким ночевкам уже привыкший, - сказал я, садясь у входа.

- А Вы ложитесь рядом со мной, - тихо проговорила девушка, - Вам будет теплее, да и здесь не так мокро.

- Ну, если Вы не против, то я воспользуюсь Вашим предложением, - я лег рядом со спальным мешком.

Впервые в жизни я был так близко от девичьего тела. Я лежал не

шелохнувшись, боясь неосторожным движением, даже мыслью испугать, обидеть девушку. И она лежала, затаившись, как мышка. И стук ее сердца заглушал шум падающей с неба воды.

Наконец девушка успокоилась, дыхание ее стало ровным. Она спала. А я лежал с открытыми глазами и думал: «Что заставило это хрупкое создание идти через труднейший в этом районе Высокий перевал? Нет, это не сумасбродство и не детская наивность. Здесь что-то совсем иное, наверное, очень важное для нее».

В конце концов, сон сморил и меня, и я забылся на какое-то время, согретый теплом, идущим от спящей девушки.

Разбудили меня солнечные лучи, проникшие в палатку и наполнившие ее живительным теплом. Я повернулся в сторону незнакомки. Молния на спальном мешке слегка разошлась, и полураскрытый спальник обнажал неодетую фигуру девушки. Я смотрел на доверчиво-беззащитную, спящую незнакомую мне девушку, и огромный прилив нежности заполнял мое сердце. И тут я сообразил, что мой взгляд может разбудить ее, даже напугать, и убить доверие ко мне. Поэтому я поспешил выскользнуть из палатки, взяв всю мокрую одежду.

От вчерашней непогоды не осталось и следа. На ярко-синем небосводе ослепительно пылало солнце. А гребень Высокого перевала прямо-таки купался в солнечном свете.

Я разжег «костер до неба», натянул между соснами альпинистскую веревку, повесил на нее промокшую одежду и принялся готовить завтрак.

- Эй! - услышал я возглас незнакомки, - Эй!

Девушка, зашнуровав почти полностью вход в палатку, высунула из нее лицо с перепуганными глазами.

- Эй! А где мой сарафан? - Сушится на солнышке, как и все остальное, - я махнул рукой в сторону веревки с развешанными на ней вещами.

- Что же мне делать? - жалобным голосом пропищала девушка. - Мне же идти надо поскорее, иначе я не успею.

- А вот сейчас позавтракаем, Ваша одежда высохнет, и пойдете. - Я стал снимать котелок с огня.

- Нет. Вы подайте мне все мои вещи, пусть даже мокрые, мне сейчас выходить

надо, пока солнце стоит над перевалом.

-Перевалом? - я чуть не выронил котелок - Вы собираетесь снова на Высокий перевал?

-Мне очень нужно сегодня к вечеру быть по ту сторону перевала. От этого зависит вся моя дальнейшая жизнь. - голос девушки задрожал.

- В мокрой одежде нельзя идти наверх. Еще час, и Ваша одежда будет сухой. Мы пока позавтракаем, а потом я провожу вас за перевал, - я глянул на висящие вещи девушки. - Только такая экипировка совсем не годится для высоты более трех тысяч метров над уровнем моря.

И вот мы вдвоем медленно поднимаемся по едва различимой тропинке к гребню Высокого перевала. Возле скалы, где я вчера нашел девушку, мы обнаружили ее сумочку, и это незнакомку очень обрадовало. В моей штормовой куртке и брюках, в кедах сорок четвертого размера моя спутница выглядела маленьким смешным медвежонком. Она упорно вышагивала вслед за мной, тяжело дыша и выбиваясь из сил. А впереди, на спуске, нас ждал разорванный лед круто падающего ледника. Там придется идти в связке, а по всему было видно, что моя незнакомка никогда до этого не была в горах. Что же заставило ее выбрать такой сложный маршрут? Девушка все время молчала, а я не решался задать ей этот вопрос.

Только к вечеру, когда солнце уже окрасило облака и снежные вершины в розовые цвета, мы спустились в зону леса и сели на поваленное дерево отдохнуть.

- Куда дальше прикажите путь держать? - спросил я «медвежонка», подавая ей бутерброд и кружку горячего чая из термоса.

- В этом лесу где-то есть база геологов, мне очень нужно сегодня быть там, - девушка с мольбой смотрела на меня.

- До нее еще километров десять идти по лесу, - я знал, где находится геологическая база: несколько деревянных домиков на поляне среди могучих елей и пихт, - мы будем там глубокой ночью, если не заплутаем в темноте...

Я оказался прав: было два часа ночи, когда мы увидели дальние огни геологической базы.

- Вот мы и у цели, - я остановился, поджидая отставшую спутницу. Она подошла ко мне и села прямо на землю, прислонясь к стволу пихты и устремив взгляд в небо. А на

небе сияла огромная луна, заливая призрачным светом таинственный лес. Она отражалась в глазах девушки, но они почему-то были печальными.

-Дальше Вы пойдете один, - нарушила долгое молчание незнакомка. - Разыщите там геолога Бориса и скажите ему, что его здесь ждут. – и, предвидя мой вопрос, она продолжила, - Борис - это мой жених. У него вчера был день рождения. Я так хотела сделать ему сюрприз своим приездом, но не получилось...

«Так вот в чем загадка!» - подумал я, а вслух сказал:

-Все равно он будет счастлив видеть Вас. Только почему он не встретил Вас на автостанции? Ведь Вы могли погибнуть, идя в одиночку через Высокий перевал. А другого пути к ним нет.

-Борис ничего не знает о моем приезде, я ведь хотела, чтобы это было сюрпризом для него. К тому же мы не переписываемся уже несколько месяцев. Почта, наверное, не добирается в эту глухомань, - тихо прошептала моя спутница.

-Тогда пойдете быстрее. Еще минут сорок ходьбы, и Вы будете в тепле и уюте, а главное, встретитесь с любимым человеком, - сказал я, решительно поднимаясь.

-Нет, Вы пойдете туда один, а я подожду вас с Борисом здесь, - устало произнесла девушка.

- А как мне сказать Боре, кто его ждет? Ведь мы с Вами до сих пор не познакомились, хотя общаемся уже больше суток, - я с нетерпением ждал ответ.

- А Вы отдайте ему вот это, и он сразу все поймет, - девушка достала что-то из своей сумочки и вложила мне в руку. При свете луны я увидел в руке резиновую игрушку – маленького олененка.

И я отправился к светящимся огням базы геологов, а моя спутница осталась одна в темном, глухом лесу.

Уже подходя к деревянным домикам, я понял, что у геологов праздник в самом разгаре: все комнаты были залиты ярким светом множества керосиновых ламп, а через открытые окна слышалась громкая, веселая музыка и мужской разговор на повышенных тонах. Я толкнул дверь и очутился в ярко освещенной комнате. Все пространство ее было занято несколькими составленными столами, за которыми сидело много бородатых мужчин. В центре, рядом с единственной в этой компании женщиной, сидел широкоплечий молодой мужчина, а возле них стоял со стаканом в руке, судя по манере держаться, начальник геологической базы.

- Э, кацо, заходи, дорогой, почетным гостем будешь! - сидевший у двери бородач поднялся навстречу. Меня усадили за стол, налили в стакан вино. И тогда начальник базы произнес тост:

Друзья, мы уже пили за нашего лучшего специалиста по мезозойским отложениям, за нашего Бориса, за его славное тридцатилетие. Так давайте поздравим Борю с его вторым сегодняшним праздником: наш Борис наконец-то женится на несравненной Ольге Сергеевне.

Что тут началось! Все повскакивали с мест и ринулись к центру стола с криками «Горько!», я начал обнимать и поздравлять широкоплечего мужчину и сидящую рядом с ним женщину. Пользуясь суматохой, я незаметно вышел из комнаты и бегом углубился в лес. Я задыхался от негодования: «Как он посмел, этот самодовольный Борис, променять очень любящую его девушку, преданную ему и способную на самопожертвование во имя своей любви, на какую-то засидевшуюся в девках геологиню?» Я искал хоть какое-нибудь оправдание поступка Бориса и не находил.

Опомнился я уже недалеко от того места, где оставил мою шутницу, и остановился. «Как я скажу моей незнакомке всю правду о Борисе?» - мысли роем диких ос жалили в самое сердце. - «Нет, говорить ей правду нельзя, это просто убьет ее».

Девушка встретила меня вопрошающим взглядом.

- Бориса я на базе не застал. Несколько дней назад его послали в дальний маршрут, - солгал я. Хорошо, что было темно, и девушка не видела моего лица. Говорить неправду я не умел.

- Собирайтесь, пойдём на базу. Там Вы подождете, пока Борис вернется, - я говорил это и с ужасом думал: «А что будет, если она согласится?».

- Идемте лучше домой - девушка решительно поднялась и взяла меня за руку, - Вы не сильно устали? Я Вас совсем замучила.

Мы молча шли через лес до рассвета. Потом долго ждали у ледника, пока рассеется густой утренний туман над перевалом. С трудом преодолели дикий ледник и крутой подъем на Высокий перевал. И, вконец уставшие, спустились к моей палатке. Девушка не стала ждать, пока я приготовлю завтрак.

- Давайте прощаться, - она взяла меня за обе руки, и ее голубые глаза смотрели мне прямо в душу. - Я доставила Вам столько хлопот. Вы уж не сердитесь на меня. Спасибо

Вам за все. Прощайте!

-Погодите! - крикнул я вслед уходящей девушке, - Ведь мы с Вами так и не познакомились. Я не знаю даже Вашего имени.

-А зачем? - девушка остановилась и внимательно посмотрела на меня. - Так даже лучше: Вы будете вспоминать меня, как нечто загадочное и таинственное. А в моей памяти Вы будете моим безымянным ангелом-хранителем. Так что не будем знакомиться.

И девушка снова торопливо пошла по тропинке вниз.

-Погодите! - снова воскликнул я. - Вы забыли у меня вашего олененка. Я догнал незнакомку и протянул ей резиновую игрушку.

-Возьмите себе на память, - сказала девушка, отводя мою руку с олененком, - Когда-то он был очень дорог мне, и я бы с ним ни за что не рассталась. А теперь он мне не нужен. Он будет напоминать мне... - Девушка запнулась и отвернулась. - Прощайте! И не нужно меня больше останавливать. Так будет лучше для Вас. И для меня тоже.

И она быстро, почти бегом, стала спускаться по тропинке, и вдруг остановилась, повернулась ко мне и сказала:

-А Вы не умеете врать. Научитесь этому, иногда очень может пригодиться.

Девушка ушла, и на душе у меня стало пусто и тоскливо. Все валилось из рук. Сам не свой, я бесцельно бродил вокруг палатки, перебирая в памяти события прошедших двух дней.

И вдруг мне захотелось ее рисовать. Как одержимый, я делал один набросок за другим, восстанавливая в памяти ее глаза, губы, ее тоненькую фигуру, ее грустную улыбку. А потом я разложил портреты незнакомки на земле и долго стоял, глядя на них.

-Нет, хватит, так нельзя, - сказал я сам себе, пряча портреты девушки в этюдник. – Девушки приходят и уходят, а великое искусство живописи остается навечно. Надо работать, работать, работать!

Я взял этюдник и пошел к Высокому перевалу. Но работа не ладилась. На большом этюде - прообразе будущей картины - было все то же, что и на Высоком перевале: над мрачными зубчатыми вершинами ползли тяжелые свинцовые тучи, сильные порывы ветра гнали через седловину серую пыль. Зловещий свет пробившегося через

«окно» в тучах солнечного луча придавал пейзажу какой-то неземной, фантастический облик. Но все равно чего-то во всем этом на картине не хватало. Я долго не мог догадаться: чего? И вдруг меня осенило. Окуная кисть в радостные краски, я изобразил то, что поразило меня здесь два дня назад: согнувшись под порывами ветра, к седловине Высокого перевала по крутому гребню двигалась маленькая девичья фигурка. Яркой, пестрой бабочкой среди мрачных тонов окружающего мира трепетал ее сарафанчик, как символ победы любви и добра над темными и злыми силами.

И сразу все стало на место. Разрозненные детали сурового горного пейзажа и хрупкая, нежная фигура девушки слились в единое целое. Я торжествовал победу: картина мне удалась.

А потом состоялась моя персональная выставка в областном художественном музее. Среди выставленных полотен была и картина «Высокий перевал». И еще портрет моей незнакомки, который я назвал: «Портрет незнакомой любимой девушки». Эта картина всем очень понравилась, только поругивали меня за название, говорили: «Если девушка любимая, то как она может быть незнакомой? А если она незнакомая, то как она может быть любимой?» Вот чудачки!

А картина «Высокий перевал» вызвала большие споры в среде художников и искусствоведов, и все из-за пестрого сарафанчика моей незнакомки.

Многие считали, что это надуманная деталь, совершенно лишняя на фоне реального мира, изображенного на полотне, обвиняли меня даже в символизме и декадентстве, говорили, что такого быть не может, когда я рассказывал о девушке, что все это я придумал сам.

Наконец страсти улеглись. Меня приняли в Союз художников, и по этому поводу был банкет в ресторане. И вдруг в разгар праздника подходит ко мне официант и говорит:

- Извините, но вас очень ждут в вестибюле.

Я спустился вниз и увидел ее - любимую мою незнакомку.

- Это Вы? Это Вы? - от волнения сумел только вымолвить я и нерешительно шагнул навстречу девушке.

Она прижалась ко мне, спрятала лицо в полах моего пиджака, плача и радостно смеясь одновременно.

- Но как же Вы нашли меня? - прошептал я, все еще не веря в нашу встречу.

- А я была на выставке Ваших картин, - в глазах девушки зажглись озорные огоньки. – На картине «Высокий перевал» я узнала свой пестрый сарафанчик и догадалась, что автор картины – это Вы. А потом я увидела свой портрет, прочитала название, поняла, что это Ваше признание в любви. И мне больше не захотелось оставаться незнакомой любимой Вашей девушкой...».

Юрасов замолчал, переживая снова давние события.

- А что было дальше? – боясь услышать не то, спросил я.

- Дальше? - лицо Юрасова озарила счастливая улыбка, - Недавно нашему сыну присвоили звание мастера спорта по альпинизму... Юрасов снова погрузился в раздумья. А я лежал и смотрел в полураскрытую дверь палатки. За дверью уже начинался рассвет. У потухшего костра, кутаясь в куртку Юрасова, не спала тоненькая девушка. А ее попутчики спокойно храпели в соседней палатке.

ЛАВИНА

/рассказ/

Вернувшись из очередной экспедиции с ледников Памира, Алексей Белов обнаружил в почтовом ящике два письма. Глянув на обратный адрес, он быстро вошел в квартиру и, не раздеваясь, вскрыл оба конверта.

В первом письме было приглашение на свадьбу: «Дорогой дядя Алеша, приглашаем Вас на торжественное бракосочетание ...» - письмо пролежало в почтовом ящике долгих четыре месяца, свадьба состоялась без его, Белова, участия.

«Вот ты и выросла, мой Солнечный Зайчик, Зоюшка» - подумал Алексей и посмотрел на портрет, висящий на стене: маленькая девчушка со смуглым личиком и пышной копной кудрявых темных волос радостно смотрела на мир угольками своих больших глаз, даря ему очаровательную улыбку.

Белов заглянул во второй конверт: там лежала только одна фотография. В

красивом свадебном наряде невеста выглядела кинозвездой из индийских фильмов. Смуглый цвет лица, огромные черные очи и густые темные волосы усиливали это сходство.

«Боже мой, как ты похожа сейчас на свою маму в те годы!» - в мыслях отметил Алексей, не отрывая восхищенного взгляда от фотоснимка. - Ты могла бы быть моей дочерью, если бы не проклятая лавина...

Белов глянул на обратную сторону фотографии. На обороте, красивым художественным почерком, было написано: «Дорогому дяде Алеше на добрую память от Зайки и Миши».

«Зайка, Зоя, Зоюшка» - Когда они с Галкой вдвоем мечтали о дочери, выбирая ей имя, Алексей настаивал на имени «Зоя». Ведь слово «Зоя» в переводе с латыни означает «жизнь». К тому же в повседневной работе геологов это слово встречается очень часто: «палеозой», «мезозой», «кайнозой»... А Белов был геологом не только по профессии, но и по призванию.

Алексей бережно вложил фотографию обратно в конверт, открыл ящик письменного стола, достал небольшую деревянную шкатулку. В ней лежало еще одно письмо, а в нем фотография маленькой девчушки, чей большой портрет, увеличенный с этого снимка, висел у него на стене.

Белов пробежал глазами маленькую записку, вложенную в конверт вместе с фотографией девчушки. В ней до боли знакомым Галкиным почерком было написано: «Можешь поздравить меня, Алеша, у меня родилась дочь, мы с Евгением очень счастливы. - Я назвала ее Зоей, как ты хотел».

Алексей отложил записку, взял в руки фотографию маленькой Зои, перечитал надпись на обороте: «В жизни всякое может случиться. Если когда-нибудь ты усомнишься в красоте жизни, посмотри на этот снимок, и ты убедишься, что жизнь прекрасна и удивительна несмотря ни на что».

«Как ты права, милый мой Галчонок, - думал Белов, глядя на снимок маленькой Зойки - Сколько раз уже эта фотография возвращала ему веру в красоту жизни, помогая побеждать в борьбе с недугами, одиночеством, всякими бедами и неудачами.

Галка, Галка... Наверное, он продолжал любить ее и сейчас, хотя прошло

больше двадцати лет, как они расстались...».

... С Галкой он познакомился в поезде, который вез его на Тянь-Шань к месту работы в геологической партии после окончания университета. Галина получила назначение в тот же киргизский город, что и Алексей, после окончания мединститута. Долгий путь быстро сдружил их, и у них яркой звездой вдруг вспыхнула взаимная любовь. Поэтому, приехав на место назначения, они сначала отправились во Дворец бракосочетания, а потом в свои Управления получать работу и жилье.

Через месяц они поженились. Начальник геологической базы предоставил им комнату в общежитии, и они зажили счастливо, познавая и любя друг друга.

Алексей с головой окунулся в любимую работу, и Галина вскоре привыкла к его ненормальному рабочему дню и многомесячным разлукам во время его экспедиций. Да и ее работа в местной больнице забирала много времени, не давая ей скучать в одиночестве. И никто из них не думал, что скоро их ожидают серьезные испытания. Поисковый отряд Алексея пополнился новыми работниками: после института и геологоразведочного техникума по назначению к ним прибыли геофизик Федор и коллектор Антонина.

Федор был молодым человеком с ленцой, работу свою не любил, все дела выполнял неохотно, но был о себе высокого мнения и на всех смотрел свысока. В отличие от Федора, Тоня обладала большими профессиональными знаниями, работа была смыслом ее жизни, источником огромной радости и вдохновения. В техникум она пришла из детского дома, и детдомовское воспитание отложило отпечаток на ее характер. Недополучив в детстве полного объема нежности и родительской любви, тихая, скромная, чрезвычайно застенчивая девушка жила в ожидании прихода большого человеческого чувства.

И оно пришло к ней внезапно, ворвавшись в ее жизнь, подобно урагану. Тоня страстно влюбилась в своего начальника без всякой надежды на взаимность.

Алексей этого не заметил. Как большинство мужчин, он не обращал никакого внимания на худенькую девушку, не блещущую красотой с обыкновенным лицом и фигурой. Работа занимала все его время, да к тому же, кроме любимого Галчонка, другие женщины его не интересовали.

В тот злополучный день Белов, взяв с собой Тоню, Федора и еще трех рабочих, отправился на гребень хребта, где в некоторых местах были не покрытые льдом небольшие участки коренных горных пород. Внизу коренные породы были спрятаны под мощным слоем льда и нетающего снега. А эти породы так нужны для анализа на присутствие в здешних местах редкого металла.

Оставшиеся в лагере геологи активно включились в работу по организации торжественного ужина по случаю Дня рождения коллектора Тони, которой сегодня исполнялось восемнадцать лет...

Они уже поднялись под самый гребень хребта. Белов, Тоня и Федор шли в первой связке. За ними поднималась вторая связка из трех рабочих.

Мощный пласт надувного снега нависал над склоном справа от них. Он мог сорваться в любую минуту, и они шли, затаив дыхание, боясь, что гулкий стук их сердец может сорвать лавину.

Первым на гребень вышел Федор. Панорама гор, открывшаяся перед ним, была такой потрясающей, что он не удержался и во всю мощь своих легких заорал: «Ого-го-го», возвещая о своей победе. И в то же мгновение его крик потонул в звуке, похожем на выстрел артиллерийской пушки.

-Лавина! - закричал Алексей, всаживая древко ледоруба в рыхлый снег и перекидывая через него веревку. - Федя! За склон! Держи!

А Федор оцепенел и с ужасом смотрел, как от гребня отрывается тысячетонная масса снега и медленно устремляется вниз, на его товарищей.

Но через секунду он, отстегнув страховочную веревку, идущую от него к Тоне, огромными прыжками бросился вниз по противоположному склону хребта.

Центр лавины со скоростью курьерского поезда несся прямо на девушку. Страховочный «треугольник» теперь отсутствовал. Только один рычаг веревки Белова противостоял сейчас дикой силе лавины, удерживая Тоню.

Алеша всем телом навалился на ледоруб, пытаясь заклинить его в толще снега. Но страшная сила оторвала его от земли вместе с ледорубом, подбросила вверх, закружила в снежном вихре и понесла вниз вслед за девушкой к обрыву скал. Что-то сильно ударило его по голове, и он потерял сознание...

... Очнулся Алексей в больничной палате, и первое, что он увидел, были

переполненные болью и надеждой, заплаканные глаза его Галчонка.

-Что с Тоней? - едва слышно спросил он, не в состоянии говорить. Какая-то страшная сила сдавила легкие, затрудняя дыхание.

Галя опустила глаза, проглотила тяжелый комок в горле и, отвернувшись, тихо сказала:

-Тони больше нет. Тебя откопали твои рабочие, которых лавина зацепила только краем. Они успели заметить, где снежный обвал похоронил тебя.

-Федора судили? - Белов вспомнил все до мельчайших подробностей

-Если бы! Следователь сказал, что нет такой статьи закона, по которому можно судить Федора за его поступок. - Галина вздохнула. - А теперь ты помолчи Тебе вредно много разговаривать.

На следующий день Алешу посетили друзья по отряду, те самые рабочие, что откопали Белова из-под лавинного снега.

-Ну и здоровый ты мужик, Леха! - воскликнул вместо приветствия один из них, - мы тебя четыре часа откапывали, гору снега откинули, а ты - живой, дышишь! Так что кончай придуриваться, пошли работать!

-Я бы с удовольствием, - улыбнулся Алексей - но доктор Евгений Васильевич не отпускает, говорит, что полежать еще надо. Спасибо вам, ребята, я обязан вам своим спасением, своей жизнью.

«Не по адресу твоя благодарность, - раздумывая, сказал пожилой рабочий. Жизнь тебе спасла Антонина. Мы и место, где ты под снегом лежишь, обнаружили по концу страховочной веревки, что от нее к тебе шла. Ее воздушной волной на поверхность снега выбросило, вот и стала она маяком. Думали, что порвала ее дикая сила, а нет: на конце петелька целой оказалась, та, которую в карабин засовывают. А второй конец этой веревки в твоём карабине закреплен был. Отстегнула веревку Тоня, когда поняла, что тебя в пропасть за собой тащит. Успела. Потому ты не улетел с обрыва вслед за девчонкой, живым остался. Так что благодарить тебе Антонину надо. Только твоя благодарность ей уже ни к чему.

Услышанное сильно потрясло Алексея. Дикая боль пронзила сердце, ударила в голову. Он задохнулся и потерял сознание, отключившись снова на долгих двенадцать дней. И все это время рядом с ним находилась Галя, и подолгу дежурил врач Евгений

Васильевич. А Белов метался в горячем бреду, все звал Тоню, плакал и просил смерти.

Но жизнь брала свое. Алексею полегчало, боль стала затухать. Только лежал он, безучастный ко всему, и даже присутствие Галины его не радовало.

В один из дней проведать своего начальника пришли женщины поискового отряда. Принесли цветы с горных лугов, домашние пирожки с капустой, которые обожал Алексей, спели для него несколько любимых песен.

Белов оживился, в глазах его зажглись прежние огоньки. Он долго расспрашивал о делах в отряде, и вдруг завел разговор о Тоне.

- Никак не пойму, зачем она это сделала? - с грустью вымолвил Алексей. - Теперь всю оставшуюся жизнь меня будет мучить вина, что я живу, а она умерла.

- Твоей вины здесь нет, - тихо сказала самая старшая из женщин, повариха Маша. - Не хотела я тебе говорить, но теперь вижу, что надо. Мы тут разобрали Тонины вещи, и каждый взял что-то себе на память. Так положено. Мы и для тебя кое-что приберегли. Вот книга ее любимая. Какой-то Антон Экзюпери, я о таком и не слыхивала. Сказка про маленького принца. Видно, девочка наша так и не успела распрощаться с детством.

И Маша вручила Алексею небольшую книгу. А потом, колеблясь, вдруг добавила: - Вот тут еще тетради ее с записями. Что-то вроде дневника. Ты извини нас, прочитали мы эти тетради. И ты прочитай. Тогда найдешь ответ на все.

Белов бережно взял из рук женщины четыре общих тетради и положил на кровать рядом с собой. Женщины заторопились уходить, а он погрузился в чтение.

Сначала взял в руки маленькую книгу. «Антуан-де-Сент Экзюпери» - вслух прочитал Алексей. - О таком писателе я тоже еще не слышал. Судя по имени, он француз. А вот и фотоснимок его. Ого! Так он еще и летчик! А написал сказку: «Маленький Принц». Посмотрим, о чем там написано. - Белов наугад открыл страницу. Ряд строчек на ней были подчеркнуты красным карандашом. На других страницах тоже были выделены строки.

Алексей прочитал первую из подчеркнутых: «Помни, ты всегда в ответе за тех, кого приручил». - Вот здорово сказано! Ну-ка еще.

В следующей подчеркнутой строчке он нашел слова, которые потрясли его до

глубины души: «Главное глазами не увидишь. Зорко только сердце».

Алексей лихорадочно читал одну за другой подчеркнутые строчки, все больше понимая, что книга «Маленький Принц» - это завещание всем людям Земли одного из самых лучших ее сынов - французского летчика Антуана-де-Сент Экзюпери. И с каждой подчеркнутой строчкой он все больше проникал в душевный мир Тони, с болью осознавая, какого замечательного человека они потеряли.

Затем он открыл первую Тонину тетрадь. Прочитав полстраницы, Алексей внезапно побледнел, выронил тетрадку из рук.

- Тебе что, снова плохо? - с тревогой поднялась к нему Галина, сидящая рядом с его кроватью.

- Голова что-то закружилась, - сказал Алексей и закрыл глаза. - Я посплю немного, а ты иди тоже отдохни. Замучил я тебя совсем.

Галя еще немного посидела возле Алексея, потом, видя, что он уснул, тихо выскользнула из палаты и направилась в кабинет доктора Евгения Васильевича.

Сразу после ухода Галины Белов открыл глаза, прислушался, достал из-под подушки Тонину тетрадь и снова углубился в чтение.

Все, написанное погибшей девушкой, посвящалось ему. Каждая страница, каждая строчка, каждое слово дышало большой любовью к нему, Алексею Белову, человеку, пленившему ее юное сердце.

Алеша читал, удивляясь, что Тоня открыла в нем такие черты, о которых он даже и не подозревал. «Да, прав Экзюпери, - думал Белов, - зорко только сердце». Он корил себя за то, что раньше не обращал внимания на Тоню, что обижал ее невзначай. У девушки была нежная, легко ранимая душа. Сколько огорчений приносили ей его промахи и неудачи, просто слова, сказанные сгоряча. Тоня прощала ему все обиды, она не строила никаких планов, ни на что не надеялась. Она просто любила его больше жизни. И доказала это.

Несколько дней, украдкой, когда Гали не было рядом, Алексей читал и перечитывал страницы Тониного дневника, входя во внутренний мир прекрасного человека. И вдруг Белов почувствовал, как дорога стала ему эта безвременно ушедшая из жизни девушка, заслонившая его от смерти. Нет, теперь он обязан Тоне не только своей жизнью, но и прикосновением к высокому человеческому чувству.

Алексей понял, что он любит Тоню горячо, всем сердцем, как можно любить только большой, настоящей любовью. Тони нет рядом и никогда уже не будет, а Белов был счастлив, что она есть в его жизни.

«А как же Галя? - задавал себе мучительный вопрос Алексей. - Сможет он любить ее по-прежнему? - и не находил ответа.

Вскоре врач выписал Алексея домой. В первый же вечер дома Алексей вдруг почувствовал, что его ласки неприятны его Галчонку, что она терпит их только из супружеского долга. Он отвернулся от жены и не смог заснуть до утра. Галя тоже не спала. Утром, не глядя в глаза, Галина сказала:

- Нам нужно серьезно поговорить, Алеша.

- Если ты хочешь говорить о Тоне, то не надо. - Алексей взял Галю за обе руки

- Понимаешь, у Тони, кроме меня, нет никого на целом свете. Как же я могу ее предать? Я обязан ей жизнью и огромным счастьем. Эта девочка стала мне очень дорогим человеком.

- Я знаю, - подняв глаза на Алешу, сказала Галя. - Когда ты две недели валялся в горячем бреду, ты ни разу не назвал моего имени. Ты все время звал ее. Да и сейчас ты во сне зовешь ее, разговариваешь с ней, как с живым человеком. А она мертва, понимаешь, она умерла!

- Нет, Галчонок, для меня она живая, и будет всегда живой, пока я буду жить.

- Так что будем делать, Белов? - Галина в упор смотрела на Алексея. - Я не смогу делить с ней твою любовь. Если ты полюбил мертвую, то я полюбила другого человека, живого. Ты понял?

- Ты нашла мне замену. Галчонок? Что ж, в этой ситуации это логично: муж - инвалид, к тому же полюбил другую, почему мне нельзя? - жестко проговорил Алексей.

- Не надо так, Леша! - со слезами сказала Галя - Ты этому человеку тоже обязан жизнью. Когда ты умирал на больничной койке, он сутками не отходил от тебя, придумывая все новые и новые средства твоего спасения. Его самоотверженность помогла тебе выжить. А я была все время рядом с ним, и вот, ничего не могу с собой сделать: полюбила его, как ты Тоню. И он меня тоже. Что нам делать теперь, Леша?

Белов задумался, глядя в окно. Решение пришло мгновенно.

-Ты сильно любишь своего Евгения Васильевича? - спросил он Галю. – Ты уверена, что будешь с ним счастлива? Галина молча кивнула головой и залилась слезами.

-Тогда немедленно иди к нему! Слышишь, немедленно!

-Ты гонишь меня, Белов? А как же ты? Как жить без меня ты будешь? - Галя смотрела прямо в глаза Алексею. - Нет, я так не могу. Бросить тебя одного в такое трудное для тебя время? Ты же остаешься дорогим мне человеком. И всегда будешь таким.

- После всего сказанного говорить тебе о том, как сильно я тебя люблю, просто смешно. - Белов слабо усмехнулся. - Но поэтому я и прошу тебя: выходи замуж за доктора и будь счастлива. Это мое самое большое желание, чтобы ты была счастлива. - Алексей обнял Галю за плечи.

-Обо мне не беспокойся, я остаюсь не один, у меня есть Тоня и любимая работа... Ну, иди же скорее к своему счастью!

Белов подтолкнул жену к выходу и захлопнул дверь...

Медицинская комиссия, куда направил Алексея начальник геологического управления, вместо направления на лечение, выдала ему заключение: «... для работы в геологоразведке по состоянию здоровья непригоден».

Когда после комиссии Алексей сидел в пустой квартире и пил водку с единственным желанием от всего отключиться, к нему неожиданно пришел доктор Евгений Васильевич.

-Ну, что, пациент, лечишься? А меня рядом посадишь? - спросил он и поставил на стол бутылку спирта.

-А мы разве уже с Вами на «ты»? - сказал в ответ Белов. - Ну, да ладно, давай будем на «ты». Так чего ты хочешь?

-Хочу познакомиться с тобой, как с человеком, - произнес доктор, откупоривая бутылку. - Вот ты отдаешь замуж за меня свою жену. Не жалко? Или ты ее совсем не любишь?

-Если бы не любил сильно, то и не отдавал бы, - воскликнул Алексей. - Хочу, чтобы счастлива она была.

-А ты? О своем счастье подумал? - Евгений Васильевич с удивлением рассматривал Алексея.

-Ты любишь классическую литературу? - внезапно задал вопрос Белов. - Как ты относился к ней в школьные годы?

-Сказать по правде, я в школе классику не любил. Не понимал, что ли?

-Вот и зря, иначе бы ты не задал сейчас этот дурацкий вопрос, - и, видя недоуменный взгляд доктора, Белов продолжил: - Была у меня в школе литераторша, Наталья Михайловна, так вот она всем нам любовь к произведениям классиков и привила. Особенно меня потрясла книга Чернышевского Николая Гавриловича «Что делать?» Я ее чуть ли не наизусть выучил. И много полезного для своей жизни взял... Например, «разумный эгоизм».

-Это что же такое? - Евгений Васильевич с интересом смотрел на Белова.

- Не помнишь? Это, когда я делаю только то, что приносит счастье и радость другим. Возьми в библиотеке «Что делать?», перечитай, и ты убедишься, что я поступаю сейчас, как это требует «разумный эгоизм», как поступил один из героев романа.

Белов поднял наполненный стакан:

- Давай выпьем, Женя, за твое счастье с моей Галинкой, и за ее счастье с тобой. За ваше обоюдное огромное счастье...

Другой работы в своем городке Белов не нашел, и он уехал к старшей сестре в Украину, в большой город, находящийся за пять тысяч километров от своего любимого Тянь-Шаня.

Перебивался скудными заработками на разных работах, но чаще болел, задерживаясь на больничной койке иногда на месяцы. Четырехчасовое пребывание под толстым слоем лавинного снега давало о себе знать. Возник приобретенный тяжелый порок сердца, сильно нарушилась работа легких и вестибулярного аппарата, попутно пошаливали и другие органы. Он задыхался, поднимаясь на второй этаж по лестнице, его укачивало в трамвае, он стал бояться даже небольшой высоты. Жизнь ему опротивела, он решил покончить сразу со всем.

И тут его разыскало Галкино письмо с фотокарточкой маленькой Зойки, ставшей для него Солнечным Зайчиком, мечтой о такой же дочурке. Жизнь снова

приобрела смысл.

Сестра, врач по профессии, раздобыла Алексею бесплатную путевку в санаторий в район Кавказских Минеральных Вод. И здесь, в санаторной библиотеке, Белов познакомился с удивительной судьбой Марии Павловны Преображенской - первой русской женщины-альпинистки.

Обладающая всеми тяжеленными недугами того времени, юная Маша была приговорена к смерти лучшими медицинскими светилами Лондона и Петербурга. По совету врачей родные привезли ее умирать на Кавказские Минеральные Воды, чтобы как-то скрасить девушке ее последние дни. И жизнь Маши угасла бы, если бы она не поверила совету своего нового друга: забросить все микстуры и пилюли, и просто ежедневно ходить в горы, каждый раз поднимаясь все выше и выше.

И случилось чудо: все болезни постепенно исчезли, и Маша больше никогда в жизни не болела. Она занялась альпинизмом, совершила более ста восхождений на вершины Кавказа, воспитала целую плеяду женщин-альпинисток, и умерла от старости в возрасте около девяноста лет.

Алексей Белов решил, во что бы то ни стало, вернуться в горы, и последовал примеру Марии Павловны Преображенской.

Для начала он выбрал Крымские горы, где провел все лето. Чего стоили Алексею первые шаги после лавины по горным тропам, знают только горы и он сам. Но результаты были обнадеживающие: в здоровье Алеши наметилось явное улучшение.

Следующее лето он прожил на Кавказе. У него открылся талант фотографа. С Кавказа Алексей привез массу снимков изумительных пейзажей Теберды и Домбая. Несколько фотографий представил на городской фотоконкурс, который организовало Географическое Общество. Снимки Алеши были замечены географами. Белова пригласили в Географическое Общество, и он стал участвовать в научных горных экспедициях, проводимых Обществом, в качестве фотографа.

Так Алексей Белов вернулся в горы, к большому удивлению друзей и бывших коллег, потому что люди, побывавшие в лавине и выжившие после нее, обычно в горы никогда больше не ходят.

Геологическая практика помогла Белову переквалифицироваться в геоморфолога -

географа, изучающего формы рельефа. Он побывал на Кавказе и Тянь-Шане, затем на Памире - высочайших горах страны. И везде его, прежде всего, интересовали ледники. Ему удалось открыть на Кавказе пять не нанесенных на карту ледников и неизвестное никому горное озеро. Самый большой из открытых ледников и озеро, на правах первооткрывателя, Алексей назвал именем Тони.

Горы принимали Белова как своего человека, помогая ему сотрудничать с ними. С каждым новым подъемом, с каждой экспедицией, Алексей чувствовал себя все лучше и лучше. Порок сердца стал компенсационным, позволяя ему нормально дышать даже на пятитысячной высоте. Остальные болезни полностью исчезли, и Алексей жил теперь снова жизнью полноценного человека.

Но был ли он счастлив в жизни?

Любовь к Тоне не угасла с годами в сердце Алеши, только боль от потери постепенно стала утихать. Все свои дела, научные статьи и книги он посвящал погибшей девушке. В День ее рождения Белов старался быть в горах. Он поднимался на какую-нибудь вершину или скалу, возлагал там букет горных цветов, долго сидел, вспоминая, какой была Тоня при жизни.

Иногда Тоня приходила к нему во сне, звала с собой. И Алеша физически ощущал, как масса спрессованного лавинного снега давит на него. После таких снов утром Алексей доставал из кармана маленькую фотокопию снимка своего Солнечного Зайчика, с которой никогда не расставался, смотрел на дорогие черты маленькой Зойки, убеждаясь, что жизнь все-таки прекрасна.

Фотографии Тони долгое время у Алеши не было, пока он не съездил в город, где находился детский дом, в котором выросла Тоня. Там ему подарили снимок девушки, сделанный для выпускных документов. Он поставил его на письменном столе, и разговаривает с ним, как с живым человеком.

А фотоснимки Тони, что были в паспорте и личном деле, после ее гибели были уничтожены, как требовал закон, бездушными чиновниками.

Проходили годы ... Порой Алексей мечтал обзавестись семьей, чтобы родилась у него дочь, похожая на его Солнечного Зайчика – Зойку, он дал бы ей имя: Тоня.

«Вот уйду я в небытие, а жизнь Тони продолжится в моей дочери» -размышлял Алеша. Но выбрать себе спутницу жизни так и не сумел: он все искал девушку или

женщину, похожую внешне и внутренне на его Тоню, и не находил. А связать свою жизнь с непохожей на Тоню женщиной Белов считал изменой. И он по-прежнему оставался одиноким...

... «Когда же ты успела вырасти, Зоюшка? - думал Белов, глядя на портрет маленькой кудрявой девчушки. - Как быстро мчится время! Счастлива ли ты, родной мой человек, Солнечный мой Зайчик?»

Белов снова достал свадебную фотографию из конверта и долго смотрел на лицо невесты. Глаза Зои сияли от безмерного счастья.

«Я рад за тебя, Зайчик! - Алексей мысленно обращался к портрету Зои. - Вижу: ты очень счастлива. Значит, и мама твоя счастлива. Значит, счастлив и я. Ты не обижайся на меня, я не изменял твоей маме. Я просто сделал ее счастливой, потому что сам не дал бы ей такого счастья.

Я мог бы стать твоим отцом, если бы лавина не изменила все в нашей жизни. Не знаю, что рассказывала тебе мама об этом, но я счастлив, что не изменил всему тому, что стало мне дорого в жизни, что по-прежнему люблю тех, кого полюбил однажды.

«Ты всегда в ответе за тех, кого приручил», - завещал нам Экзюпери. Я бы добавил: и за тех, кого полюбил».

ПРЕДСКАЗАНИЕ СУДЬБЫ

/рассказ /

Когда в музее Истории Великой Отечественной войны города Минска я осматривал экспозицию «Фронтное искусство 1941-1945 годов», мое внимание привлекла одна из открыток, каких много выпускали для солдатских писем в то время. Все остальные подобные открытки были выполнены в стиле плаката, а эта скорее напоминала живописное полотно.

Открытка называлась «Отомстим за Тоню Туманову!». На открытке изображена прекрасная ромашковая поляна на окраине леса средней полосы России, изрытая воронками от взрывов мин и снарядов. То тут, то там дымится земля и корчатся в пламени нежные ромашки.

На краю бугорка перед группой тонких березок, подавшись вперед и раскинув руки, стоит девушка-санитарка с лицом и станом древнегреческой богини. А за ее спиной, прислонившись к березкам, держась за тонкие стволы, пытаюсь встать с земли, приподнявшись на локте, или уже не в силах подняться, наши бойцы в окровавленных бинтах.

Вокруг холма валяется с десяток фашистских трупов. У ног девушки лежит небольшой пистолет - личное оружие санитарок, по-видимому уже без патронов. Перед девушкой несколько фашистских солдат с перекошенными от злобы лицами. Ближайший через мгновение вонзит в грудь санитарки свой штык-кинжал.

Но на лице девушки нет страха, и руки она раскинула, защищая не себя, а раненых бойцов за спиной, и эти белоствольные березки, и эти нежные ромашки, свой дом, страну, Родину...

Видя, что я надолго задержался возле витрины, ко мне подошла пожилая смотрительница музея.

- Что Вас здесь так заинтересовало? - она заглянула через мое плечо в витрину, пытаюсь отгадать.

- Да вот эта открытка, - сказал я, показывая какая, - думаю, что она создана по большой живописной картине.

- Вы правы, - мне показалось, что смотрительница ждала от меня именно такой ответ, - Это действительно картина, и автор ее - мой сын.

Некоторое время женщина внимательно рассматривала меня, а потом продолжила:

- До войны мы жили в Питере, и сын учился в художественном институте. Это его дипломная работа, так и не увидевшая свет... голос смотрительницы задрожал, и на глазах появились слезы. Я нагнулся над витриной, рассматривая ее содержимое, чтобы не смущать пожилую женщину.

- Вы знаете, а я была знакома с героиней картины, - прервала затянувшуюся паузу смотрительница. - Она была необычайно красива. Я считала ее легкомысленной девушкой, этаким попрыгуньей-стрекозой. А вот мой Саша увидел в ней совсем иное, главное. И преопределил ее судьбу...

Женщина смолкла, устремив взгляд куда-то далеко-далеко. Я был - весь

внимание, и это убедило пожилую смотрительницу музея поведать мне удивительную историю, которую никогда не рассказывал посетителям ни один экскурсовод...

... Саша Полехин с детства был слабым, болезненным мальчиком, и поэтому одиноким в коллективе сверстников. Во втором классе у него появилась тяга к рисованию. Занимался сначала в кружке изобразительного искусства Дворца пионеров, затем поступил в художественную школу. После окончания средней и художественной школы был принят без вступительных экзаменов в художественный институт.

В институте Саша встретил девушку необычайной красоты и сразу влюбился в нее без памяти. Он сознавал всю несостоятельность своей любви. Окруженная толпой более представительных поклонников, девушка, конечно, не обращала на Сашу никакого внимания. И Саша тихо страдал, воплощая свою безответную любовь в многочисленные портреты любимой, которые он рисовал по памяти.

Девушку звали Антониной. Создатель наградил ее внешностью Афродиты и большим талантом в живописи. Родители Тони были известными учеными, и девушка с детства привыкла к роскоши и достатку. Жила легко, весело, принимая, как должное, поклонение ее красоте сверстников и всех окружающих. Родители Тони были всегда очень заняты на работе, поэтому дочери уделяли мало внимания. Воспитанием девушки занималась бабушка, которая в ней души не чаяла. Бабушка с детства сильно баловала внуку, и при этом всегда сетовала на малую эффективность ее воспитательных методов.

Антонина любила бабушку больше всех родственников, потому что ни один из них никогда серьезно не беседовал с девушкой. Только с бабушкой Тоня делилась своими мыслями и секретами, советовалась по всем вопросам жизни. Самыми счастливыми для девушки были мгновения, когда они вдвоем с бабушкой могли проговорить всю ночь, обмениваясь сокровенным.

Саша жил вдвоем с мамой. Сашин папа, кадровый военный, погиб во время финской кампании. Жили на скудный заработок мамы, к которому потом прибавилась небольшая Сашина стипендия. Мама была для Саши другом и учителем, а единственный сын стал смыслом всей ее жизни. Больше родных у них никого не было. Когда зимой 1941 года настало время писать дипломную картину, Саша сразу же выбрал военную тему. Решение это пришло к юноше, как память о

погибшем отце. Да к тому же в Европе полыхала война, приближаясь к границам родной страны. Юноша понимал, что предстоящая война потребует от людей невероятного мужества и героизма, и это требование коснется и сильных, и слабых. Таких, как он, или его Тоня. И еще, Саша хорошо помнил слова своего отца: «Красота спасет мир». И свято верил им.

Так образ любимой девушки воплотился в черты героини его дипломной картины. Свое живописное полотно Саша назвал «Защищая жизнь».

Картина была окончена в середине июня, а в конце месяца должна была состояться защита диплома. Но институтское руководство картину не приняло, посчитало ее клеветой на современную действительность, способной вызвать напряженность во взаимоотношениях с Германией или даже расторгнуть «Пакт о ненападении».

Пойдя на хитрость, Саша пытался убедить всех оппонентов, что на его картине изображены военные события в Европе, скажем, в Греции. Но слишком уж русскими были березки и ромашки на полотне, и ему не поверили.

А любимый преподаватель посоветовал Саше спрятать картину и никому не показывать, а лучше уничтожить во избежание большой беды.

Саша, конечно, совету не последовал, картину засунул за платяной шкаф, а сам захандрил и впал в сильнейшую депрессию.

Война вторглась в жизнь наших людей, в жизнь Саши и Тони внезапно, разрушая привычный ход времени.

Всеобщая беда вывела Сашу из депрессии. На второй день после начала войны он пошел в военкомат. Но у Саши был «белый» билет, и ему отказали в отправлении на фронт. Юноша неделю оббивал пороги различных государственных и общественных учреждений и добился своего.

- Ты уходишь на войну, а я остаюсь здесь одна, - сказала ему на прощание мама. - Как же я буду жить без тебя?

- Родная моя, ты пойми, я не могу допустить, чтобы мой родной город топтали фашистские сапоги, а ты и Тоня стали рабынями. - Саша обнял маму за плечи и заглянул в ее глаза. - Папы нет, кто же, как не я, должен стать на его место? Прости меня, но я обязан идти. - И ушел... А через две недели мама получила

«Похоронку».

Когда фронт стал приближаться к городу, родители Тони решили эвакуироваться в Сибирь. Бабушка наотрез отказалась покидать родной город, несмотря на уговоры и слезы близких. Тоня безропотно подчинилась родителям, но тайно вышла на ближайшей станции и вернулась домой. Бабушка приняла это, как должное.

-Ты молодец, - сказала бабушка, обнимая и целуя внучку. - мы с тобой вдвоем отлично перезимуем, а там наступит весна, и война закончится.

Но война разгоралась все больше, и до конца ее было так далеко. Художественный институт закрыли, в нем разместился военный госпиталь. Тоня безуспешно искала хоть какую-нибудь работу. Однажды, когда она шла по улице, ее окликнул какой-то красноармеец. Тоня не сразу узнала в солдате своего однокурсника. Разговорились, вспоминая общих знакомых.

-Ты знаешь, - сказал вдруг однокурсник, - а наш тихоня Сашка Полехин добровольцем ушел на фронт.

-Не может быть! - удивленно воскликнула девушка. - Он же не создан для солдатской службы.

-Нет уже больше нашего Саши, - с грустью произнес юноша, - он погиб в первом же бою... А мы вот, живые...

-Погиб? Саша погиб? - только и сумела вымолвить Тоня. Слезы душили ее. Только сейчас она осознала всю жестокость и несправедливость войны.

-Ты знаешь, Саша тебя очень любил. Он даже в дипломной картине изобразил тебя. Только не приняли его картину наши наставники, - парень горько усмехнулся, потом взял девушку за руки, заглянул в ее глаза.

-Ты бы сходила к нему домой, Сашина мама совсем одна осталась. Проведаешь ее, и на картину заодно посмотришь. Говорят, очень хорошая картина. Запиши адрес.

Мама Саши, сильно постаревшая и высохшая от горя, встретила Тоню без удивления. Она сразу узнала девушку, молча пропустила впереди себя.

Они стояли друг против друга, две женщины - мать и любимая сына. И вдруг, повинувшись одному и тому же чувству, шагнули навстречу друг другу, обнялись и

дали волю слезам.

Наплакавшись, они сели пить чай с вареньем, которое дала Тоне бабушка, расспрашивая друг друга о сегодняшней жизни.

Потом мама провела девушку в комнату сына. От неожиданности Тоня даже вскрикнула: на всех стенах комнаты висело множество больших и малых картин - портретов одного и того же человека. И этим человеком была она.

Веселая и грустная, задумчивая и торжественная, в любимой украинской народной кофточке, в бальном платье, в нарядах давно ушедшего века, она была не такой, какой знали ее окружающие. Тоня была потрясена, как Саша сумел уловить те ее черты, какие она никогда не выставляла напоказ, но которые очень ценила в ней бабушка.

Среди всех ее портретов два особенно удивили Тоню: на них она была в форме военной санитарки.

- Это Сашины этюды к дипломной картине, - сказала мама, заметив удивленный взгляд девушки.

- Я хотела бы увидеть эту картину, - тихо, с мольбой прошептала Тоня. Мама кивнула головой, и они вдвоем достали из-за шкафа завернутую в одеяло картину.

Тоня долго молча смотрела на стоящую среди пылающих ромашек красивую девушку-санитарку, как две капли воды, похожую на нее, заслонившую собой беспомощных раненых солдат от озверевшего врага. Буря неизвестных ранее чувств нахлынула на нее. Она почувствовала себя виноватой перед людьми за ту легкую, бездумную, пустую жизнь, какой она жила прежде. И в глубинах ее души начало рождаться еще не осознанное решение.

Тоня бережно завернула картину в одеяло, помогла поставить ее снова за шкаф и стала прощаться.

- Ты приходи, дочка, если сможешь, почаще, - сказала девушке на прощание Сашина мама. - Мне без сына так тоскливо жить на этом свете.

- Я обязательно приду, обязательно. - тихо сказала Тоня и крепко поцеловала старую женщину. И она сдержала свое обещание.

Враг стоял уже у ворот города. Авиационные налеты чередовались с артиллерийским обстрелом. Голод и холод забирали жизнь у сотен жителей города.

Сашина мама не сразу узнала Тоню: перед ней в дверях стояла стройная девушка в солдатской шинели и шапке-ушанке с красной звездочкой впереди.

- Я зашла попрощаться, - бодрым голосом сказала девушка. - Я уйду на фронт.

- На фронт? - всплеснула руками мама, - Как же так?

- Я окончила краткосрочные курсы медсестер. Буду спасать раненых, чтобы они возвращались в строй и поскорее разгромили, стерли с лица земли этих проклятых фашистов. Да и за Сашу, за все расквитаться с ними надо. Теперь мой черед настал.

- А как же твоя бабушка? - мама обняла Тоню за плечи. - Ведь ей одной не выжить в нашей сегодняшней жизни.

- Бабушку я похоронила две недели назад, - тихо сказала девушка - В общем, прощайте. Берегите Сашину картину, я вернусь с войны, и мы ее поместим в самый лучший музей города. Первые недели работы в полевом госпитале были очень трудными для Тони. Но она не подавала вида, смеялась, легко порхала между лежащими ранеными, очаровывая всех своей улыбкой, рассказывала смешные истории тяжело раненым бойцам. Все ее подопечные были безумно влюблены в красавицу санитарку с внешностью древнегреческой богини. И никто не знал, как она беззвучно плакала в своем углу палатки, отгороженном ширмой от остальной части, где находились раненые.

Старый хирург, ее непосредственный начальник, сказал однажды:

- Я знаю, как тебе тяжело здесь, дочка, но ты своей красотой и веселым характером помогаешь мне быстрее излечивать раненых. Ты вдохновляешь их на борьбу со своими недугами. Низкий поклон тебе за это. Санитарный батальон, где служила Тоня, всегда размещался близко от передовой, и Тоня надеялась, что представится случай, когда она своими руками уничтожит хотя бы одного фашиста, отомстив за гибель Саши.

Но начальник-хирург и подруги-санитарки не пускали Тоню на поле боя собирать раненых, находя каждый раз ей работу в операционной палатке. Тоня и сердилась, и плакала, но начальник был неумолим. Тоня решила, что он бережет ее красоту, и была близка к истине.

Бои на подступах к городу шли жестокие. Враг все больше сдавливал кольцо окружения. Но город держался.

Не сумев прорвать нашу оборону, фашисты выбросили с воздуха десант над лесом, где находились санитарные палатки. Матерые фашистские головорезы обрушили всю мощь своего огня на горстку бойцов, защищавших медсанбат. Вскоре из отделения охраны в живых не осталось никого. Наступила зловещая тишина, и в этой тишине особенно жутким казался стук кованых немецких ботинок о мерзлую землю.

Тоня сняла с предохранителя свой пистолет, спрятала его в карман белого халата и стала напротив двери. Раненые сгрудились за ее спиной в ожидании самого страшного. Из соседней палатки доносились тихие слова команд «Скальпель!», «Зажим!», «Тампон!» - старый хирург делал очередную операцию.

Дверь распахнулась, и молодой фашистский офицер в сопровождении двух солдат вошел в палатку.

- О, какой красивый девочка, и воюет против Великой Германии! - фашист сделал шаг в сторону Тони, намереваясь схватить ее за грудь. Тоня ударила головой офицера в живот и отбросила в сторону солдата. От неожиданности немецкий солдат нажал на спусковой крючок своего «шмайсера», и офицер замертво рухнул, прошитый автоматной очередью.

В одно мгновение Тоня из пистолета уложила обоих немецких солдат, и выхватив «шмайсер» из рук падающего немца, ринулась в открытую дверь, стреляя в подходивших к палатке фашистов. Вслед за Тоней из палатки выполз раненый в обе ноги боец, стреляя из второго «шмайсера».

Но через минуту его автомат замолчал. А Тоня стреляла, пока не кончились патроны. Когда смолк ее автомат, оставшиеся в живых фашисты стали подниматься с земли, сначала со страхом, потом все смелее, и двинулись строем к санитарной палатке, у которой стояла Тоня.

Девушка нащупала в кармане халата гранату, подаренную ей одним раненым, и пошла навстречу фашистам. Их строй мгновенно распался, они стали идти осторожно, окружая остановившуюся Тоню. И когда они подошли совсем близко, девушка выдернула чеку...

Взрыв разметал фашистскую свору по обожженной земле. Тоня уже не слышала мощное русское «Ура!», заглушившее стоны и проклятия фашистов. Это на

выручку к раненым спешила рота охраны штаба полка, расположенного недалеко от медсанбата.

Через два дня в красноармейской газете «Знамя Победы» была напечатана статья «Подвиг санитарки», рассказывающая о последнем бое Тони Тумановой. Написал статью молодой журналист Константин Павлов - бывший одноклассник Саши Полехина. Он участвовал в сражениях против немецкого десанта и узнал о подвиге Тони от оставшихся в живых раненых бойцов.

Костя не сомневался, что это та самая Тоня Туманова, большая любовь его школьного друга Александра Полехина. Он вспомнил о дипломной картине Саши и о том, что образ девушки-санитарки, героини картины, Саша писал на основе портретов своей любимой. И журналист Павлов решает создать письмо-открытку о подвиге Тони Тумановой, используя Сашину картину «Защищая жизнь».

Главный редактор дал «добро», и Костя с трудом пробирается в осажденный Ленинград и разыскивает там маму Саши Полехина.

Он застал свою бывшую учительницу Елену Алексеевну умирающей от голода и холода в опустевшем доме. Его офицерский паек и с большим трудом добытые дрова возвращают Сашину маму к жизни. Костя рассказал Елене Алексеевне о подвиге Тони Тумановой и о замысле по Сашиной картине создать солдатское письмо-открытку.

- Эту открытку я решил назвать «Отомстим за Тоню Туманову!» - с жаром говорил Костя. – Она разойдется большим тиражом по всем фронтам и будет звать бойцов к мщению за прерванные жизни Саши и Тони. Костя сделал несколько фоторепродукций с картины Саши. Перед отъездом на фронт он отвез Елену Алексеевну к своей маме, подарил старой учительнице газету со своей статьей о подвиге Тони, обещал прислать открытку, как только она выйдет.

Журналист Константин Павлов погиб в одном из боев при обороне Ленинграда, так и не успев прислать Сашиной маме выпущенную открытку «Отомстим за Тоню Туманову». А через неделю после отъезда Кости на фронт в дом, где жил Саша, попал немецкий снаряд, и Сашина картина «Защищая жизнь» сгорела вместе с домом.

После войны Елена Алексеевна повсюду искала открытку «Отомстим за

Тоню Туманову!». Она писала в центральные и местные газеты, маститым писателям, отдельным ветеранам войны, детским поисковым отрядам. Но все было безрезультатно.

Помог случай: школа, где работала Елена Алексеевна, наградила старую учительницу туристической путевкой по Белоруссии.

И в Минском музее Великой Отечественной войны, в зале, где были выставлены произведения искусства военного времени, Елена Алексеевна увидела знакомую до боли в сердце картину своего Саши в виде небольшой солдатской почтовой открытки.

И Елена Алексеевна покидает свой родной город, переезжает на постоянное место жительства в Минск. Здесь она устраивается на работу в музей Великой Отечественной войны, чтобы быть всегда рядом со своими детьми.

ПУТЬ К ПЕРЕВАЛУ ТРУДЕН

/рассказ/

*Путь к перевалу длинный,
Путь к перевалу трудный.
Пройдешь перевал -
Другим человеком станешь,
/любимое высказывание Улькина -
проводника и охотника /*

Молодой олень, подгоняемый чувством непонятной опасности, бежал по узкой, едва заметной лесной тропинке. Время от времени он останавливался, поворачивал голову, увенчанную красивыми, ветвистыми рогами, и раздувал ноздри. Он чувствовал опасность, но у него не хватало еще жизненного опыта, чтобы понять, что за невидимый враг идет за ним по пятам.

Внезапно олень остановился и прыгнул в сторону. Там, где тропинка протискивалась между двумя могучими лиственницами, лежал человек.

Многовековой опыт предков, перешедший в инстинкт, подал оленю сигнал наибольшей опасности. Таясь за стволами деревьев, олень с опаской наблюдал за

человеком. Тот лежал не двигаясь, и было непонятно, спит он, или жизнь уже покинула его.

Зато опасность сзади надвигалась с невероятной скоростью. Прямо на оленя, не разбирая дороги, лавируя между деревьями, мчалось разнообразное лесное зверье: крупное и мелкое, друзья и враги друг другу. Росомаха бежала рядом с косулей, лисица с зайцем, волк с диким кабаном. Низко над землей летели различные птицы. Прыгая с ветки на ветку, стремглав неслись белки.

У всех у них был один враг. Олень это понял, когда почувствовал запах гари и увидел, как клубы дыма медленно расползаются между стволами деревьев. Горел лес.

Повинуясь всеобщему страху, олень помчался по тропинке вслед за убегающими зверями, и, прыгая через лежащего человека, задел его копытом задней ноги.

Человек застонал и открыл глаза. Сознание медленно возвращалось к нему.

Он приподнялся на локте, огляделся по сторонам: вокруг ни души. «Неужели этот уголовник бросил меня здесь одного, да еще с ранеными ногами?» - мысль молнией обожгла затуманенную голову.

Человек попробовал подняться, но резкая боль в ногах бросила его назад. Он упал на землю и отключился.

Когда снова пришел в себя, не сразу понял то, что увидел: верхушки окрестных деревьев пылали яркими кострами.

«Так, значит, этот подонок еще и лес поджег. Понятно: не хочет делиться славой и деньгами», - мысли пчелами роились в мозгу, отдавая болью в сердце.

Человек попытался ползти, но силы быстро покинули его. А деревья рядом полыхали всюду, обдавая его нестерпимым жаром.

«Ну, что ж, - сказал он сам себе, - надо достойно закончить свой путь».

Человек полез во внутренний карман куртки, но там было пусто.

- Все забрал, скотина! - в отчаянии воскликнул он. - Да накажет тебя Господь!

Человек лег на спину, сложил руки на груди и закрыл глаза...

Он не слышал, как совсем рядом, перекликаясь, бежали люди, обгоняя летящее за ними пламя.

Впереди бежал седой, плотно сбитый мужчина, самый старший из них. За ним,

держась за руки, - молодой парень в очках и хрупкая, тоненькая девушка, замыкал группу высокий, худой бородач с тяжеленным рюкзаком за плечами.

-Семеныч, смотри, там человек! - воскликнула девушка, приостанавливаясь и показывая в сторону горящих лиственница.

-И правда кто-то лежит, - Бородач резко остановился, и через мгновение помчался к пылающим деревьям. - Он живой, только отрубился!

Все сгрудились вокруг лежащего незнакомца, куртка которого уже дымилась.

-Костя, Саня, берите его! - распорядился Семеныч. - А я возьму Костин рюкзак.

-Я понесу его сам, - воскликнул Бородач, поднимая незнакомца, - только подсобите мне его водрузить на спину. А пламя уже преградило путь вперед, и едкий дым раздирал глаза и горло.

-Скорее, влево и вниз! Там река, а на реке наше спасение: остров, - торопил всех Семеныч, задыхаясь от быстрого бега.

Они опередили огонь и вброд переправились на остров, разделяющий реку на два рукава. Горящий лес остался на том берегу.

-Ну и тяжелый этот тип! - воскликнул Костя, опуская незнакомца на землю. Весом побольше моего рюкзака будет. Что делать с ним станем?

-Прежде всего приведем его в чувство, - сказал Семеныч, наклоняясь над незнакомцем. - Гляди, а он уже и сам оклемался.

-Кто вы? - тихо, почти шепотом, спросил незнакомец.

- Мы - геологи, - с гордостью произнес Семеныч. - Будем знакомы: меня зовут Семен Семенович, я начальник отряда. А это мои помощники и друзья - Таня, Саша и Константин. А Вы кто? Как вас зовут? Почему ходите в одиночку? Ведь если бы не мы, сгорели бы заживо.

-Меня зовут Генри... - незнакомец поперхнулся и зашелся кашлем.

-Генри? - удивленно воскликнул Костя. - Немец, что ли? А я смотрю, что и говор у тебя какой-то не наш, не русский.

-Почему немец? - обиделся незнакомец. - Генрихом меня зовут. Я из Прибалтики, литовец. С другом туристский маршрут проходил, да вот два дня назад с обрыва упал, ноги, кажется, переломал. Друг за помощью пошел к эвенкам, но, видно, лесной пожар помешал ему вернуться. Спасибо вам, жизнь мне спасли.

-Странный все-таки этот пожар, - задумчиво произнес Семен Семеныч. - Непонятно, от чего он возник. Лес мокрый из-за осенних дождей, грозы давно не было. Не иначе, как кто-то поджег. Ну, да ладно. Давайте гляну, что там с Вашими ногами.

Семен Семенович долго осматривал ноги Генриха, а потом сказал:

-Перелома, к счастью, нет. Хороший вывих и сильный ушиб. Вывих сейчас Вам Костя вправит, он мастак в этом деле, а с ушибом придется потерпеть несколько дней.

Когда была поставлена палатка, и Таня с Сашей занялись приготовлением ужина, а Генрих после Костиных манипуляций, опираясь на две палки, приковылял к костру и сидел, задумчиво глядя на огонь, Константин отозвал Семен Семеновича в сторону:

-Семеныч, пройдем прогуляемся, поговорить надо. Когда они отошли от лагеря на порядочное расстояние, Костя тихо сказал:

-Слушай, Семеныч, не нравится что-то мне этот Генрих. Нутром чую, что он совсем не тот, за кого себя выдает. Не литовец он. Когда я в зоне сидел, был у нас там один литовец, сосед мой по нарам, так у него и говор был не такой, как у этого Генриха, и мордой совсем другой. Нет, не литовец он. Что делать с ним будем?

-Как что делать? С собой возьмем. Не бросать же парня одного в тайге, да еще горелой. И чем он тебе не нравится? Парень как парень.

-Смотри, Начальник, я тебе свое мнение высказал. Не оберемся беды мы с ним. Да и не надо бы нам в отряде чужаков. Сам знаешь, какую карту мы несем. Не тот он, кем представился. Чтоб я в зону снова загудел, если ошибаюсь!

-Опять ты за старое! - возмущенно и с огорчением воскликнул Семен Семенович. - Мы же с тобой договорились, что про жизнь в зоне ты забудешь раз и навсегда. А ты опять меня Начальником зовешь. Ну, ошибся ты по молодости, исправил эту ошибку. Так зачем же ворошить прошлое? Ты же золотой человек, я другого к себе в отряд не взял бы.

-Ладно, Семеныч, не сердись. Лучше скажи, что делать дальше будем? Зима на носу, продуктов - кот наплакал, а через горелый лес нам теперь ходу нет. И к ближайшему жилью сотни три верст будет.

-А вот сейчас отведаем украинского кулеша, что Танюшка сварила, и тогда сообща решим. Пошли в лагерь, а то так есть хочется, что и переночевать негде -

Семен Семенович с хитрецей глянул на Константина. - Али тебе есть не хочется?

После тщательного изучения карты и разведки местности Семен Семенович решил вести отряд через перевал в Скалистом хребте: так к жилью путь был вдвое короче, хотя и сложнее, чем вдоль реки по горелому лесу.

Поэтому на следующий день они переправились на левый берег и углубились в тайгу. Лес здесь пострадал от пожара меньше, но все равно представлял страшное зрелище.

Наверное, нет ничего более ужасного, чем горелый лес. С болью в сердце смотрели люди на искореженные, обуглившиеся стволы прежде могучих и красивых деревьев. Мир леса теперь был окрашен только в два цвета: черный и красный там, где еще не погасли раскаленные угли. Но самым страшным было то, что лес был мертвым: ни звериных следов, ни птичьих голосов, ни шелеста веток.

Два дня они шли по сгоревшему лесу. А на третий день выпал первый снег, и это еще больше замедлило их продвижение. Особенно трудно стало идти Генриху, который и так еле ковылял сзади всех, опираясь на две палки.

Да и остальные едва переставляли ноги. Продукты уже закончились, скудный неприкосновенный запас таял, подобно майскому снегу, который иногда выпадал в этих местах. Силы людей были на исходе, а предстоял долгий и трудный путь через высокий снежный перевал. Можно было бы пополнить съестные припасы за счет охоты, но лесной пожар распугал всех обитателей леса, и они покинули этот участок тайги.

На четвертый день пути лес стал редеть, высота деревьев уменьшилась, то тут, то там появились участки искривленных ветрами лиственниц – жалкое криволесье, которое растет в здешних горах на границе с горной тундрой.

Отряд остановился на привал, и Константин разжег небольшой костер, чтобы вскипятить чай.

- Смотрите, там человек! - внезапно воскликнула Таня, и все увидели лыжника на заснеженном склоне, который, петляя между кривыми деревьями, мчался прямо на них. Все вскочили на ноги, с тревогой всматриваясь в приближающегося человека. Резко щелкнул затвор Костиного карабина.

- Дружище, Улькен, это ты! Как я рад тебя снова видеть! - радостно воскликнул

Семен Семенович, бросаясь к подъехавшему лыжнику и заключая его в объятия.

- Моя шибко довольный встречать тебя, Семен! - улыбаясь, говорил старик-эвенк, хлопая Семеныча по плечам. - Много зим прошло, как тебя видел. Куда дорога твоя идет?

- На перевал Кара-Байкит. За ним - жильё, люди. - Семен Семенович с надеждой посмотрел на старого охотника. - Ты проводишь нас туда, Улькен?

- Плохой дорога ты выбрал, Семен. Снега большой там, шибко холодно. Почему домой раньше не ходил? - старый эвенк удивленно смотрел на Семеныча.

- Понимаешь, Улькен. Мы уже домой уходили, но вдруг важное открытие сделали. Большое месторождение, пока на карту нанесли, обследовали, время и ушло. А тут еще пожар лесной нас с пути сбил, теперь в обход идти надо, - с горечью пояснил Семен Семенович.

- Большой огонь много леса убил. Почему лес горел? Моя не понимаю, моя думай: худой человек это сделал. - Улькен зло посмотрел вдаль. И тут он заметил маленькие порции сухарных крошек, разложенные Таней на куске брезента.

- Э, дочка, убери это. Сейчас моя еда кушать будем. - Улькен достал из своего кожаного вещмешка сушеное оленьё мясо, национальные лепешки, не потерявшие своей свежести, копченую рыбу.

После такого угощения все сразу повеселели и бодро шагали по рыхлому снегу, проваливаясь в него чуть ли не до колен. Только Генрих по-прежнему двигался с большим трудом. Глядя, как идет Генрих, старый эвенк воскликнул:

- Слушай, почему так плохо ходишь? Совсем молодой еще, бегать шибко надо.

- У него ноги сильно ушибленные, - объяснила Улькену Таня.

- Вай, вай, почему раньше не говорил? - Улькен горестно всплеснул руками. - Семен, давай объявляй отдых, сейчас парня лечить будем.

Улькен достал из мешка небольшой кожаный пакетик и подсел к Генриху. - Здесь хороший мазь будет. В нем жир самого хозяина тайга и много трав полезных. Улькен собирал. Два дня помажем, а потом шибко бегать станешь.

- Не буду я этим лечиться! - резко подхватился Генрих. - не верю я всяким индейским знахарям и колдунам. Тем более, что снадобье это сделано на жире человеческом.

-Успокойся, Генрих, - Семен Семенович едва сдерживал смех, - хозяин тайги - это медведь, а сало его обладает большими целебными свойствами. Так что лечись, впереди у нас длинный путь, а зима уже не за горами.

-Правду говоришь, Семен, зима догоняй нас, а мы убегай. Догонит зима - живой не будешь. Давай, парень, лечись. Впереди у тебя сам перевал Кара-Байкит, а путь к нему длинный и ой как трудный. Однако, пройдешь перевал, совсем другим человеком станешь. - Улькен старательно втирал в ногу Генриха свою чудотворную мазь.

Через день, оглядев остатки продуктовых запасов, Улькен решительно направился к Семен Семеновичу:

-Давай, Семен, объявляй на полдня отдых: Улькен на охоту пойдет, мясо добывать.

-Где ты тут мясо найдешь? - удивился Костя. - После пожара все зверье вымерло.

-Неправду говоришь! Я вчера здесь близко следы оленя видел. Большой олень ходил, мяса на много дней хватит. - Улькен стал одевать лыжи:

-Тогда и я с тобой, - воскликнул Константин, вешая карабин на плечо.

- У тебя что, лыжи есть? - рассердился Улькен. - Без лыжи там ходить не можна. Я сам пойду. Он легко заскользил вниз по склону и вскоре скрылся из виду.

Прошло больше часа после ухода Улькена, когда вдалеке послышался слабый звук, похожий на хлопок воздушного ружья, а через несколько минут еще один.

-Стреляли! - радостно воскликнул Саша, - сегодня вечером будем есть жареное мясо.

-Что-то мне не нравятся эти выстрелы. Это не ружье Улькена стреляло, - взволнованно сказал Константин. - Сильно тихий звук был.

-Далеко от нас Улькен ушел, потому и звук тихий, - стараясь быть спокойным, сказал Семен Семенович. - Пойдем навстречу Улькену, поможем оленя нести, а то тяжело старику будет.

Они долго шли по снежной целине вдоль лыжни, проложенной Улькеном, проваливаясь по колена в сыпучий снег, пока не увидели старого охотника.

Улькен лежал лицом вниз, а снег вокруг него был окрашен в бурый цвет. Старый эвенк был мертв. Стреляли сзади. Пистолетная пуля прошла через сердце, второй раз стреляли уже в мертвое тело, в затылок.

-Кто? Кто? - страшным голосом закричал Костя и несколько раз выстрелил из

своего карабина в разные стороны. Потом отбросил карабин, опустился на снег и заплакал. А Семен Семенович неподвижно стоял возле своего старого друга, и память прокручивала кадры мгновений его жизни, связанные с Улькеном.

Они принесли тело старого эвенка в лагерь, положили на снег, сели вокруг. Таня рыдала, закрыв лицо руками, Саша смотрел невидящим взглядом в какую-то дальнюю точку, Семеныч сидел неподвижно, не отрывая взгляда от застывшего лица Улькена, Константин, крепко вцепившись в свой карабин, смотрел на мир гневно горящими глазами, пытаясь понять, кому помешал этот безобидный, добрый человек. Только Генрих сидел в стороне, мерно раскачиваясь из стороны в сторону и что-то бормоча на своем языке, как будто молясь.

Улькена похоронили под самой высокой в этом месте кривой лиственницей. Заночевали тут же. Пока Саша, Таня и Генрих ставили палатку, Костя отозвал в сторону Семен Семеновича и сказал:

-Ну, что, Семеныч, вот и начались беды, связанные с появлением Генриха в нашем отряде. Бьюсь об заклад, что лесной пожар и смерть Улькена каким-то образом связаны с этим лжелитовцем.

-Перестань, - устало сказал Семен Семенович, - я, конечно, буду присматривать за ним. Но здесь что-то иное. Боюсь, что о нашем открытии уже знаем не только мы, но и кто-то другой, кому оно не выгодно.

А когда все собрались в палатке, Семен Семенович сказал:

-Проанализировав последнее событие, я пришел к выводу, что отныне нам надо установить дежурство у палатки по ночам. Рядом бродит страшный двуногий зверь, убийца. Наверное, сбежавший рецидивист. Не дадим ему шанса застать нас врасплох. Дежурить будут только мужчины: я, Константин и Саша.

-А мне что, не доверяете? - с обидой в голосе спросил Генрих.

-Почему не доверяем? - спокойно ответил Семен Семенович. - Просто ты наш гость, да к тому же с больными ногами. Вот поправишься, тогда и примешь участие.

-С твоего согласия, первым буду дежурить я, - тоном, не принимающим возражения, сказал Костя. - У меня с вечера бессонница, я к утру только засыпаю, вот как раз мне и дежурить. А потом ты, Семеныч, сменишь меня. Спокойного

всем сна! - И Константин, взяв карабин, бесшумно выскользнул из палатки.

Ночь уже окутала землю своим черным покрывалом. Огромные звезды ослепительно сияли на безлунном небе, и под их светом серебрился снег, вспыхивая голубыми огоньками на гранях отдельных снежинок.

Костя устроился среди трех невысоких лиственниц неподалеку от палатки. Он сел на снег, подстелив несколько веток, положил на колени карабин, передернув затвор, прислонился к стволу дерева и стал наблюдать. Отсюда хорошо была видна палатка и все подходы к ней.

Незаметно для себя Костя на какое-то мгновение вздремнул. Сказалось все пережитое за день, да и недоедание в последние дни.

Он очнулся от странных звуков, доносившихся издалека. Прислушался и понял: разговаривали два человека, о чем-то споря. Говорили на непонятном Косте языке. Константин бесшумно поднялся и, крадучись, пошел на звуки голосов. Вскоре разговор прекратился, и Костя отчетливо услышал скрип снега под ногами идущего навстречу человека. Вот и он, совсем близко: темный силуэт в звездном свете.

-Стой, стрелять буду! - громовым голосом воскликнул Константин, и заметил, как рука идущего лихорадочно метнулась к карману брюк. И тут он узнал в идущем Генриха.

-Ты, что ли, Генрих? - опуская карабин, охрипшим от волнения голосом спросил Костя. - Что ты тут делаешь?

-Вышел прогуляться... по нужде, - тоже хриплым голосом ответил Генрих, - А что, нельзя?

-А разговаривал с кем? Я слышал разговор двух людей - Костя в упор внимательно смотрел на Генриха.

-Разговаривал? Тебе приснилось, я видел, как ты спишь на посту, когда выходил из палатки - Генрих со злостью глянул на Константина и добавил: - Только будить не стал, а то вдруг стрельнешь в упор спросонья.

-Тогда, у палатки, может, я и заснул, но здесь я уже не спал и слышал, как говорили двое. Так что не отвертись! С кем это ты беседовал? - и Константин приставил дуло карабина к груди Генриха.

-Ни с кем я не разговаривал, - жалобно прохрипел Генрих. - Это я стихи на родном языке читал, чтобы не так страшно было идти по ночному лесу.

-Стихи? ... Ну, да ладно, иди в палатку, досыпай. И разбуди Семеныча, пусть меня сменит. - Костя миролюбиво похлопал Генриха по плечу, и они вдвоем направились к палатке.

Обо всем происшедшем Константин поведал Семен Семеновичу. - Странно все это, - задумчиво произнес Семен Семенович. - Ты понаблюдай за ним, только не спугни в случае чего. Я тоже присмотрюсь к нему повнимательней. Похоже, что на нас охотится иностранная разведка.

Утром Семен Семенович объявил, что сегодня ночью первым будет дежурить Генрих.

-А оружие дадите? - радостно улыбаясь, спросил Генрих, и получив утвердительный ответ, сказал:

-Только я стрелять совсем не умею. Вы меня научите? А то вдруг придется.

-А вот Костя тебя и научит, - улыбнулся Семен Семенович, - только после того, как мы в разведку пути сходим.

-Ты что, с ума сошел, Семеныч? - возмущенно спросил Костя, когда они вышли из палатки. - Кому ты доверяешь оружие? Да он ночью перестреляет нас, как куропаток.

-Так надо, Константин, - сказал Семен Семенович - Представился случай проверить, владеет он оружием или прикидывается, что не умеет стрелять.

Как ни старался Генрих изображать из себя тупого ученика, его руки автоматически четко повторяли все приемы стрельбы из карабина, которые показывал ему Костя. И когда Константин уличил его во лжи, Генрих смущенно проговорил.

-Я и сам не понимаю, как это у меня так хорошо получается. Клянусь, я впервые держу в руках карабин. Наверное, Всевышний дал мне такой талант.

Вечером, когда они вдвоем с Семенычем собирали сушняк для костра, Костя тихо спросил:

-Ну что, видел, как он профессионально обращался с моим карабином? Вот так же профессионально вчера ночью у него рука кинулась к карману за пистолетом,

когда я его окликнул. Что делать будем, Семеныч?

-Пока только наблюдать и держать ухо остро. - Семен Семенович вдруг улыбнулся, - А может, это наша фантазия так разыгралась?

Ночь прошла спокойно. Утром Семен Семенович сказал Тане:

- Танюша, ежели ты по нужде хочешь отлучиться, то идем, я тебя провожу и покараулю в стороне. Таня молча кивнула головой и залилась краской.

Когда они отошли от палатки за одиночные скалы, Семен Семенович остановился и поманил девушку:

-Вот что, девочка, - наклонившись к самому уху Тани, сказал он тихо: - слушай меня внимательно. Сейчас я отдам тебе сверток, в нем та самая карта. Спрячь ее у себя в надежное место и береги больше жизни. Всякое может случиться. Я на карте сзади написал адрес. В случае чего, передашь из рук в руки. Только о том, что карта у тебя, должны знать ты и я, и больше никто.

-Что-то случилось, Семеныч? - взволнованно спросила девушка.

-Случилось, дочка. Но ты не волнуйся, выкарабкаемся - Семен Семенович нежно обнял Таню и поцеловал в щечку. - Иди, Танюша, а я тут постою.

В середине дня они вышли на узкую скальную полочку, которая круто вела прямо на седловину перевала. Шли осторожно: справа был отвесно падающий склон, слева - обрыв, уходящий вниз на сотни метров. Полочка то и дело огибала выступы скал правого склона, и в этих местах становилась еще более узкой.

При очередном повороте за скальный выступ Семен Семенович, идущий первым, внезапно резко остановился. Впереди, в десятке метров от него, загораживая путь, стоял здоровенный рыжебородый детина, держащий в правой руке пистолет с длинным стволом, а в левой у него была винтовка Улькена.

-Слезай, приехали! - криво ухмыляясь, прохрипел детина, угрожающе водя дулом пистолета.

-Чего тебе надо? - спросил спокойно Семен Семенович, слегка побледнев.

-Вот это другой разговор, - детина сделал несколько шагов вперед - Ты мне карту давай свою, и я вас пропускаю.

-У меня нет карты этого района. - твердо сказал Семен Семенович. - Так что не обессудь.

-На кой дьявол мне такая карта? - с гневом выпалил детина. - у меня своя есть, получше твоей. Ты мне давай ту, знаешь сам, какую.

Не успел Семен Семенович сообразить, что сказать в ответ этому рыжебородому мерзавцу, как сзади раздался голос Генриха, убежденно что-то сказавшего на непонятном языке.

-Заткнись и отвали! - зло выкрикнул детина, - Не мешай мне делать то, что давно должен был сделать ты.

-А-а, так тебе эта карта нужна? - Семен Семенович торопливо полез во внутренний карман куртки и достал небольшой пакет. - Вот, возьми.

Семен Семенович, держа пакет на вытянутых вперед руках, двинулся навстречу рыжебородому. И вдруг он резко метнулся влево и прыгнул с обрыва.

Извергая поток отборных русских ругательств, детина упал на край обрыва и, свесившись, глядел, как падает тело Семен Семеновича.

И в то же мгновение Костя сорвал с плеча свой карабин и нажал на спуск. Но выстрел не последовал. Константин раз за разом нажимал на спусковой крючок, и каждый раз карабин давал осечку. Костя отбросил в сторону карабин, выхватил из ножен охотничий нож и навалился на рыжебородого громилу. Но силы были неравные. Детина быстро подмял Костю под себя и несколько раз выстрелил в него из пистолета. Затем он поднялся, бросил пистолет, отряхнул снег и, продолжая ругаться, столкнул с обрыва неподвижное тело Константина. Потом снял с пояса длинный нож, потрогал лезвие и, довольно ухмыляясь, направился к стоящим в оцепенении Саше и Тане.

- Эй, ты, очкарик, ну-ка посторонись, девку я беру себе... в качестве компенсации за неполученную карту, - рыжеволосый схватил Сашу за плечо, пытаясь отбросить в сторону, - Она хоть и не такая аппетитная, как девка с Бродвея, но сойдет за неимением лучшей.

- Не смейте трогать девушку! - Саша сбросил руку детины со своего плеча. Не сме... – Саша захлебнулся на полуслове: рыжебородый всадил нож ему в живот. Отбросив на снег обмякшее тело Саши, он вытер нож полкой своей куртки, вложил его в чехол и обхватил девушку двумя руками, с силой притянул к себе. И в это же мгновение сзади раздался тихий хлопок выстрела, за ним второй, третий,

четвертый...

Падая вместе с детиной на снег скальной полки, последнее, что успела увидеть Таня, прежде чем сознание ее отключилось, это дымящийся ствол пистолета, дрожащий в руке Генриха...

«Таня, вставай, вставай же, Таня!» - услышала девушка, приходя в себя. Она открыла глаза: Генрих стоял перед ней на коленях, встряхивал, держа за полы куртки, и без конца повторял: «Вставай же, Таня. Ну, поскорее. Надо спасти Сашу, спасти, слышишь? Спасать! Он уже потерял много крови».

Имя Саши заставило ее резко подняться. Она наклонилась над неподвижно лежащим другом: кровь медленно стекала из глубокой раны на животе Саши, окрашивая все новые порции снега в алый цвет.

Вдвоем с Генрихом ей удалось остановить кровотечение и привести Сашу в сознание. Юноша был очень слаб. При каждом вдохе у него что-то клокотало внутри. Таня легла рядом с ним, пытаясь согреть его коченеющее тело.

Генрих молча смотрел на Сашу и Таню, потом быстро пошел вверх по полочке к перевалу. Таня проводила его тоскливым взглядом, а затем еще сильнее прижалась к Саше, готовясь уйти вместе с ним в небытие...

Генрих вернулся через полчаса.

- Вставай, Таня, будем делать носилки, понесем Сашу. - Генрих снял с себя куртку и расстелил ее на снегу. - Перевал очень близко. За ним снежное плато, ровное, как стол. Перенесем туда Сашу и поставим палатку.

Они мучительно долго несли Сашу к перевалу, потом на ветру ставили непослушную палатку. Саша все время бредил, звал маму и Таню. К утру он затих. Измученная, просидевшая над Сашей всю ночь Таня незаметно для себя забылась в тяжелом сне. А когда разбудил ее Генрих, она глянула на Сашу и поняла, что случилось непоправимое. Девушка упала на Сашу и, целуя ледяное лицо любимого, беззвучно зарыдала...

- Пойдем, Таня, - Генрих осторожно тронул девушку за плечо. - я сделал последнее жилище для Саши. Перенесем его туда.

Таня безучастно смотрела на импровизированный склеп, построенный Генрихом из снежных кирпичей, наподобие жилища эскимосов - «иглу». Когда Генрих вынес тело

Саши из палатки и поместил его в снежный домик, Таня снова отчаянно зарыдала.

- Убей меня, убей! Я не хочу жить без Саши. Ну, убей меня, пожалуйста, у тебя же есть пистолет, - девушка вцепилась в полы куртки Генриха и с мольбой смотрела на него.

- Ну что ты? Как можно? - Генрих испуганно смотрел на девушку. - Ты поплачь, поплачь. А потом мы пойдем вниз, к людям.

- К людям? - это слово вдруг напомнило Тане о карте, которую дал ей Семен Семенович. - Конечно, надо идти к людям, скорее к людям.

Но Таня прошла всего лишь несколько десятков метров и рухнула на снег.

- Ты погоди, я полежу немного, и опять пойдем, - говорила девушка наклонившемуся над ней Генриху, делая паузу после каждого слова. - Я понесу тебя, - Генрих легко поднял Таню на руки. - какая ты легкая... и красивая, Таня. Наверное, такими бывают Ангелы.

Он нес девушку полдня по глубокому снегу, задыхаясь и часто останавливаясь. К ночи у Тани сильно поднялась температура. Она вся горела, дыхание ее стало прерывистым и свистящим. Она то впадала в беспамятство, то снова приходила в себя. Генрих понял: это сильнейшее воспаление легких.

На такой высоте болезнь протекает скоротечно и со смертельным исходом. Утром Таня, придя в себя, подозвала Генриха и еле слышно сказала:

- Дальше ты пойдешь один, Генри. Не волнуйся, жить мне осталось совсем немного. Скоро я встречу с Сашей в том мире, откуда не возвращаются. Ты должен выполнить мою последнюю просьбу... - девушка замолчала, с трудом дыша, потом тихо произнесла: - Поклянись мне, что сделаешь все, что я попрошу.

Генрих что-то произнес на чуждом Тане языке и перекрестился. Таня попыталась расстегнуть свою куртку, но пальцы совсем не слушались ее.

- Помоги мне. Генри, - глотая слезы, прошептала девушка, - расстегни куртку и кофточку и возьми там сверток. Взял? А теперь слушай меня внимательно...

- Что это? - удивленно спросил Генрих, держа в руках брезентовый пакет.

- Это карта, та самая карта, за которую отдали жизнь Семеныч, Костя и Саша. На ней открытое нами месторождение очень важного минерала. Понимаешь, это стратегическое сырье специального назначения. Девушка снова смолкла, с трудом хватая

открытым ртом морозный воздух. Генрих развернул сверток, раскрыл карту. На миг перед глазами, как на киноэкране, у него мелькнула картина: лазурный океан, белоснежная вилла на берегу, красивые девушки... Генрих ладонью провел перед лицом, стряхивая видение. Наклонился над Таней:

- Так карта все время была у тебя? Зачем же Семеныч бросился тогда в пропасть? Мне непонятна эта безрассудная жертва.

- У меня нет времени тебе объяснять, - прошептала Таня, - прости. Ты еще раз подумай, и сам поймешь, что Семеныч этим спас карту.

Теперь о главном: сзади на карте есть адрес. Ты обязательно должен дойти до людей и передать карту из рук в руки. Возьми в кармане куртки сухарные крошки в платочке, моя порция, я сберегла их для тебя, чтобы были у тебя силы для трудного пути к людям. Пришла твоя очередь спасти карту. Ты теперь в ответе за нее.

- Нет, нет! - с отчаяньем закричал Генрих, - Ты не должна мне так доверять! Ты же не знаешь, кто я. Это ведь по моей вине вы все погибли. Я не могу, я не имею права даже прикасаться к этой карте.

- Успокойся, Генри, я догадалась, кем ты был в прошлом. - девушка смотрела прямо в глаза Генриха. - Помнишь, как говорил старый Улькен: «Пройдешь перевал - совсем другим человеком станешь»? А ты прошел самый трудный перевал в своей жизни. И я верю в тебя, очень верю.

Таня замолчала, как бы уснула. Генрих терпеливо ждал, вглядываясь в лицо девушки. Он видел, как угасает жизнь Тани, подобно пламени догорающей свечи, и ничем не мог помочь, спасти эту хрупкую девчущку, ставшую вдруг такой дорогой ему.

Внезапно Таня открыла глаза, увидела склонившегося над ней Генриха и прошептала:

- Теперь поцелуй меня, Генри, и сразу уходи. Я хочу уйти спокойной за судьбу карты.

Генрих несколько раз поцеловал девушку в пересохшие губы, затем решительно поднялся и вышел из палатки. Он сел прямо на снег неподалеку и предался воспоминаниям.

В памяти всплыли лицо матери, которую он потерял в раннем детстве,

суровый взгляд отца, долгое время делавшего из сына «настоящего мужчину», крепко сбитую фигуру своего начальника - генерала, ходившего всегда в штатском.

«Ну что, господин генерал, задание Ваше выполнено: геологов нет в живых, секретная карта у меня. Только Вы ее никогда не получите, она принадлежит людям, о которых Вы говорили, что они враги наши. Вы лгали нам, они не могут быть нашими врагами. Скорее мы их враги. В этом я теперь убедился...» - мысленно докладывал Генрих, представляя перекошенное от злости лицо начальника.

«И ты не прав был, отец, когда говорил мне о них, - думал Генрих, - Они такие же люди, как и мы, даже лучше нас: более добрые, благородные, мужественные. Они спасли мне жизнь и возродили во мне Человека, я преклоняюсь перед ними и постараюсь быть хоть чем-нибудь им полезным...».

Когда Генрих снова заглянул в палатку, Таня как будто спала, только грудь ее больше не вздымалась, и лицо казалось высеченным из мрамора.

«Ну, почему я не выстрелил раньше? - с горечью подумал Генрих, - Все было бы иначе. Все были бы живы. Боялся стрелять в своего? А настоящих своих погубил...».

Он долго сидел, не отрывая взгляд от лица мертвой Тани, потом снял с себя золотой крестик - подарок матери – и надел его на шею девушки.

Несколько часов он строил снежную усыпальницу для Тани, потом отнес ее туда, прочитал нужную молитву и замуровал вход. Сел рядом, достал пистолет из кармана куртки. В обойме остался всего лишь один патрон.

«Хватит, чтобы покончить со всем раз и навсегда, - пронеслась мысль в голове Генриха, но тут же он отмахнулся от нее. - Нет, надо совершить обряд как принято у этих людей».

В советских фильмах, которые показывали ему, он видел, как солдаты поступали именно так после погребения павших в сражении однополчан. Генрих поднялся, направил дуло пистолета в небо и нажал на спусковой крючок.

Звук выстрела многократно повторило эхо с окружающих плато вершин. Не только Генрих, но и природа салютовали погибшей девушке.

Генрих бросил на снег ненужный теперь пистолет, высыпал в рот горсть Таниных сухарных крошек и, не заходя в палатку, медленно побрел вниз, утопая в

глубоком снегу...

...Когда Генрих очнулся, он не сразу понял, где находится: все вокруг было белым, слепящим глаза. Подумал, что лежит на снегу, но было не холодно, даже очень тепло. Он зажмурился и снова открыл глаза. Понял, что лежит в помещении, где белый потолок, белые стены, белоснежные простыни на кровати. И вдруг на фоне этой стерильной белизны Генрих увидел лицо женщины.

-Мама, - громко позвал он, - мама.

-Очнулся, горемычный, - добрый певучий голос растекался лаской по комнате. Пожилая женщина подошла к Генриху и положила руку ему на лоб, проверяя температуру.

-Вот сегодня и жар поменьше стал, - женщина повернулась к двери и позвала: - Сергей Антонович, зайдите, наш больной пришел в себя.

В комнату вошел невысокого роста пожилой мужчина в белом халате. Очки и борода делали его очень похожим на русского писателя Чехова.

-Очнулись, молодой человек? Это хорошо. Значит, дело на поправку идет, - доктор присел на край кровати, взял руку Генриха, считая пульс.

-Где я? - Генрих вопросительно посмотрел на врача.

-В больнице маленького эвенкийского поселка. Вы молодец, что дали несколько выстрелов. Их услышали наши охотники и сразу же поехали туда на оленях. Не то бы Вам лежать сейчас бездыханным.

Генрих закрыл глаза, в памяти всплывали события последних дней. И вдруг молнией вспыхнула мысль: «Карта!».

Генрих лихорадочно ощупал себя и понял, что он раздет. Сунул обе руки под подушку – там пусто.

-Куртка! Где моя куртка? Принесите мою куртку! Немедленно! - Генрих попытался вскочить с кровати, но ноги не слушались его.

На крик Генриха в комнату вбежали врач и пожилая нянечка. Узнав, в чем причина такого волнения больного, врач облегченно вздохнул и сказал:

-Варвара Петровна, принесите больному его куртку из хранилища. Найдя сверток с картой в кармане куртки, Генрих успокоился. Он вынул сверток, положил его под подушку и спросил врача:

-А почта к вам сюда приходит?

-Раз в неделю к нам из райцентра прилетает самолет, привозит продукты и почту, и конечно, пассажиров, - врач с интересом смотрел на Генриха.

-Тогда принесите мне побольше бумаги, ручку с чернилами и, если есть, почтовый конверт.

Получив все, что просил, Генрих достал карту и еще раз прочитал адрес. Но писать сразу не стал. Мысли одна страшнее другой теснились в голове. Вспомнились слова генерала о том, какие испытания ему придется вынести, если вдруг... После всего пережитого за последнее время он уже ничего не боялся. Но все же...

И опять перед глазами поплыли картины единственной мечты в его прошлой жизни: лазурные воды океана, белоснежная вилла на берегу, и он в кругу полуобнаженных красавиц.

И вдруг белая вилла превратилась в снежную усыпальницу Тани, и он явно услышал ее голос: «Я верю в тебя. Очень верю».

И Генрих решил написать все, как есть. Он задумался, вспоминая... Память воскресила события прошлых лет, и Генрих ужаснулся, на что он потратил лучшие годы своей жизни? Какой никчемной и бессмысленной была его работа, которой он очень гордился. Какие люди его окружали? Какие идеи он исповедовал? Что ценил в жизни?

Генрих вспомнил день, когда начальник Отдела ставил задачу его последней командировки. Он говорил, что приборы разведывательных спутников обнаружили над глухим таежным районом вражеской страны повышенную радиоактивность, а на космических снимках отчетливо видна небольшая группа работающих там людей. Предполагается наличие месторождения радиоактивных металлов. Люди – по всей вероятности, геологи, других людей в сотнях миль вокруг не обнаружено. Задача: добыть карту месторождения, группу уничтожить.

В напарники ему дали русского из бывших уголовников, бежавшего от правосудия и завербованного агентами Отдела. Он якобы хорошо знал местность района.

Забрасывали их ночью с планера. Но сразу же начались неприятности. Сильный

ветер сбил планер с курса, когда он летел над океаном. Поэтому прыгали они в стороне от намеченной цели. Парашют Генриха зацепится за ветки высокого дерева, пришлось обрезать стропы. При падении Генрих сильно ударил ноги и потерял сознание. Напарник нашел его только через день. И по инструкции он должен был застрелить Генриха, но он его просто бросил, забрав рацию, продукты и оружие. Если бы не группа Семен Семеновича...

Генрих писал несколько часов. Рвал написанное и снова писал... Потом позвал нянечку и вручил ей конверт с просьбой отправить его ближайшим самолетом.

Когда Варвара Петровна прочитала адрес на конверте, она поспешила в кабинет врача.

- Смотри, Антоныч, кому пишет наш пациент, - женщина протянула доктору конверт Генриха. Врач глянул на адрес и даже присвистнул. - Ну, Петровна, чуёт мое сердце: будет нам много мороки с нашим больным. Видно, очень важная он «птица»!

Самолет с письмом улетел, и для Генриха наступили тоскливые дни ожидания. Проходили недели одна за другой, но ответ Генрих не получал. Он совсем повесил нос и корил себя за то, что сильно был откровенным в письме. Теперь он ждал самого худшего. Но вдруг весь поселок был взбудоражен внеочередным прилетом самолета. Из него вышли пилот и человек в военной форме и направились к домику больницы.

- Ну, где тут ваш удивительный больной? Показывайте! - раздался в коридоре бас военного. Дверь палаты распахнулась, и прилетевший гость вместе с врачом и нянечкой вошли в комнату.

- Оставьте нас одних с больным, - приказным тоном обратился гость к медикам. Он сел на табуретку возле постели Генриха и протянул ему удостоверение личности. Когда Генрих вернул удостоверение, военный сказал:

- Я хотел бы посмотреть карту, о которой Вы писали. Генрих полез под подушку, достал сверток и протянул его гостю. Тот долго рассматривал карту, потом бережно сложил ее, положил на столик и поднялся с табуретки.

- Вы даже не представляете, какой Вы молодчина! Этой карте цены нет, - взволнованно проговорил гость. - Мы не ошиблись в Вас. Я буду ходатайствовать перед руководством о Вашем награждении.

-Нет, нет! - отшатнулся Генрих. - Вы что, не читали мое письмо?

-Мы очень внимательно прочитали Вашу исповедь, и не один раз. Из нее мы поняли, что, пройдя через такие испытания, Вы стали совсем другим человеком. Вы совершили подвиг, сохранив и передав нам эту карту. Так что Вы заслуживаете самой высокой награды, как и Ваши товарищи-геологи, открывшие этот рудоносный район. Они будут награждены посмертно.

Военный взял карту со столика, спрятал ее в планшет.

-Ну что ж, не буду вас больше утомлять. Выздоровливайте! - Гость крепко пожал руку Генриха. - Мы еще с Вами свидимся, и не один раз. Я думаю, что Вам будет что рассказать нам, и мы с Вами наверняка сработаемся. Генрих молча кивнул головой. В его глазах блестели слезы.

СТАКАН ДУШИСТОГО МЕДА

/рассказ/

- Мед! Кому мед? Душистый, ароматный, всем людям приятный ... - Старик от души рекламировал вкусовые и целебные качества своего товара. Коротко подстриженные усики, шапка седых волос, нос горбинкой – лицо старика показалось мне знакомым, и я подошел к прилавку, на котором стояли разной величины банки и баночки, наполненные до краев янтарным пчелиным медом. Среди них сразу бросался в глаза граненый стакан, сверкающий на солнце золотистыми гранями. И в памяти всплыло окно, распахнутое в яблоневый сад, наполненный медом такой же стакан на подоконнике, маленький букет лесных фиалок, лежащий рядом, и в глубине комнаты на белоснежной подушке такое же белое лицо спящей девушки...

...Мы работали тогда в «Стране мечты» - Абхазии. Мы - это небольшой отряд гляциологов, составляющий каталог ледников верховий реки Кодори. Было нас четверо: трое мужчин молодого возраста и одна девушка – Людмила. Небольшого роста, худенькая, очень энергичная, веселая, страстно влюбленная в природу гор, Люда была душой нашего отряда, нашим Солнышком, Дамой нашего сердца. Она относилась к той категории женщин, с которыми всегда светло и

радостно в доме. Все мы любили ее больше, чем сестру и подругу, и были очень счастливы от общения с ней. И никто не думал, что с нашим Солнечным Зайчиком может случиться беда... В тот день я заметил боль в глазах Людмилки, но не придавал этому значения. Вечером у нее сильно поднялась температура, к утру ее удалось немного сбить, но состояние девушки становилось все хуже и хуже. Было похоже, что она отравилась некачественными консервами. Содержимое нашей аптечки и наши медицинские знания не давали результата, и мы решили спускаться вниз в селение Генцвиши, где была сельская больница.

После долгого пути по заросшим лесным тропам средней части долины Кодори мы вышли на лесовозную дорогу. И тут нам повезло: мощный лесовоз, груженный четырьмя стволами могучих буков, догнал наш отряд. Люду мы посадили в кабину, а сами разместились на платформе между кабиной и бревнами, которые на спусках все время пытались раздавить нас, прижав к стенке кабины.

Видя состояние девушки, водитель гнал лесовоз на предельной скорости. Здание сельской больницы находилось рядом с дорогой, но на дверях ее висел замок. Проходящий мимо мальчишка сообщил нам, что врач в отпуске, и показал дорогу к его дому. У дома врача нас ждало новое испытание: мост через бурную горную речку у докторского дома ремонтировали, и настил из досок оказался разобранным. К дому можно было попасть, пройдя по нешироким бревнам основания моста, их было всего три и между ними зияли широкие пропасти пустоты.

С полузакрытыми глазами, едва держа равновесие, Людмила медленно шла по среднему бревну к своему спасению, а я и водитель лесовоза шли по соседним стволам, готовые в любую минуту прыгнуть в бурлящие струи, если девушка сорвется. Но Люда благополучно достигла противоположного берега и тут же рухнула без сознания на зеленую траву. От дома к нам стремительно бежали старик-грузин и несколько женщин...

Больше часа доктор и его помощницы боролись за жизнь нашей Людмилки. А мы сидели возле дома на траве и ждали. Водитель лесовоза тоже был среди нас. Он все курил и нервно ходил взад-вперед, волнуясь за незнакомую ему девушку. Наконец дверь докторского дома распахнулась, и старый врач подошел к нам.

- Ну что? - кинулся к нему водитель лесовоза.

- Вы вовремя ее привезли, - ответил доктор, - еще полчаса, и я ничем не помог бы ей. Сейчас уже опасность для жизни миновала, но она очень слаба, и жизнь ее теплится малым огоньком. Надо превратить этот огонек в яркий костер. Для этого был бы очень полезен наш абхазский мед, самый свежий, только взятый из улья. К сожалению, у меня дома такого нет, да и у других тоже. А пасеки наши находятся сейчас в летних лесных лагерях. Ближайшая – километров пятнадцать-восемнадцать отсюда.

Люда осталась лежать в доме старого доктора, а нас водитель отвез в барак небольшой лесопилки, где мы и заночевали. Прощаясь с водителем, я спросил:

- Как зовут спасителя нашей девочки? Мы ведь с Вами так и не познакомились.

- Знаешь, я не назову тебе своего имени, - глядя серьезно, ответил он. - На меня по всей стране объявлен розыск. Так что, не обижайся, пусть я останусь для тебя безымянным.

- Не знаю, что ты там натворил, но человек ты хороший, - я еще раз с благодарностью пожал руку водителя лесовоза. - Удачи тебе в жизни!

Утром, чуть свет, я отправился вниз по долине в поисках лесной пасеки. Часа через три, пройдя по лесным дебрям, я увидел внизу у реки стоящие ульи. На пасеке никого не было. Только пчелиный гул да шум реки витали над лесом.

Вскоре между деревьями показалась фигура человека с вязанкой хвороста за плечами. Человек оказался юным пареньком, студентом техникума пчеловодства, оставленным на хозяйстве работниками пасеки, уехавшими по делам в город.

- Я объяснил юному пчеловоду, для чего мне нужен свежий мед прямо из улья, и тут оказалось, что впопыхах я забыл взять с собой посуду для меда.

- У меня есть только один стакан, - смущаясь, сказал паренек, - но ведь это так мало.

- Ничего, хотя бы стакан, если можно, - я с надеждой смотрел на юношу. Тот кивнул головой и скрылся в палатке, через несколько минут он вышел, облаченный в защитный костюм пасечника и направился к ульям.

- Что я должен тебе? - спросил я паренька, держа в руках стакан с ароматным медом, благоухающим всеми запахами цветущих трав Абхазии.

Юноша дико посмотрел на меня и молча замотал головой.

Оставив девушку выздоравливать в доме старого доктора, мы втроем поднялись к ледникам: время подгоняло нас. Через неделю мы снова спустились в Генцвиши. Было раннее утро, селение только просыпалось. Мы прошли через сад к дому врача. Окна комнаты, где находилась наша Людмила, были распахнуты, и я заглянул внутрь. Девушка крепко спала. На тумбочке возле ее кровати стоял в вазочке уже увядший букет лесных фиалок. А на подоконнике я увидел такой же букет свежих цветов, еще не поставленных в воду, и рядом с ним совсем нетронутый знакомый стакан, полный душистого, янтарного меда.

Еле сдерживая негодование, я прошел в дом и разбудил Людмилу.

-Что же ты делаешь, хорошая моя? - раздраженно воскликнул я, - Прошла целая неделя, а ты даже не попробовала мед, который я принес тебе, чтобы ты поскорее выздоравливала. Или ты собираешься здесь зимовать?

Девушка спокойно выслушала мою тираду, улыбнулась своей милой улыбкой и сказала:

- Нет, я очень хочу быть с вами в горах. А на мед этот я уже смотреть не могу и с трудом заставляю себя его есть. Каждый день я просыпаюсь и вижу на подоконнике новый стакан меда и букет фиалок в придачу. Это уже восьмой по счету. В первый день была еще записка: «Стакан у меня только один, поэтому пустой оставляйте на окне». Тогда же исчез мой стакан, из которого я пила минеральную воду. Откуда берутся мед и цветы, я не знаю. Кто-то упорно приносит мне их, забирая предыдущий стакан даже с недоеденным медом. Чудеса, да и только! Как тут не поверить в привидения, о которых поведала мне Паша - жена нашего доктора.

-Это не привидение! - выдохнул я, еще не придя в себя от услышанного. - Это очень хороший человек, совсем еще мальчик.

Я рассказал Людмилке о юном пареньке, практиканте-пчеловоде с дальней лесной пасеки, который ежедневно проделывает путь в тридцать километров через лес и горы, чтобы незнакомая ему девушка поскорее выздоравливала.

-Я бы полюбила такого человека, - задумчиво произнесла Людмила. - Как хорошо, что на Земле есть такие люди: этот паренек, доктор Шота Георгиевич, его жена Паша, водитель лесовоза, много других, которых я встречала в жизни и встречу еще. Без

них очень неуютно было бы жить на нашей планете.

Еще две недели подряд мы работали на дальних ледниках, а Людмила оставалась в доме старого доктора. А когда мы снова спустились вниз, Шота Георгиевич разрешил Люде на следующий день уйти вместе с нами в горы.

Мы уходили рано утром, стараясь не разбудить еще спящих людей. Старый врач провожал нас до калитки. Прощаясь, я глянул в сторону докторского дома и оторопел: на подоконнике распахнутого окна комнаты, где проживала Людмила, уже стоял стакан, полный душистого абхазского меда, сверкающий золотыми гранями в лучах восходящего солнца, а рядом лежал маленький букет лесных фиалок, от которого шел аромат пробуждающегося дня.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	2
БУКЕТ ПОЛЕВЫХ ЦВЕТОВ	3
ПИСЬМА.....	7
СТРОГИЙ ВЫГОВОР КАПИТАНУ НЕМО.....	23
ПОРТРЕТ С НАТУРЫ	40
ДЕВОЧКА С УЛИЦЫ СВЕТЛОЙ	44
ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ.....	54
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.....	63
ВЫСОКИЙ ПЕРЕВАЛ.....	77
ЛАВИНА	88
ПРЕДСКАЗАНИЕ СУДЬБЫ.....	100
ПУТЬ К ПЕРЕВАЛУ ТРУДЕН.....	109
СТАКАН ДУШИСТОГО МЕДА	128

Літературно-художнє видання

**Юлій Войнарович
Букет польових квітів**

Оповідання

Російською мовою

Редактор Л.А. Прокопова

Коректор Ю.М. Попова

Приймаємо читацькі відгуки, замовлення на книгу і чекаємо на спонсорські пропозиції, якщо такі є, для друкування наступних книг автора за адресою:

86065, Донецька область, м. Авдіївка, вулиця Гагаріна, б. 23, кв. 37.

Підписано до друку 20.04.2011 р.
Формат 60 x 84/16. Папір офсетний.
Друк - цифровий. Ум.-друк. арк. 6.98.
Тираж 50 прим. Зам. №0871

Віддруковано у друкарні «Норд Комп'ютер»
На цифрових лазерних видавничих комплексах
Rank Xerox DocuTech 135 і DocuColor 2060
83003, Україна, м.Донецьк, вул.. Розеткова, 6
Тел.: (062) 389-73-82, 389-73-86
e-mail: nordpress@gmail.com